

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БИСМАРКА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО КАНЦЛЕРСТВА (1885 - 1890 гг.). ЗАКЛЮЧЕНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА (1891 - 1893 гг.)

Болгарский кризис 1885 — 1886 гг.

В середине 80-х годов надвинулись события, вновь переместившие центры мировых бурь из Африки и Средней Азии на Балканы и в Воегезы. Они вызвали весьма резкое изменение всей международной ситуации.

18 сентября 1885 г. в главном городе Восточной Румелии Филиппополе произошло восстание. Болгарские националисты изгнали турецкого губернатора с его чиновниками и провозгласили воссоединение «обеих Болгарии». После некоторых колебаний князь болгарский Александр, бывший принц Баттенбергский, объявил себя князем объединённой Болгарии.

За семь лет до этого в Сан-Стефано и на Берлинском конгрессе русское правительство боролось за создание «Великой Болгарии». Болгария получила национальную свободу благодаря подвигам русского солдата; болгарский народ навеки сохранил память об этих подвигах и чувство благодарности к России; во главе болгарской армии стояли русские офицеры; Александр Баттенбергский был посажен на престол Россией. Казалось, царское правительство должно было бы приветствовать совершившийся факт. Но в течение этих семи лет отношения русского царизма с болгарской крупной буржуазией и самим князем Александром резко изменились, хотя народные чувства остались неизменными.

Австро-Венгрия вела успешную борьбу против русского влияния в Болгарии. При этом она опиралась на экономическую зависимость болгарской буржуазии от австрийского капитала. Особенно острый конфликт возник из-за строительства железных дорог. Царское правительство было заинтересовано в постройке линий от Дуная на юг, к Балканскому хребту. Эти линии в случае новой борьбы с Турцией облегчили бы наступление русских войск за Балканские горы. Что касается австрийской буржуазии, то она была заинтересована в скорейшем окончании железной дороги, соединяющей Вену с Белградом, Софией и Константинополем. Эта линия, которая строилась при ближайшем участии венских банков так называемым Обществом Восточных железных дорог, должна была облегчить завоевание балканского рынка австрийским капиталом, а вместе с тем способствовать подчинению балканских стран политическому влиянию Австро-Венгрии. Большая часть болгарской буржуазии, связанная с австрийским рынком, поддерживала австро-венгерский проект. В 1880 г. Австрия договорилась с Сербией о постройке дороги от Белграда до болгарской границы; в 1883 г. у неё состоялось соглашение с Болгарией и Турцией о продолжении этой линии по болгарской территории. Таким образом, в борьбе России с Австро-Венгрией за железнодорожное строительство в Болгарии победа оказалась на стороне австрийцев.

Усиливать непокорного болгарского князя Александр III не хотел. В ответ на прокламацию воссоединения северной и южной Болгарии царь велел Гирсу протестовать против нарушения Болгарией Берлинского трактата. Одновременно царь отозвал из болгарской армии русских офицеров.

Всё это произошло как раз в тот момент, когда у Болгарии нарастал конфликт с Сербией. После русско-турецкой войны князь Милан был возмущён тем, что Россия взяла под своё покровительство Болгарию. Он считал, что в Сан-Стефано, а затем и на конгрессе в Берлине Россия не отстаивала, как должно, интересов Сербии. Ввиду этого Милан взял курс на Австро-Венгрию. За её поддержку он заплатил ей кабальным торговым договором от 6 мая 1881 г. Между тем экономическая зависимость Сербии от Австро-Венгрии и без того была очень велика: сербский экспорт не имел другого рынка, кроме австрийского; вывоз через Салоники себя не окупал. За торговым договором последовало заключение австро-сербского союза, подписанного 28 июня 1881 г. Этот союз явно относился к числу неравноправных договоров.

Договор устанавливал, что сербское правительство не потерпит на своей территории великосербской пропаганды, направленной против Австро-Венгрии. За это Австро-Венгрия обязывалась не допускать у себя интриг против династии Обреновичей и не возражать против присвоения князем Миланом королевского титула. Статья 4 договора, по существу, устанавливала австрийский протекторат над Сербией. «Без предварительной договорённости с Австро-Венгрией, — гласила эта статья, — Сербия обязуется никогда не вести переговоров о политических договорах и не заключать их с другими правительствами». Далее, договор устанавливал австро-сербское военное сотрудничество. Статья 7 обеспечивала Сербии австрийскую поддержку, если обстоятельства позволят Сербии сделать территориальные приобретения со стороны её «южных границ», за исключением лишь Ново-Баварского санджака. Основываясь именно на этой статье, Милан, ввиду расширения Болгарии, и решил добиваться компенсаций для Сербии. Он

потребовал от австрийского правительства, чтобы оно оказало поддержку новому курсу сербской внешней политики.

Австро-венгерским министром иностранных дел был в это время граф Кальноки. Он гораздо более Андраши был расположен вступить на путь экспансии на Балканах. Это соответствовало стремлениям военных и клерикальных кругов, интересам железнодорожных предпринимателей, строивших дороги на Балканах, и связанного с ними банковского капитала. Кальноки позволил Милану начать войну против Болгарии. Венские банкиры ссудили Милану необходимые средства.

Если царь рассчитывал, что, отозвав своих офицеров, он обречёт болгар на поражение, то он ошибся. Болгарская армия наголову разбила сербов (1885). Только вмешательство Австро-Венгрии спасло Милана. Австрийский посланник в Белграде поспешил в ставку болгарского князя и ультимативно потребовал от него, чтобы он немедленно приостановил наступление своей армии. Мир был подписан на основе *status quo*.

После одержанной болгарями победы для царя стало ещё труднее лишить Баттенберга Румелии. Перед царским правительством открывались два пути — либо примириться со свершившимся фактом, либо послать в Болгарию русские войска и посадить там князем своего человека. Гире придумал ещё третий выход: он предложил своим партнёрам по союзу трёх императоров, чтобы они совместно с Россией посредством дипломатического давления добились от Болгарии отказа от Румелии, а от Турции — посылки в Румелию турецких войск для водворения там «порядка».

Попытка царской дипломатии заставить Австро-Венгрию, главную соперницу России на Балканах, работать вместе с Турцией над восстановлением русского престижа в Болгарии представлялась как будто безнадёжной. Но политика Гирса нашла себе совершенно неожиданного союзника в лице злейших врагов России — мадьяр.

Вожди мадьярского дворянства в румелийских событиях усмотрели лишь одно — именно, усиление одного из ближних славянских государств. Цепляясь за *status quo*, как за магическую формулу своей балканской политики, они потребовали, чтобы Кальноки добивался его восстановления. Тем самым противники австро-русского сотрудничества невольно помогли его продлению на некоторый срок: они неожиданно сошлись с Россией на общей программе действий.

Что касается Бисмарка, то с первых же дней румелийских событий германский канцлер стал на ту позицию, будто бы он заранее согласен со всем тем, о чём Россия договорится с Австро-Венгрией. В интимном кругу канцлер откровенно заявлял, что его крайне мало интересуют «овцекрады с нижнего Дуная»; поэтому он дал инструкцию германскому послу в Константинополе «утопить в чернилах» весь румелийский вопрос. В Константинополе состоялась конференция послов, на которой была принята русская программа: «улучшение» внутреннего законодательства Восточной Румелии с сохранением её, однако, под властью турецкого генерал-губернатора. Италия согласилась с этим из внимания к просьбе Бисмарка, а Франция — чтобы не перечить России. Англия протестовала, но с ней не посчитались.

Однако вскоре оказалось, что принятое решение некому провести в жизнь. Австро-Венгрия ни за что не согласилась бы допустить в Болгарию русские войска; султан не решался послать свои, боясь, что конфликт с Болгарией может вызвать тяжёлые последствия. Положение осложнялось тем, что вслед за Сербией и Греция требовала компенсаций и грозила Турции войной.

В этот момент английская дипломатия в лице нового премьера Солсбери предприняла решающий маневр. Солсбери понял, что вследствие ухудшения русско-болгарских отношений Болгария из русского плацдарма перед Константинополем превращается в барьер на пути России к турецкой столице: чем этот барьер будет шире, тем труднее будет его взять. Поэтому Солсбери обещал туркам оградить их от войны с Грецией; для этого британский флот должен был явиться в греческие воды. В обмен за услугу Солсбери уговорил султана не посылать своих войск в Румелию, а, напротив, заключить соглашение с болгарским князем.

Турецко-болгарское соглашение явилось весьма своеобразным актом. Им подтверждалось, что Румелия является турецкой провинцией. Она управляется губернатором, назначенным султаном. Таким образом, буква Берлинского трактата была соблюдена: юридически северная и южная Болгария оставались разделёнными. Но губернатором Восточной Румелии султан, по турецко-болгарскому соглашению, должен был назначить князя болгарского. Таким образом, фактически в северной и южной Болгарии устанавливалось одно правительство.

Россия была вынуждена в начале 1886 г. санкционировать это турецко-болгарское соглашение, к злорадному удовольствию своего «союзника» Кальноки, а также и Бисмарка, который хотел как можно скорее, любым путём уладить румелийское дело. Канцлер опасался, как бы оно, затянувшись, не привело к австро-русскому конфликту. Ведь слишком ясно было, что под внешним покровом сотрудничества неугасимо тлеет австро-русское соперничество.

После победы, одержанной английской дипломатией в румелийском вопросе, англо-австрийское влияние уже решительно возобладало в Болгарии. Раздосадованный неудачей, Александр III решил избавиться от Баттенберга. В августе 1886 г. болгарский князь был низложен.

В Софии водворилось руссофильское правительство во главе с митрополитом Климентом и вождём русской партии Цанковым.

Но не успела ещё русская дипломатия отпраздновать эту победу, как правительство митрополита Климента в свою очередь было свергнуто; у власти оказалось «регентство» из трёх человек во главе со Стамбуловым. То был крупный капиталист, лидер консервативной партии, связанный с орудовавшими на Балканах австрийскими железнодорожными дельцами и державшийся австрийской ориентации. Перед царизмом снова стал вопрос, как восстановить своё влияние в Болгарии.

Русско-германские экономические противоречия.

Ответ на этот вопрос пришлось давать в обстановке, осложнённой экономической борьбой которая развернулась между русской и германской промышленностью. Объектом этой борьбы был внутренний рынок России, на котором до конца 70-х годов господствовала германская индустрия. С 1876 г. русское правительство начинает мало-помалу поднимать ввозные пошлины. Этому помогали промышленники; правительство уступало им тем охотнее, что само рассчитывало извлечь кое-что для оскудевшей казны от увеличения таможенных доходов. Германская буржуазия, сама требовавшая высоких пошлин, сочла, однако, себя жестоко задетой русским протекционизмом. Завоевание русского рынка было началом постепенного закабаления России германским капиталом. То было проявлением всё того же германского «натиска на Восток». Русский протекционизм мешал наступлению немецкого капитала. Поэтому немецкая пресса поднимала крик при каждом новом указе царя о повышении той или иной пошлины. И действительно, германская промышленность в 80-х годах стала стремительно терять русский рынок, на котором преобладала в предыдущие десятилетия.

Бисмарк был весьма чувствителен к интересам германской тяжёлой индустрии. Его дипломатия прилагала немало стараний, чтобы изыскать рынки для сбыта германских товаров в условиях депрессии 80-х годов. В 1883 г. канцлер склонил Турцию передать военные заказы от Армстронга Круппу и Маузеру. В 1885 г. он добился для Круппа заказов у китайского правительства. Пытался Бисмарк вырвать и сербские военные заказы из рук французских фирм, но здесь он потерпел неудачу. Зато ему удалось обеспечить германским предприятиям поставку оружия и железнодорожных материалов для Румынии и Италии. Но наиболее важным по своему объёму оставался всё-таки русский рынок. В нём были заинтересованы такие столпы тяжёлой индустрии, как фирмы Круппа или силезского магната князя Хенкеля фон Доннерсмарка. Бисмарк не раз обращался к русскому правительству с представлениями, угрозами, добиваясь снижения пошлин. Всё было напрасно: русские пошлины росли. В 1884 — 1885 г. было проведено новое их повышение.

Через свою прессу Бисмарк начал пугать Россию стеснениями русского импорта в Германию и повышением пошлин на хлеб. Газеты канцлера грозили также, что Германия помешает намечавшейся конверсии русских займов. При финансовой слабости царского правительства и при зависимости русского сельского хозяйства от германского рынка это были серьёзные предупреждения.

В начале мая 1886 г. Бисмарк имел беседу с русским послом Павлом Шуваловым. Канцлер заявил послу, что с его точки зрения Россия имеет право послать в Болгарию войска и вообще любыми средствами восстановить своё влияние на болгарское правительство. Мало того, «Австрия, — продолжал Бисмарк, — не имеет никакого права выказывать зависть по отношению к вашим действиям, и я не премину дать ей это почувствовать». Затем Бисмарк перешёл к вопросу о русских пошлинах. «Вы, кажется, намерены в ближайшее время поднять тарифы на железо и уголь, — сказал канцлер. — Я не стану скрывать, что эта мера будет иметь самое плачевное влияние на нашу промышленность».

Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, что Болгария предлагалась России в обмен за таможенные уступки. Но Бисмарк не удовольствовался такого рода воздействием на царское правительство. По своей обычной манере, он решил, что вслед за пряником полезно показать и хлыст. Канцлер начал плакаться, что как ни «антипатична» ему всякая мера против русского экспорта, однако ему очень трудно противостоять натиску аграриев, требующих нового повышения ставок на хлеб.

Ближайшей своей цели Бисмарк добился: намеченное повышение тарифных ставок на железо и уголь было отсрочено.

Канцлер, однако, не терял надежды и на большее. Летом 1886 г. он всячески ухаживал за царским правительством. Он помог России избавиться от порто-франко, установленного в Батуме после Берлинского конгресса. «Лет через десять вы будете господствовать в этих водах», — заметил он Шувалову. Посол охотно подхватил эту тему. Он принялся объяснять Бисмарку, как важно для России обеспечить себе безопасность в районе проливов. Бисмарк принял наивный вид и заметил, что ведь международные договоры гарантируют закрытие проливов. На это Шувалов

возразил, что нельзя основывать безопасность только на одних трактатах. «Мы должны иметь возможность, — заявил посол, — повесить замки на нашу дверь». Помолчав немного, Бисмарк произнёс: «Ну что же, если вы их повесите, то с нашей стороны вы, конечно, не встретите препятствий».

Шувалов был в восторге. Но на Александра III всё это не произвело большого впечатления. Против последней фразы шуваловского донесения царь лаконично пометил на полях: «еще бы» г. Александр III, так же как и Гире, вовсе не помышлял в эти годы о приобретении проливов. И Бисмарк напрасно рассчитывал спровоцировать Россию на новое выступление против Турции.

Если бы царское правительство и было расположено пойти на уступки Бисмарку, то сделать это было бы довольно трудно. Русские протекционистские круги почуяли опасность для своих пошлин. Их глашатай Катков начал в «Московских ведомостях» кампанию против внешней политики правительства. Газета требовала разрыва с Германией и сближения с Францией.

Каким путём в условиях царской России мог Катков проводить такую агитацию, станет понятным, если учесть его крупные связи в правительственных сферах, где имелось сильное антигерманское течение. В частности многие представители высших военных кругов стояли за сотрудничество с Францией. Такова была, например, позиция генерала Скобелева, а после его смерти — генерала Обручева, долголетнего начальника русского генерального штаба. Да и сам Александр III был настроен весьма подозрительно к Германии. В особенности недолюбливал он её канцлера. Как-то на полях посольского донесения он наградил Бисмарка совсем не дипломатическим эпитетом.

Рост реваншизма во Франции.

Сложность обстановки усугублялась тем, что почти одновременно с событиями в Румелии возникло обострение франко-германских отношений. Европа оказалась лицом к лицу с двумя кризисами: один вспыхнул на Балканах, другой грозил разразиться на Рейне.

В 1883 и 1884 г. второй кабинет Ферри предпринял захват Индо-Китая. Овладев Аннамом, французы принялись за Тонкин, находившийся в вассальной зависимости от китайского богдыхана. В Тонкине французских колонизаторов ждали некоторые трудности. В марте 1885 г. их экспедиционный корпус потерпел поражение от китайских войск. Весть об этом вызвала в Париже взрыв бурного протеста против колониальной политики и привела к падению кабинета Ферри. Реваншисты постарались использовать эти события в собственных целях.

Осенью того же 1885 г. во Франции произошли парламентские выборы, которые принесли поражение «умеренным». Усилились как монархисты, так и радикалы. Иначе говоря, упало влияние сторонников колониальных захватов и заигрывания с восточным соседом. Возросло влияние реваншистов всех мастей. Началась агитация генерала Буланже, призывавшего к подготовке реванша. В 1886 г. Буланже вошёл в правительство, получив портфель военного министра. Он принялся проводить энергичные мероприятия по усилению армии. В свою очередь и Бисмарк начал помышлять о новой расправе с Францией. Являлся вопрос, не использовать ли ему те трудности, которые сулила России болгарская проблема. Быть может это позволит обеспечить нейтралитет России в случае войны с Францией. Но болгарский вопрос мог породить и нечто другое — австро-русский конфликт...

Международное положение Германии осложнялось. Перед лицом вероятных конфликтов с Францией Бисмарку нельзя было ссориться с Россией, которую он ненавидел, но которой боялся. Нельзя было также терять и Австро-Венгрию. Канцлер старался ладить с обеими. Однако при обострении болгарского вопроса сделать это было нелегко: после августовских событий в Болгарии Бисмарку пришлось призвать себе на помощь всю свою дипломатическую изворотливость.

Крах союза трёх императоров.

Незадолго до свержения Баттенберга Бисмарк встретился с Кальноки на курорте в Киссингене. Здесь они договорились о поддержании союза трёх императоров на базе невмешательства в болгарские дела. В тот момент «невмешательство» практически означало, что в угоду России Германия и Австрия предоставляют свободу действий врагам Баттенберга.

Когда Баттенберг пал, Бисмарк устами своего официоза громко заявил, что это событие не касается германского правительства, что, пожалуй, такой факт заслуживает даже положительной оценки. На другой день после контрпереворота в Софии Бисмарк встретился с Гирсом в Франценсбаде. Они условились предпринять совместные шаги перед султаном, чтобы тот не допускал реставрации Баттенберга.

Когда об этом узнали в Вене, Кальноки запротестовал. Ведь ещё совсем недавно, в Киссингене, они договорились с Бисмарком о «невмешательстве» в болгарские дела, а теперь немцы собираются произвести демарш в Константинополе. Последовали австро-германские переговоры. В результате их при встрече с русским поверенным в делах Бисмарк имел несколько

skonфуженный вид.. В конце концов он заявил, что ничего не имеет против того, чтобы Россия силой выдворила из Болгарии враждебное ей правительство. Пусть только она сначала договорится об этом с Австро-Венгрией. Но тут же и сам Бисмарк признал, что это едва ли достижимо. Со своей стороны канцлер давал понять, что в своей помощи России он не пойдёт дальше «непризнания» Баттенберга, в случае если бы тот вернулся в Софию.

Тем временем, 25 сентября 1886 г. в болгарскую столицу приехал специальный эмиссар царя генерал Каульбарс. Он имел поручение добиться согласия болгарских регентов на водворение в Болгарии «законного» правительства, иначе говоря, нового князя, дружественного русскому царю. Генерал действовал неумело и ещё более испортил русско-болгарские отношения. Кончилось дело его отозванием и разрывом дипломатических отношений между Петербургом и Софией. Политическая атмосфера стала ещё более напряжённой. Русское правительство уже заговаривало об оккупации Болгарии.

На самом деле то были одни разговоры. Царь боялся посылки русских войск в Болгарию. Угрозы были вызваны лишь желанием побудить союз трёх императоров дипломатическим путём привести болгарских регентов к покорности и тем избавить Вену от неприятной для Австрии перспективы — увидеть в Болгарии русские войска.

Но Кальноки не понимал истинных целей русской политики. Он серьёзно боялся нового появления русских войск в сердце Балкан по примеру 1877 — 1878 гг. Опасения эти разделялись и Англией.

9 ноября, на традиционном банкете у лондонского лорд-мэра, Солсбери позволил себе произнести по адресу России резкие слова. А через несколько дней после этого, выступая перед венгерской делегацией, Кальноки пошёл ещё дальше. Он прямо пригрозил России войной в случае появления русских войск в Болгарии.

С самого начала болгарского кризиса английское правительство стремилось втянуть Австрию и Германию в конфликт с Россией. Со своей стороны и Бисмарк с не меньшим усердием трудился над тем, чтобы спровоцировать англо-русское столкновение, а самому при этом остаться в стороне.

Вскоре после того как Солсбери в 1885 г. сменил Гладстона у власти, он послал к Бисмарку своего секретаря Ф. Керри со специальной миссией. Цель её заключалась в том, чтобы подтолкнуть Германию на борьбу против России. Однако это вовсе не входило в расчёты Бисмарка, который со своей стороны всегда стремился к тому, чтобы осложнить англо-русские отношения. Бисмарк ответил английскому правительству, что «Англия ни в коем случае не может рассчитывать на союз с Германией против России». Как неоднократно выражался Бисмарк, он не желал, чтобы немцы таскали для Англии каштаны из русского огня. Он считал, что чем пассивнее будет держаться Германия в восточном вопросе, тем больше будет шансов, что англичане решатся сами выступить против России, бок о бок с Австро-Венгрией. Таким образом, столь желанный для германского канцлера англо-русский конфликт был бы налицо. Канцлер настойчиво уговаривал австрийцев не ссориться с Россией до тех пор, пока у них не будет абсолютной уверенности, что Англия также не уклонится от борьбы. При этом Бисмарк неустанно твердил, что Австро-Венгрии не следует рассчитывать на поддержку Германии в войне из-за Болгарии: ведь договор 1879 г. распространяется лишь на случай прямого нападения России на австро-венгерскую территорию. «Если Англия не пойдёт впереди, — писал в другой раз Бисмарк, — глупа будет Австрия, если будет на неё рассчитывать. Если Рандольф Черчилль боится выступить вместе с Австрией и Турцией, то ради чего же тогда одна Австрия должна ухватить кошку за хвост? Чтобы потом быть покинутой Англией?». Следующая записка Бисмарка ясно определяет суть политики германского канцлера: «Мы должны стремиться сохранить свои руки свободными, чтобы в случае, если дело дойдёт до разрыва с Россией из-за восточных вопросов, мы не были тотчас же втянуты в конфликт, так как все наши силы понадобятся нам против Франции. Если мы останемся нейтральными в войне Австрии и её союзников против России, то мы сможем избежать войны с Францией, так как последняя не может начать войны, пока мы не втянуты в борьбу с Россией... Если мы выдержим намеченную здесь линию, — продолжает Бисмарк, — то весьма вероятно, что обе войны, которые угрожают Европе, могут пройти отдельно одна от другой». Таким образом, Бисмарк ясно формулирует свои цели: избежать войны на два фронта и обеспечить условия для локализации будущих войн.

С осени 1886 г., по мере ухудшения австро-русских отношений, Бисмарк начинает энергично работать над установлением англо-австрийского сотрудничества. Он стремится связать Англию возможно более твёрдыми обязательствами перед Австрией, а также и Италией на случай совместных действий против России, а отчасти и против Франции.

Может показаться, что Бисмарк совершил поворот в своей политике в сторону открытого антирусского курса. Однако это было бы упрощённым и неправильным пониманием его политики. Бисмарковская дипломатия была очень сложна: канцлер одновременно проделывал маневры в разных направлениях.

Ещё в середине октября 1886 г. Бисмарк настойчиво предостерегал Шувалова против оккупации Болгарии. Но вот 21 ноября 1886 г. в Берлин приехал брат царя великий князь Владимир Александрович. Во время этого визита сын канцлера, ставший к этому времени статс-секретарём ведомства иностранных дел, в продолжительной беседе с великим князем опроверг всё то, что и он сам и его отец совсем недавно говорили Шувалову, предостерегая против посылки русских войск в Болгарию. Теперь России предоставлялась на это *carte blanche*, совсем как минувшей весной, когда Бисмарк думал купить у царского правительства таможенные уступки.

Что же заставило канцлера вернуться к своей весенней позиции? Дело в том, что в октябре Бисмарк узнал об улучшении франко-русских отношений. А 5 ноября 1886 г. французский премьер Фрейсинэ рассказал германскому послу, будто Россия предлагала Франции союз против Германии. На самом деле разговоры о союзе вело не русское правительство, а приезжавшие в Париж агенты Каткова. Но Бисмарк принял сообщение Фрейсинэ за чистую монету. Это не удивительно, если учесть, что в России имелось сильное течение в пользу франко-русского сближения.

В такой обстановке Бисмарк и предпринял один из самых сложных маневров, какие только знает история дипломатии. С одной стороны, он не скупится на авансы России и подталкивает её на военную интервенцию в Болгарию. С другой — он сдерживает Австрию в её противодействии России. В то же время канцлер работает над активизацией английской политики и стремится вызвать англо-русский конфликт, будучи готов в этом случае спустить и Австро-Венгрию с цепи, на которой он её твёрдо решил держать, пока не последует выступление Англии. Однако для Германии Бисмарк намерен был даже и в этом случае оставить руки свободными и сохранить «дружественные» отношения с Россией.

Этим не исчерпывалась сложнейшая игра, которую повёл Бисмарк. Одновременно с маневрами в области англо-австро-русских отношений германский канцлер довёл до крайней степени возбуждения газетную кампанию против Франции.

Эта кампания имела для Бисмарка большое значение и с точки зрения внутренней политики. Исключительный закон, проведённый канцлером против социалистов, не давал ожидаемых результатов. Выборы в 1881 и 1884 гг. оказались для Бисмарка крайне неудачными. Партия центра держала себя слишком независимо. К тому же император дряхлел, и надвигалась смена монарха. Предстояло, наконец, возобновление закона об утверждении военного бюджета на семилетний срок (септенната) и значительное усиление армии. Канцлер был заинтересован в том, чтобы вызвать в стране взрыв шовинизма. Он уже не раз успешно применял подобный приём. Поэтому его пресса подхватывала и непомерно раздувала все факты реваншистской пропаганды. А французские националисты своими выходками сами помогали тому, чтобы антифранцузская кампания германского канцлера не оставалась без пищи.

Военная тревога в январе 1887 г.

Принявшись с конца октября усердно ухаживать за Россией, Бисмарк добился известного успеха: обман удался, хотя и не надолго, конце 1886 г. сам Александр III на некоторое время проникся доверием к повороту в германской политике. «Теперь действительно видно, — говорил царь, — что Германия заодно с нами в болгарском вопросе». Царя особенно заботил один, в сущности довольно мелкий, вопрос: как бы ненавистный ему Баттенберг не вернулся в Болгарию. Это было бы для Александра III личным оскорблением. Графу Петру Шувалову, который собирался ехать в Берлин по своим частным делам, было поручено переговорить по этому вопросу с германским канцлером; нужно было, чтобы кайзер запретил Баттенбергу как офицеру немецкой службы возвращение на болгарский престол.

Пётр Шувалов, так же как и брат его Павел, с 1885 г. занявший пост посла в Берлине, был давнишним сторонником тесной дружбы с Германией. У Бисмарка он был *persona grata*. Когда Пётр Шувалов прибыл в Берлин, он вместе с братом побеседовал сперва с сыном канцлера графом Гербертом Бисмарком. Тот обещал, что его отец окажет царю содействие в деле Баттенберга. Вслед за тем братья Шуваловы, по собственному почину, перешли к вопросу о дальнейшей судьбе союза трёх императоров: срок договора 1884 г. истекал предстоящим летом. Пётр Шувалов предложил Герберту Бисмарку возобновить договор без Австрии; отношения России с этой державой слишком уже испортились после событий минувшей осени. Двойственный русско-германский договор должен был строиться на следующей основе: Россия гарантирует Германии свой нейтралитет в случае франко-германской войны. «При этом, — заявил Шувалов, — безразлично, нападёт ли Франция на Германию, или же вы начнёте против неё войну и наложите на неё 14 миллиардов контрибуции, или даже посадите прусского генерала в качестве парижского губернатора». Предложение Шувалова было по условиям 80-х годов столь смелым, что сам Бисмарк, читая донесение сына, поставил на полях вопросительный знак. В обмен Шувалов просил у Германии обязательства, что она не станет препятствовать России овладеть проливами и восстановить русское влияние в Болгарии. «С большим удовольствием», — пометил канцлер на донесении Герберта.

Через несколько дней братья Шуваловы и Бисмарк, сидя за бутылкой шампанского, составили проект договора на только что изложенной основе. Были, впрочем, добавлены ещё некоторые важные пункты; они обязывали Россию «ничего не предпринимать против территориальной целостности Австро-Венгрии» и признавали Сербию сферой австрийского влияния.

Бисмарк был в восторге от бесед с Шуваловым. На другой день, 11 января 1887 г., предстояло большое выступление канцлера в Рейхстаге. Этого выступления ждал весь политический мир. Бисмарк говорил весьма смело. В его речи были две основные мысли: дружба с Россией и вражда с Францией. «Дружба России для нас важнее, чем дружба Болгарии и чем дружба всех друзей Болгарии в нашей стране», — заявил канцлер. О возможности войны с Францией Бисмарк высказался в том смысле, что никто не может знать, когда эта война придёт: быть может через 10 лет, а может быть и через 10 дней.

В эти дни германские дипломатические представители в Константинополе и в Софии получили из Берлина предписание — в болгарском вопросе самым энергичным образом поддерживать русскую политику. Одновременно Бисмарк усилил дипломатический нажим на западноевропейском международном фронте. 13 января 1887 г. он обратился к бельгийскому правительству с запросом, принимает ли оно меры (и какие именно) для обеспечения своего нейтралитета в случае якобы возможного французского вторжения в Бельгию. 22 января поверенному в делах в Париже было предписано срочно представить сведения о французских военных приготовлениях. Канцлера, как он заявлял в своём письме, «занимает вопрос, не следует ли обратить внимание французского правительства на то обстоятельство, что его военные приготовления заставляют сомневаться в его миролюбии».

28 января Бисмарк беседовал в Берлине с французским послом. Посол заверял канцлера в мирных намерениях Франции. Бисмарк ему ответил, что и не сомневается в миролюбии существующего правительства. Однако оно представляется ему непрочным. «А если Буланже станет председателем Совета министров или президентом республики, — угрожающе заключил канцлер, — тогда произойдёт война».

30 января, на заседании прусского министерства, т. е. в узком, закрытом собрании, Бисмарк оповестил своих коллег о возможности войны в течение ближайших же недель. Он заявил, что на следующей неделе в прусский Ландтаг должен быть внесён проект закона о займе в 300 миллионов марок на покрытие военных надобностей. Рейхстаг был распущен ввиду провала септенната, а новые выборы предстояли лишь 20 февраля. Очевидно, Бисмарк не считал возможным обождать ещё три недели и решил обратиться к Ландтагу за санкцией военного займа. «Едва ли можно поверить, — записал в своём дневнике один из прусских министров, — что Бисмарк хочет применить такое средство только как избирательный маневр. Это означает войну».

31 января в газете «Post» появилась инспирированная статья под заглавием «На острие ножа». В ней доказывалось, что Франция лихорадочно вооружается, что шовинистические чувства накалены в ней до последнего предела, что Буланже является в Париже господином положения и что, придя к власти, он обязательно начнёт войну. Вслед за этой статьёй поползли тревожные слухи, будто Бисмарк готовит ультиматум Франции с требованием отставки Буланже. Агенты Бисмарка усердствовали во-всю. Сам же канцлер в течение всего этого времени с нетерпением ждал известий о судьбе проекта русско-германского договора, предложенного ему Петром Шуваловым.

Привезённый Шуваловым в Петербург плод его личной дипломатии не встретил одобрения даже со стороны такого германофила, как Гире. Министр нашёл, что Шувалов продешевил, наобещав Бисмарку гарантию целостности Австрии и её преобладания в Сербии. Сам царь отнёсся к проекту Шувалова ещё более недоверчиво. 17 января, на докладе царю, Гире к ужасу своему убедился, что под вопросом стоит вся проводимая им политика германской ориентации. Ближайший сотрудник Гирса Ламздорф записал в этот день в своём дневнике: «Повидимому, интриги Каткова или какие-нибудь другие пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути. Его величество высказывается не только против тройственного союза (с участием Австро-Венгрии), но даже против союза с Германией. Ему будто бы известно, что союз этот непопулярен и идёт вразрез с национальными чувствами всей России; он признаётся, что боится не считаться с этими чувствами и т. д.». По приказу царя Гире предписал Павлу Шувалову пока что совершенно воздержаться от разговоров с Бисмарком о заключении русско-германского договора.

Поднявшаяся военная тревога повергла французское правительство в подлинное смятение. Сначала министр иностранных дел Флуранс решил было обратиться за помощью к России. 21 января, крайне взволнованный, он приехал к русскому послу барону Моренгейму, чтобы обратить внимание русского правительства на агрессивные замыслы «Германии». Одновременно через полуофициального агента министр запросил Моренгейма, может ли Франция рассчитывать на моральную поддержку России в случае, если Германия выступит в Париже с требованием разоружения французской армии.

22 января депеша Моренгейма прибыла в Петербург. Гире предлагал ответить французам крайне сдержанно. Но царь решил иначе. На вопрос, будет ли Франции оказана «моральная

поддержка», он реагировал пометкой: «Конечно, да». Так и полагалось ответить Моренгейму. Но германofil Гире остался верен себе. Прежде чем передать французам решение царя, он решил предварительно разузнать в Берлине, «имеют ли сведения Моренгейма какие-либо основания».

Ради этого 23 или 24 января (точная дата неизвестна) Павел Шувалов, по поручению Гирса, отправился к Бисмарку. Содержание происшедшего между ними разговора точно неизвестно. Шувалов, повидимому, удовлетворился трафаретными заверениями Бисмарка, что тот не собирается нападать на Францию. Однако основное значение этого разговора заключалось в другом: следуя инструкции из Петербурга, Шувалов ровно ничего не сказал Бисмарку насчёт того вопроса, который больше всего интересовал канцлера. Шувалов промолчал о судьбе проекта, составленного его братом Петром.

После беседы с Шуваловым Бисмарк испытывал большое беспокойство. Это явствует хотя бы из того, что 24 января он счёл нужным разослать германским дворам циркулярную депешу, в которой разъяснял, что в своей речи 11 января он нарочно преувеличил сердечность русско-германских отношений.

В тот же день, 24 января, Бисмарк предпринял новый дипломатический ход. Посол в Лондоне граф Гатцфельд явился в Министерство иностранных дел и повёл там следующий разговор: Германия, заявил он, не хочет войны с Францией, но, тем не менее, эта война «очень близка». Затем посол с настойчивостью задал вопрос, будет ли Англия в случае войны поддерживать Австрию и Турцию против России. Солсбери заявил, что, по его мнению, Англия должна это сделать, но, ввиду неуверенности в позиции Парламента, он не может взять на себя твёрдые обязательства. При этом Солсбери решил «подбодрить» Бисмарка. Недаром он писал британскому послу в Париже о своей надежде, что франко-германская война избавит Англию от той «непрерывной пытки, которой Франция подвергает её в Египте». 4 февраля близкая к Солсбери газета «Standard» поместила статью о бельгийском нейтралитете. В этой статье, в предвосхищение плана Шлиффена, указывалось, что Бельгия — самый удобный путь для вторжения немцев во Францию, и ставился вопрос, что должна будет делать Англия, если Германия действительно двинется по этому пути. Ответ давался совершенно определённый: в таком случае для Англии было бы «неразумно» защищать Бельгию. «Англия не может стать на сторону Франции против Германии, — заключала газета. — Этим Англия спутала бы основные цели английской политики во всех точках земного шара». Так изменилась позиция Англии с 1875 г. вследствие обострения борьбы за раздел мира, в которой Франция в ту пору всё ещё оставалась для Англии более опасным соперником, чем Германия. Таким образом, в случае новой франко-германской войны Бисмарк мог уверенно рассчитывать на то, что Англия воздержится от вмешательства в этот конфликт.

Совсем иной была позиция России. В первые дни февраля Бисмарку, наконец, стало уже совершенно ясно, что проект Шувалова не встретил одобрения царя и что, следовательно, на поддержку России рассчитывать не приходится. При таких условиях Бисмарку оставалось только одно — отказаться от плана нападения на Францию. Французский посол в Берлине телеграфировал в Париж о явном разрежении атмосферы. 17 февраля Бисмарк писал Швейницу, что, очевидно, предложение Шувалова успеха в Петербурге не имело.

Как же вело себя в дни военной тревоги французское правительство? В январские дни 1887 г. французские политики были совершенно парализованы страхом. Сделав было 21 января описанную выше попытку заручиться сотрудничеством России, Флуранс в последующие дни проникся убеждением, что единственное спасение Франции заключается в том, чтобы не дразнить Бисмарка какими-либо симптомами сближения с Россией. «Если мы только пошевелимся, Бисмарк бросится на нас», — твердил Флурансу из Берлина французский посол Эрбетт, являвшийся подлинным вдохновителем этой политики «непротivления злу».

26 января посол в Петербурге Лабуле по собственной инициативе обратился к Гирсу с вопросом, «окажет ли Россия его родине моральную поддержку, продвинет ли она свои войска к границе Пруссии и не связана ли она какими-либо обязательствами по отношению к Германии». Гире ответил, что Россия никакими обязательствами не связана (что было не вполне точно) и поэтому располагает свободой действий. «И вы мне позвольте сохранить таковую, — довольно резко добавил он — не принимая никаких обязательств по отношению к вам». Сколь это ни удивительно, обескураживающий ответ русского министра чрезвычайно обрадовал Флуранса. Заявление Гирса избавляло его от необходимости продолжать переговоры с Россией, которые могли бы ещё больше раздражить германского канцлера.

Средиземноморская Антанта.

Зато опасность войны оживила переговоры, которые велись между Англией и Австрией, а также между Англией и Италией. Международная обстановка толкала Англию на сближение с Австро-Венгрией и Италией: с ними, а также и с Германией у Англии были в ту пору общие враги — Россия и Франция. Но Солсбери решительно отклонял предложения заключить союзный договор, содержащий твёрдые военные обязательства. Борьбу с Россией и Францией он рассчитывал

провести силами держав Тройственного союза. В крайнем случае для предотвращения перебежки Италии во французский лагерь он готов был пойти на соглашение менее обязывающего характера — о проведении общей политической линии. Однако даже и с этим он не спешил. Тогда в начале февраля 1887 г. Бисмарк пригрозил Солсбери, что если соглашение с Италией и Австрией не будет заключено, он прекратит поддержку Англии в египетских финансовых делах. Угроза подействовала. 12 февраля состоялся обмен нотами между Италией и Англией. В этих нотах обе стороны обязывались сотрудничать в деле поддержания status quo на берегах Средиземного, Чёрного, Эгейского, Адриатического морей и на побережье Северной Африки.

«В случае, если по причине каких-либо роковых событий, — гласила британская нота, — сохранение status quo во всей полноте окажется невозможным, обе державы желают, чтобы никакая иная великая держава не распространяла своего владычества в какой-либо части этих побережий».

Но, указывалось далее в британской ноте, «характер этого сотрудничества должен быть установлен, когда явится в нём надобность, смотря по обстоятельствам каждого данного случая». В письме к королеве Солсбери давал следующее толкование этому типичному образчику творчества английской дипломатии того времени. «Английская нота так составлена, — писал он, — что оставляет совершенно свободным суждение, должно ли сотрудничество с итальянским правительством в каждом данном случае доходить до оказания военной помощи». 24 марта к соглашению, с оговорками, примкнула и Австро-Венгрия. Присоединялась она не особенно охотно: Кальноки боялся как бы такое «сотрудничество» против России без определённых военных обязательств Англии не кончилось тем, что Англия втянет Австрию в конфликт с Россией, а затем ретируется, оставив её вдвоём с Италией.

Договор перестраховки.

К моменту завершения англо-итальянских переговоров Бисмарку уже было совершенно ясно, что проект Шувалова потерпел неудачу. Но, убедившись в этом, канцлер всё-таки не терял надежды договориться с Россией, дабы обеспечить её нейтралитет на случай войны с Францией. Чтобы добиться этого, он с половины февраля принялся вредить России всюду, где только мог; таким путём он надеялся убедить царя в пользу германской «дружбы». Чиня России множество крупных и мелких неприятностей, Бисмарк в то же время то и дело заговаривал с ней о соглашении. В наиболее полной форме идея русско-германского соглашения была развита перед русским послом Нелидовым уже известным читателю Радовицем, к этому времени занявшим пост германского посла в Турции. Интересы России, говорил Радовиц, сосредоточены на Востоке. Германия это всецело признаёт: она готова предоставить там России полную свободу действий. Что же касается самой Германии, то её внимание приковано к Рейну. В случае возникновения войны с Францией Германия ожидает от России соблюдения нейтралитета.

Однако русское правительство вовсе не собиралось поднимать восточный вопрос и, тем более, нападать на Турцию. Поэтому русская дипломатия опасалась неравноценной сделки. «Мы дали бы Германии немедленную выгоду, — писал по этому поводу Жомини, советник российского Министерства иностранных дел, — а в обмен получили бы преимущество эвентуальное и отдалённое».

Всё же усилия Бисмарка не пропали даром: в апреле 1887 г. царь дал, наконец, согласие на возобновление переговоров с Германией о замене истекавшего договора трёх императоров двойственным русско-германским соглашением. Переговоры начались в Берлине между Павлом Шуваловым и Бисмарком. 11 мая 1887 г. Шувалов передал Бисмарку русский проект договора двух держав. Первая статья этого проекта гласила: «В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сохранит по отношению к ней благожелательный нейтралитет». Вокруг этой статьи и развернулись наиболее жаркие споры. Заслушав русский проект, Бисмарк сделал несколько сравнительно второстепенных замечаний, а затем, как повествует Шувалов, «канцлер обратился к своей любимой теме: он снова стал говорить о Константинополе, о проливах и т. д. и т. п. Он повторил мне, — сообщил Шувалов, — что Германия была бы очень рада, если мы там обоснуемся и, как он выразился, получим в руки ключ от своего дома». Словом, Бисмарк, по своему обычаю, торговал чужим добром. Он предложил Шувалову составить отдельную, особо секретную статью, содержащую согласие Германии на захват проливов царским правительством. «Это соглашение, — заметил канцлер, — такого рода, что его следует спрятать под двойное дно». Он предложил Шувалову отредактировать к следующей их встрече проект соответствующей статьи.

Полагая, что он сделал максимум возможного, чтобы соблазнить русское правительство и побудить его пойти на уступки, Бисмарк перешёл к самому главному. Он взял портфель, извлёк из него какую-то бумагу и прочёл изумлённому Шувалову текст австро-германского союза. При этом Бисмарк выразил «сожаление», что обстановка 1879 г. заставила его заключить подобный договор. Теперь он уже связан и в силу этого должен настаивать на том, чтобы из будущего русско-

германского договора о нейтралитете был исключён один случай, а именно, когда Россия нападёт на Австрию. Шувалов стал возражать, но недостаток времени заставил прервать беседу.

Через два дня встретились снова. Шувалов возобновил свои возражения; Бисмарк также стоял на своём. Тогда 17 мая Шувалов предложил канцлеру добавить к строкам об ограничении германских обязательств на случай войны между Россией и Австрией следующую оговорку: «а для России исключается случай нападения Германии на Францию». Смысл этого добавления был очень ясен и прост. Он сводился к следующему: Вы не хотите нам позволить в случае надобности разбить Австрию. Хорошо. Но имейте в виду, что и мы не позволяем вам разбить Францию. Обещая свой нейтралитет в случае её нападения на вас, мы будем лишь сдерживать её собственные агрессивные замыслы, подобно тому как и вы обещаете это сделать в отношении вашей союзницы Австрии. Бисмарк был крайне недоволен, но Шувалов оказался столь же твёрд, как и он сам. Было перепробовано немало различных редакций. Наконец, сошлись на нижеследующем тексте статьи 1 договора: «В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции в случае, если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из этих держав одной из высоких договаривающихся сторон».

Так гласила статья 1. Статья 2 касалась балканского вопроса:

«Германия признаёт права, исторически приобретённые Россией на Балканском полуострове, и особенно законность её преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном status quo названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой».

Статья 3 воспроизводила статью договора 1881 г. относительно закрытия проливов.

К договору был приложен особый протокол. В нём Германия обязывалась оказать России дипломатическое содействие, если русский император найдёт нужным «принять на себя защиту входа в Чёрное море» в целях «сохранения ключа к своей империи». Германия обещала также никогда не давать согласия на реставрацию принца Баттенбергского на болгарском престоле. Договор вместе с протоколом был подписан Шуваловым и Бисмарком 18 июня 1887 г. Он получил название договора перестраховки: застраховавшись от России и Франции с помощью союзов с Австро-Венгрией и Италией, Бисмарк теперь как бы перестраховывался посредством соглашения с Россией.

Обещая России, согласно новому русско-германскому договору, свой нейтралитет в случае нападения на неё Австрии, Бисмарк, с другой стороны, ещё в 1879 г. гарантировал Австрии военную помощь в случае нападения на неё России. Следует отметить, что ни один из этих договоров не содержал определения, что следует считать «нападением». Решение вопроса, кто на кого напал, Бисмарк оставлял за собой, предлагая положиться на его «лояльность». Ясно, что тем самым он создавал себе орудие для давления и на Россию и на Австрию.

Сложность положения усугублялась тем, что с 1883 г. существовал австро-румынский союз, в силу которого Австрия должна была оказать военную помощь Румынии в случае нападения на неё России. К этому договору немедленно после его подписания примкнула и Германия. Таким образом, она была обязана и в случае войны России против Румынии объявить России войну. Между тем по новому русско-германскому договору Германия обязывалась перед Россией соблюдать в подобном случае нейтралитет. Положение было таково, что могло поставить в тупик и самого искушённого дипломата. Но Бисмарка оно не смущало. Он быстро вышел из положения, мимоходом бросив замечание, что для Румынии у Германии всё равно не нашлось бы большого количества войск. В 1888 г. Бисмарк возобновил договор с Румынией, нимало не смущаясь тем, что у него уже имелось противоречащее ему соглашение с Россией.

Гораздо больше тревожила Бисмарка недостаточность русских обязательств на случай войны с Францией. С этой точки зрения соглашение с Россией не удовлетворяло германского канцлера. Вскоре же по подписании договора он решил привести в действие все рычаги для давления на Россию.

Бисмарк начал с того, что уклонился от помощи России, когда та хотела воспрепятствовать избранию на болгарский престол неприемлемого для неё австрийского ставленника — принца Фердинанда Кобургского. Затем при содействии Бисмарка 12 декабря 1887 г. было заключено новое англо-австро-итальянское соглашение: оно уточняло линию, намеченную соглашением от 12 февраля — 24 марта. Ещё более действенными обещали быть средства экономического давления. Германская пресса начала кампанию против русского кредита. Бисмарк издал указ, запрещавший правительственным учреждениям помещать деньги в русские бумаги; Рейхсбанку он запретил принимать эти бумаги в залог. О новом займе в Берлине русскому правительству не приходилось и думать. Наконец, в конце 1887 г. в Германии было проведено повышение пошлин на хлеб.

Ухудшение русско-германских отношений.

Результатом всех мероприятий, предпринятых Бисмарком против России, было резкое ухудшение русско-германских отношений. Оно совпало с ещё более острым кризисом в отношениях России с Австро-Венгрией.

Причиной этого кризиса была энергичная поддержка, которую Австро-Венгрия оказывала новому болгарскому князю, в то время как Россия упорно уклонялась от его признания, считая его узурпатором. Осенью Кальноки в публичной речи подверг резкой критике русскую политику. Русское правительство в свою очередь приняло в отношении Австрии угрожающий тон. Всё это сопровождалось шумной газетной перебранкой.

Особую серьёзность придавало этим событиям то обстоятельство, что в России они совпали с переброской нескольких воинских частей на австрийскую границу. На самом деле эта переброска была частью большого плана изменения дислокации русской армии, который был выработан уже давно, ещё до русско-турецкой войны. Новые переброски войск в конце 1887 г., таким образом, не заключали в себе ровно ничего непосредственно угрожающего. Но в накалённой атмосфере 1887 г. австрийцы очень испугались этих военных мероприятий России. Со своей стороны и русская дипломатия (и даже Гире) не рассеивала этих страхов, рассчитывая использовать их для давления на Австрию в вопросе о судьбах болгарского княжеского престола.

В довершение всего осенью, во время пребывания Александра Ш в Копенгагене у родителей его жены, царю были переданы документы, из которых явствовало, что и Бисмарк активно поддерживает князя Фердинанда.

На обратном пути из Копенгагена царь заехал в Берлин. Бисмарк встретил его весьма своеобразно. За день до приезда Александра он издал упомянутый выше указ, запрещающий ломбардирование русских бумаг в Рейхсбанке. А затем, показав таким образом когти, при личной встрече канцлер со всем своим красноречием постарался убедить царя, что Германия вовсе не заинтересована в поддержке Фердинанда Кобургского. При этом, разумеется, Бисмарк доказывал подложность переданных царю документов.

Мольтке и его помощник генерал-квартирмейстер Вальдерзее, ссылаясь на военные приготовления России, требовали превентивной войны против неё. Они указывали на перевес Германии в отношении боевой готовности и напоминали, что в скором времени соотношение сил может измениться. Но как ни ненавидел Бисмарк Россию, он, тем не менее, не хотел войны против неё. Он предвидел необычайные трудности этой войны. Он знал, что она неизбежно осложнится вмешательством Франции, и понимал все тяготы войны на два фронта. Канцлер запугивал Россию, но решительно противился воинственным планам германского генерального штаба.

К концу декабря русское правительство поняло, что угрозы по адресу Австрии ему не дадут ничего. Но и Бисмарк в свою очередь убедился, что не достигнет тех целей, которые себе ставил, и лишь окончательно испортит русско-германские отношения. Тогда канцлер переменял фронт. Он помог царю получить чисто демонстративное удовлетворение, добившись от султана как сюзерена Болгарии прокламации о незаконности избрания Фердинанда. Последний, впрочем, остался на престоле, хотя и не был признан де юре. После этого политическая атмосфера несколько разрядилась. Но состояние Европы напоминало тяжёлое похмелье. Бисмарк не сумел направить русскую политику в нужный ему политический фарватер. Своим нажимом на Россию Бисмарк достиг результатов, прямо обратных тем, к которым стремился: собственной рукой он заложил фундамент того самого франко-русского союза, предотвращению которого он после 1871 г. в течение стольких лет отдавал свои силы.

Деньги, в которых отказывали в Берлине, царское правительство нашло в Париже. В 1887 г. были заключены первые русские займы во Франции, а в 1888 — 1889 г. на парижском денежном рынке была проведена огромная финансовая операция по конверсии русского государственного долга. С тех пор один заём следовал за другим. Французский капитал стал главным кредитором царизма. Вскоре царская Россия сделалась важнейшей сферой экспорта французского капитала. Дальнейшие события показали, каким важным политическим орудием явились эти займы в отношениях Франции с царской Россией.

После событий 1887 г. прогерманская клика Фердинанда Кобургского вовлекла Болгарию в орбиту австро-германской политики. Но ни ошибки царской политики, ни преступная деятельность болгарской правящей клики не смогли ослабить чувства солидарности, связывающего болгар с их освободителями — русскими. Это чувство осталось важнейшим политическим фактором, с которым в той или иной мере вынуждена была считаться дипломатия кобургской камарильи.

Одним из результатов ухудшения русско-германских и франко-германских отношений явилось и то, что Бисмарк приостановил германскую колониальную экспансию. Ссориться с Англией снова стало опасно. С 1886 г. Бисмарк не производит новых колониальных захватов, если не считать некоторого расширения ранее приобретённых колоний. В 1889 г. Бисмарк предложил Солсбери заключить союз против Франции. На это ему было отвечено отказом.

Солсбери и английская политика «блестящей изоляции».

Во внешней политике Солсбери придерживался так называемой «блестящей изоляции» Англии. Солсбери полагал, что Англия всегда сможет использовать конфликты континентальных держав, чтобы спокойно устраивать свои собственные дела. По своим личным свойствам этот министр был как будто создан для такой политики. Умный и тонкий политик, но великий медлитель, ленивый аристократ, без особых усилий оказавшийся во главе торийской партийной был лишён кипучей энергии Бисмарка, который в непрестанных боях пробивал себе дорогу к власти. Но вместе с тем Солсбери превосходил Бисмарка выдержкой. «Смотреть и выжидать» — такова была его тактика. В лице Солсбери Бисмарк после смерти Горчакова имел единственного более или менее достойного противника на арене европейской дипломатии.

В течение пяти лет между Бисмарком и Солсбери длился скрытый поединок. Решался вопрос, кто из двух партнёров будет втянут в конфликт с Россией. Выигрышной картой Бисмарка были средиземноморская и восточная Антанты. Однако эти полуобязательства всегда давали Англии возможность ускользнуть от участия в войне. Козыри Солсбери были сильнее: он мог рассчитывать на непримиримость мадьяр в отношении России и на то, что если они втянут Австрию в войну, то и Германия волею-неволею вынуждена будет выступить на стороне своей союзницы.

Отставка Бисмарка.

Ко времени переговоров с Англией в 1889 г. положение Бисмарка пошатнулось. В марте 1888 г. умер Вильгельм I, а через три месяца скончался и его сын Фридрих III. На престол вступил Вильгельм II. Самовлюблённый, суетливый, любитель театральных поз и напыщенных речей, всегда стремившийся играть эффектную роль, молодой кайзер скоро поссорился с властным стариком-канцлером, который не терпел вмешательства в свою политику. Между канцлером и кайзером имелись серьёзные разногласия по вопросу об отношении к России. Генерал Вальдерзее, сменивший в 1888 г. дряхлого Мольтке, продолжал настаивать на превентивной войне против России; молодой кайзер склонялся к этой точке зрения. Бисмарк, как всегда, считал войну против России губительной.

В силу целого ряда обстоятельств, преимущественно внутренней политики, в марте 1890 г. Бисмарк вынужден был уйти в отставку после 28 лет пребывания на посту главы правительства сначала Пруссии, а затем Германской империи. Это случилось в тот момент, когда между ним и Шуваловым уже начались переговоры о возобновлении договора перестраховки, срок которого истек в июне 1890 г.

Новый канцлер генерал Каприви был заражён настроениями генерального штаба. Он считал, что избежать войны с Россией нельзя и что договор с ней ввиду этого бесполезен. Таковы же были взгляды и советника ведомства иностранных дел барона Гольштейна. Этот чиновник, скромный по рангу, начал свою карьеру, исполняя обязанности бисмарковского шпиона за своим непосредственным начальником — послом в Париже графом Арнимом. Говорят, Гольштейну доводилось подслушивать беседы Арнима, лёжа под большим диваном в приёмной посольства. Берлинское высшее общество подвергло Гольштейна остракизму, но он держался прочно благодаря всемогущему канцлеру. Это не мешало тому же Гольштейну принимать живейшее участие в интригах против Бисмарка в расчёте на то, что после ухода канцлера к нему самому перейдёт фактическое руководство внешней политикой Германской империи. Гольштейн не ошибся. Каприви мало смыслил в дипломатии. Не особенно опытен в ней был и новый статс-секретарь Маршалль фон Биберштейн. Между тем Гольштейн прекрасно знал все дела, был на редкость трудоспособен и вскоре прибрал к рукам всю германскую дипломатию. Гольштейн чуждался всякого гласного выступления: он умел действовать только в недрах своего кабинета. Основной чертой его характера была крайняя подозрительность. Она порождала у Гольштейна вечные, часто фантастические, сомнения и страхи: нередко в своих политических выкладках он исходил из совершенно химерических положений. После отставки Бисмарка Гольштейн вообразил, что возобновление договора перестраховки крайне опасно: при ухудшившихся отношениях русское правительство может использовать этот документ, чтобы, показав его австрийцам, взорвать Тройственный союз. Это было чистой фантазией. Никто так не боялся разглашения тайны этого договора, как царь Александр III, чрезвычайно считавшийся с катковскими кругами. Как бы то ни было, Гольштейн, Маршалль и Каприви решили, что договора возобновлять не стоит.

Дипломатия Бисмарка ставила своей задачей предотвращение непосильной войны на два фронта. Дипломатия Каприви считала эту задачу невыполнимой. Она исходила из предпосылки, что Германия должна готовиться к войне против франко-русского блока.

Для успеха подготовки нужно было создать такую группировку, которая превосходила бы по своей силе Россию и Францию, взятые вместе. Ключ к разрешению задачи находился в руках Англии. Её присоединение к Тройственному союзу дало бы ему безусловное превосходство над франко-русской группой. Оно обеспечило бы верность Италии, открытое побережье которой не

позволяло ей идти против Англии — этой владычицы морей. Оно помогло бы привлечь и Турцию на сторону Тройственного союза.

Сближение было начато договором, заключённым между Германией и Англией летом 1890 г. Германия уступала Англии ряд важных территорий в Африке, прежде всего Уганду, открывавшую доступ к верховьям Нила. Она соглашалась и на британский протекторат над Занзибаром, центром восточно-африканской торговли. В обмен Англия уступала Германии Гельголанд. Его стратегическое значение было огромно. Гельголанд является ключом к германскому побережью Северного моря. Англичане в те годы недооценивали важность этой позиции.

Однако, невзирая на удачное начало англо-германского сближения, надежды Каприви на Англию не оправдались. Английское правительство упорно отклоняло многократные предложения примкнуть к Тройственному союзу, которые делал Каприви в период своего канцлерства (с 1890 по 1894 г.).

Бисмарк как дипломат.

С уходом Бисмарка завершился крупнейший этап в истории германской дипломатии. Бисмарк был, несомненно, единственным выдающимся дипломатом Германской империи. Он являлся представителем прусского юнкерства и германской буржуазии в период борьбы за национальное объединение Германии, а затем за упрочение созданного им государства. Он жил и действовал в эпоху, когда империализм ещё далеко не сложился. Проблемы колониальной политики не стояли для Бисмарка на первом плане. Не помышлял он и о создании мощного германского флота. Изоляция Франции составляла главную задачу дипломатии первого германского канцлера, а высшим своим достижением он счёл бы новую локализованную войну против Франции — лишь бы удалось добиться прочных гарантий против вмешательства третьих держав. Такая война превратила бы Германию в гегемона Западной Европы.

Отличительной особенностью дипломатии Бисмарка был её боевой и насильнический характер; в этом смысле канцлер был с ног до головы представителем прусского военного государства. К Бисмарку полностью применимо определение Никольсона, что «немецкая политика в основном является политикой силы». Когда Бисмарк видел перед собой противника, то первым движением канцлера было отыскать наиболее уязвимые его места, чтобы как можно сильнее по ним ударить. Нажим и удар были для Бисмарка средством не только побеждать врага, но и добывать себе друзей. Чтобы обеспечить верность союзника, Бисмарк всегда держал против него камень за пазухой. Если подходящего камня в его распоряжении не оказывалось, он старался запугать своих друзей всяческими мнимыми неприятностями, которые он якобы может им причинить.

Если нажим не помогал или при всей своей изобретательности Бисмарку не удавалось отыскать никакого средства давления или шантажа, он обращался к другому излюбленному своему приёму — к подкупу, при этом чаще всего за чужой счёт. Постепенно у него выработались своего рода стандарты взяток. Англичан он покупал содействием в египетских финансовых делах; русских — предоставлением помощи или свободы действий в той или иной из восточных проблем; французов — поддержкой в деле захвата самых разнообразных колониальных территорий. Арсенал таких «подарков» был у Бисмарка достаточно велик.

Менее охотно применял Бисмарк такой дипломатический приём, как компромисс, которым столь богаты летописи дипломатии англо-саксонских стран. Конечно, на протяжении долгой дипломатической деятельности канцлера найдётся немало компромиссов; достаточно вспомнить хотя бы переговоры с Шуваловым о формуле нейтралитета в договоре перестраховки. Но в общем это был не его стиль.

Бисмарк являлся большим реалистом. Он любил, когда это требовалось, толковать о монархической солидарности. Однако это не мешало ему поддерживать республиканцев во Франции, а в 1873 г. и в Испании в противовес монархистам, поскольку он тогда считал, что республиканские правительства в этих странах с точки зрения интересов Германской империи будут наиболее удобными.

Бисмарк не давал простора чувствам в своей политике: он всегда старался руководствоваться исключительно расчётом. Если какое чувство иногда и врывалось в его логику, то чаще всего — гнев. Гнев и ненависть были, пожалуй, единственными эмоциями, которые порой могли на время отклонить канцлера с пути холодного и трезвого расчёта.

Бисмарк полагал, что в политике уместно любое вероломство, позволительна любая гнусность. Пример е русско-германским договором показывает, что Бисмарку ничего не стоило подписать два несовместимых обязательства: лояльное выполнение одного из них исключало выполнение другого. Эмсская депеша не исчерпывает списка совершённых им провокаций. В сущности, в течение всего своего канцлерства он занимался непрерывным провоцированием русско-турецких, англо-русских или франко-английских конфликтов.

Другой чертой дипломатии Бисмарка была исключительная активность. Бисмарк был энергичной, чрезвычайно деятельной натурой, которая буквально не знала покоя. Его мозг непрерывно и неутомимо работал над поисками всё новых дипломатических комбинаций.

Читая доклады Бисмарка императору, его инструкции послам и записки, которые он порой диктовал для самого себя или для уяснения своих взглядов ближайшим сотрудникам, нельзя не поражаться тем, какое множество сторон международной ситуации охвачено и связано друг с другом в этих документах. Перед читателем развёртывается бесконечно сложная и вместе с тем цельная и продуманная политическая концепция. Странно, но из-под пера этого политического дельца порой выходили строки, которые по своему характеру больше напоминают углублённый теоретический анализ международного положения или серьёзную журнальную статью, нежели официальный документ. Если бисмарковский анализ международного положения поражает своей сложностью, то практические выводы, которые Бисмарк делал из этого анализа, не меньше изумляют многообразием намечаемых дипломатических комбинаций. Простота не принадлежала к особенностям бисмарковской политики, несмотря на то, что цель её бывала обычно выражена с предельной ясностью.

Бисмарк почти всегда отчётливо знал, чего он хочет, и умел развивать поразительное волевое напряжение для достижения своей цели. Шёл, же он к ней иногда и напролом, но чаще — сложными, порой запутанными, тёмными, всегда разнообразными и беспокойными путями.

После мировой войны немецкие историки, без устали фальсифицируя историю, часто изображали Бисмарка как непогрешимого политика. Таковым он, конечно, не был. Список его ошибок не так уж мал. Но, тем не менее, он был крупнейшим дипломатом Германии. Если же сравнить его с деятелями последующего поколения, с теми, которые руководили политикой Германии после его отставки, то он и в самом деле может показаться «недосягаемым» и «непогрешимым» политиком.

Бисмарка изображают порой чуть ли не другом России. Это неверно. Он был её врагом, ибо усматривал в ней главное препятствие для германской гегемонии в Европе. Бисмарк всегда старался вредить России. Он стремился втянуть её в конфликты с Англией, Турцией. Но канцлер был достаточно умен, чтобы понимать, какая огромная сила таится в русском народе. Бисмарк видел, что царская власть сковывает могучие силы России, и это было одной из причин, почему он предпочитал царское самодержавие всякому другому русскому режиму. Всячески вредя России, Бисмарк старался это делать чужими руками. Грозным предостережением звучат строки, посвященные Бисмарком проблеме русско-германской войны. «Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей, — говорил Бисмарк. — Примеры Карла XII и Наполеона доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиции в Россию». И Бисмарк полагал, что война с Россией явилась бы для Германии «большим бедствием». Если бы даже военное счастье улыбнулось Германии в борьбе с Россией, то и тогда «географические условия сделали бы бесконечно трудным доведение этого успеха до конца».

Но Бисмарк шёл дальше. Он не только признавал трудности войны с Россией. Он считал, что если бы даже, вопреки ожиданию, Германии удалось добиться полного успеха в чисто военном смысле этого слова, то и тогда она не достигла бы настоящей политической победы над Россией, ибо нельзя победить русский народ. Полемизируя со сторонниками нападения на Россию, Бисмарк в 1888 г. писал: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...».

Строки эти отнюдь не свидетельствуют о симпатиях канцлера к России. Они говорят о другом: старый хищник был осторожен и зорок.

Франко-русский союз (1891 — 1893 гг.).

Русское правительство без замедления сделало свои выводы из отказа правительства Каприви от возобновления договора перестраховки и из попыток Германии сблизиться с Англией. Франция отныне должна была стать не только кредитором, но и союзником Российской империи. Гире, правда, по мере своих сил тормозил сближение с Францией. Когда весной 1891 г. французское правительство, оправившись от испуга, объявшего его в 1887 г., поставило в Петербурге вопрос о союзе, оно сначала получило уклончивый ответ. Царскому правительству скоро пришлось об этом пожалеть: парижский Ротшильд тут же отказал ему в очередном займе, вдруг вспомнив об участии своих единоверцев-евреев в Российской империи.

В военном союзе Франция нуждалась больше, чем Россия. При этом финансовую зависимость царизма от французского капитала она могла использовать, чтобы побудить Россию связать себя союзными обязательствами. Не следует, однако, видеть в этой зависимости единственную основу франко-русского союза. Хотя и не так сильно, как Франция, но и царское правительство тоже боялось остаться изолированным перед лицом Германии. Особенно встревожилось оно после того, как 6 мая 1891 г. состоялось возобновление Тройственного союза, сопровождавшееся демонстрациями дружбы между его участниками и Англией.

В июле 1891 г. французский флот прибыл с визитом в Кронштадт; при встрече эскадры царь Александр III с непокрытой головой прослушал «Марсельезу». То было невиданным зрелищем: самодержец всероссийский обнажил голову при звуках революционного гимна.

Одновременно с кронштадтской демонстрацией был заключён франко-русский консультативный пакт (самый термин, впрочем, в ту пору ещё не употреблялся). Пакту была придана довольно сложная форма. 21 августа 1891 г. Гире послал русскому послу в Париже Моренгейму письмо для передачи французскому министру иностранных дел Рибо. Письмо начиналось с указания на причины, которые ближайшим образом вызывали заключение франко-русского соглашения. Гире указывал на «положение, создавшееся в Европе благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом». В письме далее констатировалось, что «в случае, если бы мир оказался действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоящим для обоих правительств». 27 августа Рибо ответил письмом на имя Моренгейма. В нём он подтверждал согласие французского правительства со всеми положениями Гирса и, кроме того, ставил вопрос о переговорах, которые заранее уточнили бы характер предусмотренных данным соглашением «мер». По существу, Рибо предлагал заключение военной конвенции. Летом 1892 г. в Петербург приехал заместитель начальника французского генерального штаба. Во время его пребывания в русской столице военная конвенция была предварительно подписана представителями генеральных штабов. После этого по приказу царя её текст был послан на политическую апробацию министру иностранных дел.

Гире считал, что обмена прошлогодними письмами о взаимной консультации вполне достаточно. Он положил проект конвенции под сукно. В таком положении дело оставалось до декабря 1893 г. Панамский скандал, создавший некоторую неустойчивость внутреннего положения Франции, помогал Гирсу тормозить оформление военной конвенции.

Сдвинуть с мёртвой точки дело франко-русского сближения помогло германское правительство. Оно совершило по отношению к России новые враждебные акты. Стремясь завоевать для своей промышленности русский рынок, оно явно клонило дело к таможенной войне. В 1893 г. такая война, наконец, разразилась. Таможенная война должна была способствовать экономическому закабалению России германским капиталом. В том же году в Германии был принят закон о новом значительном усилении армии. В результате в 1893 г. русская эскадра демонстративно отдала визит французскому флоту в Тулоне. 27 декабря 1893 г. Гире был вынужден сообщить французам, что Александр III одобрил проект франко-русской военной конвенции.

Статья 1 конвенции гласила:

«Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Статья 2 устанавливала, что «в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам». Далее определялось количество войск, которое будет двинуто Россией и Францией против Германии как сильнейшего члена враждебной группировки. Французы очень добивались, чтобы Россия поменьше сил направляла на австрийский фронт. Для французов было очень важно, чтобы возможно большее количество русских войск было брошено против Германии. Это вынудило бы германское командование перебрасывать на восток свои войска с французского фронта. С апробацией военной конвенции франко-русский союз был окончательно оформлен.

Германское правительство пожинало плоды своего отдаления от России. Страшной ценой расплачивалось оно за близорукость и самонадеянность своей дипломатии: расплатой явился франко-русский союз. Хотя соглашения 1891 и 1893 гг. и оставались строго секретными, но Кронштадт и Тулон достаточно ясно говорили о том, что происходило за кулисами. Германия осложнила отношения с Россией, но не добилась взамен союза с Англией.

Германское правительство попыталось было исправить свою ошибку и вновь сблизиться с Россией. В 1894 г. таможенная война закончилась заключением русско-германского торгового договора. Это отчасти открывало путь и для нормализации политических отношений.

Потребность восстановить неосторожно нарушенные нормальные отношения с Россией была тем сильнее, что влиятельные капиталистические круги Германии всё решительнее требовали приобретения обширных колоний; это означало, что внешняя политика Германии должна вступить на антианглийский путь. Опасность одновременного отчуждения и от России и от Англии была слишком очевидна. За восстановление прежних отношений с Россией агитировал и опальный Бисмарк: он развернул энергичную борьбу против правительства Вильгельма II. Но франко-русский союз стал уже фактом; устранить его Германия не могла.

Итоги развития международных отношений с 1871 по 1893 г. можно резюмировать словами Энгельса: «Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой». Англия оставалась пока вне этих двух блоков; она продолжала строить свою политику на их противоречиях. При этом до середины 90-х годов её дипломатия тяготела скорее к германской группировке, хотя объективно уже в течение довольно долгого времени нарастал англо-германский антагонизм.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАЧАЛО АНГЛО-ГЕРМАНСКОГО АНТАГОНИЗМА. ОБОСТРЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

С тех пор как Пруссия разбила Францию и создала Германскую империю, Англия не могла не опасаться новых актов немецкой агрессии. Дальнейшее усиление Германии могло привести к её гегемонии на континенте. Многие проникательные люди в рядах британских политиков не упускали из виду этой страшной угрозы. Впрочем, не было недостатка среди них и в охотниках разрешить колониальные конфликты с Россией или Францией, спровоцировав войну между каждой из них и немцами. Именно так рассуждал Солсбери в 1887 г., хотя позже и он понял опасность такой политики.

Вскоре после событий 1871 г. к угрозе германской гегемонии присоединилась опасность германской торговой конкуренции. Начиная с кризиса 1873 г., Англия всё острее ощущала успехи своего нового соперника. В 1883 — 1885 г. Германия захватила свои первые колонии. С этих пор она выступает уже не только в качестве торгового конкурента Великобритании, но и как её соперник в борьбе за раздел ещё свободных колониальных территорий. Тем не менее в течение 70 — 80-х годов, невзирая на торговую конкуренцию, политические отношения между Германией и Англией, за исключением 1875 г., а также периода с 1880 по 1885 г., оставались нормальными, а порой и дружественными.

Положение изменилось в 90-х годах. С середины последнего десятилетия XIX века перед внешней политикой Германии была поставлена новая задача: создание обширной колониальной империи и установление «сфер влияния» в отсталых странах. Это становится основным делом германского капитализма.

Однако в это время раздел мира уже приближался к своему завершению. Германии приходилось думать уже не столько о захвате «свободных» земель и выкраивании «сфер влияния» в неподелённых странах, сколько о том, чтобы отнять колонии и «сферы влияния» у других капиталистических держав. Дело шло, таким образом, не только о разделе, но и о переделе ранее захваченных территорий.

С середины 90-х годов, когда захват колоний стал основной задачей германской внешней политики, англо-германские отношения начали обостряться. К 1893 г. Гольштейн и Каприви окончательно убедились в том, что им не удастся привязать Англию к Тройственному союзу. Именно это и было непосредственным поводом к повороту в германской политике по отношению к Англии. Всюду, где только возможно, Германия начинает противодействовать британской колониальной политике. В Египте, где в 80-х годах Германия обычно поддерживала интересы Англии, она теперь всё чаще использует свою помощь как средство шантажа в целях вымогательства у Англии разных колониальных уступок. При этом она становится нередко и на сторону Франции. В 1894 г. совместно с Францией Германия срывает договор об аренде Англией полосы земли у Конго, что дало бы возможность установить территориальную связь между британскими владениями в бассейне верхнего Нила и Британской Южной Африкой. Здесь предполагалось провести телеграфную линию; в будущем проектировалась грандиозная трансконтинентальная железная дорога Каир — Кейптаун. С 1893 — 1894 г. Германия начинает заигрывать с бурами, поощряя их к сопротивлению англичанам.

В 1891 г. образовался так называемый Пангерманский союз. Формальным поводом для его создания был протест колониальных кругов против уступок, сделанных Англии по договору 1890 г. Организация эта включала ряд видных парламентариев, преимущественно из консервативной, а ещё больше из национал-либеральной партии, профессоров, юристов, промышленников, генералов и офицеров. Союз финансировался крупными металлургическими фирмами. Монополистическая тяжёлая индустрия и была подлинным его хозяином. Союз оказал немалое влияние на деятельность германской дипломатии.

Пангерманский союз занимался пропагандой самой бесшабашной империалистической экспансии; он проповедывал превосходство немцев над всеми другими народами и провозглашал, что немецкая культура является самой высокой культурой во всём мире. Многие бредовые идеи гитлеризма будут заимствованы впоследствии из арсенала пангерманцев.

Пангерманский союз требовал создания обширной колониальной империи в Африке и в Южной Америке. Он призывал германское правительство к переделу колоний, рекомендуя начать с владений малых держав (Португалии, Бельгии), но не останавливаться и перед захватом колоний Англии и Франции. Он советовал не стесняться такими «пустяками», как международное право — вроде, например, торжественно признанного самой Германией нейтралитета Бельгии. Тем более не стоило, по мнению пангерманцев, церемониться с доктриной Монро.

Особое внимание уделяли пангерманцы Турции. Они носились с идеей превращения всей Турции в немецкую колонию. Междуречье Тигра и Евфрата должно было стать житницей Германской империи и её хлопковой плантацией, которая дала бы недостающее Германии текстильное и военное сырьё. Турки и арабы должны были стать колониальными рабами немцев.

Требуя колониальной экспансии, пангерманцы, пожалуй, ещё больше интересовались захватами в Европе. Скандинавия, Голландия, Дания и часть Швейцарии должны были стать частями Германской империи. Ту же участь пангерманцы готовили Бельгии и восточной Франции; здесь их особенно интересовало побережье Па-де-Кале — по соображениям стратегическим — и железорудные бассейны Бриэй и Лонгви — по мотивам экономическим. Пангерманцы стремились к ограблению и расчленению России. Они требовали захвата Прибалтики, Украины, Кавказа. Среди пангерманцев было много остзейских немцев, которые отличались особенной ненавистью к России.

Пангерманцы были злейшими врагами славянства. Все славяне, в частности народы Балканского полуострова, обращались, по их замыслам, в рабов германского империализма.

Союзную Австро-Венгрию пангерманцы предполагали «объединить» с Германской империей. Вместе с Балканами она должна была составить для немцев мост в Турцию, по которому — предполагали они — пойдёт немецкий «натиск на Восток», пресловутый «Drang nach Osten».

Легкомысленно толкая Германию и на Восток, против России, и против Англии и Америки, пангерманцы бросали вызов величайшим державам мира. Эти авантюристы считали, что удар немецкого «бронированного кулака» разрешит все мировые политические проблемы.

Пангерманский союз был невелик, но его пропаганда постепенно захватывала весьма широкие круги немецкой буржуазии. Юнкерская и буржуазная печать с 90-х годов заполнена была призывами к захватам как в колониях, так и в Европе. Вот что писал известный в своё время журнал «Zukunft», статья которого может служить образчиком этой пропаганды. Призывая к войне против Франции, журнал считал необходимым отнять у неё ряд восточных департаментов, а дабы избежать увеличения инациональных элементов в Германской империи, — искоренить всё местное французское население. Взывая к традициям древнегерманских варваров, автор продолжал: «Как, вы хотите обратиться к огню и мечу и уничтожить или изгнать жителей? — спросят нас с ужасом. — Конечно, нет, друзья. Я намерен держаться в рамках полуварварства... Я не хочу ничего сверх двух средств, применяемых цивилизованными народами, — экспроприации и контрибуции». Такого рода пропагандой германские империалисты десятилетиями отравляли сознание немецкого народа. Уже в 90-х годах пангерманские настроения стали овладевать кайзером и многими членами его правительства. Германская дипломатия проникается идеей, что политика Бисмарка была слишком узкой, только «европейской» политикой. Теперь Германия должна вести «мировую политику» (Weltpolitik). Было бы, конечно, преувеличением сказать, что уже тогда, в 90-х годах прошлого века, германская дипломатия, канцлеры и сам сумасбродный кайзер полностью принимали захватническую программу пангерманцев. Этого тогда ещё не было. Но влияние пангерманцев всё возрастало. Основная мысль — о необходимости широчайшей экспансии — была усвоена Вильгельмом II, такими канцлерами, как Бюлов, такими министрами, как адмирал Тирпиц, или как Кидерлен-Вехтер и Ягов. Германская политика начиная с конца XIX века становится всё более агрессивной. Её провокации становятся всё наглее и наглее. Финалом была война 1914 г. и крах, последовавший в 1918 г.

Германские притязания на мировую гегемонию глубоко задевали Англию с её огромными колониальными владениями.

Однако вскоре выявились три обстоятельства, которые побудили английскую дипломатию до поры до времени изыскивать все средства, чтобы задержать или хотя бы затушевать нарастание

англо-германского антагонизма. К этому вынуждали: 1) рост русского влияния на Дальнем Востоке, 2) конфликт Англии с Францией из-за господства над верхним Нилом и 3) подготовка войны с бурами.

Обострение дальневосточного вопроса. Японо-китайская война 1894 — 1895 гг.

В течение 70 — 80-х годов Япония превратилась в довольно значительную военную державу с ярко выраженными агрессивными стремлениями. В 1874 г. Япония захватила Формозу, но тут же вынуждена была её покинуть по требованию Англии, которая, владея Гонконгом и распоряжаясь в шанхайском сэттльменте, считала себя хозяйкой всех морей, омывающих Южный и Средний Китай. Но ещё больший интерес, нежели приобретение островной базы в районе Южных морей, представляло для Японии завоевание плацдарма, который мог бы быть использован для дальнейшей широкой экспансии на азиатском материке.

В качестве такого плацдарма намечалась Манчжурия как ближайшая к Японии часть Китая, в те времена слабо населённая и почти незащищённая. Подступом к Манчжурии являлась Корея. Она представляла как бы мост, ведущий с японских островов на континент; к тому же она занимала ключевую позицию у входа в Японское море. Корейский король являлся вассалом китайского богдыхана, и усилия Японии были направлены на то, чтобы оторвать Корею от Китая и подчинить её себе. Японское правительство стало засылать в Корею своих агентов. Под видом торговцев, комиссионеров, ремесленников они вели там подрывную работу. Подкупом и угрозами Япония создавала свою партию при королевском дворе в Сеуле. Уже в 70-х годах завязалась японо-китайская борьба за Корею. Разными путями Китай пытался воспрепятствовать росту японского влияния в корейском королевстве. Так, например, в 80-е годы Ли Хун-чжан в противовес влиянию Японии поощрял заключение Кореей договоров с другими иностранными державами. Ли называл это «применением одного яда против другого» — приём, обычный для дипломатии слабых стран. Для характеристики принципов японской дипломатии интересен разговор, который имел место в 1876 г. между Ли Хун-чжаном и японским дипломатом Мори Аринори: «Мне кажется, что на трактаты нельзя полагаться», — заметил Мори. «Мир народов зависит от трактатов. Как вы можете утверждать, что полагаться на них нельзя?» — наставительно ответил Ли. «Трактаты подходят для обычных торговых отношений, — возразил Мори. — Но великие национальные решения определяются соотношением сил народов, а не трактатами». «Это ересь! — воскликнул Ли. — Полагаться на силу и нарушать трактаты несовместимо с международным правом». «Международное право также бесполезно», — ответил Мори. В 1889 г. Ито заявил и Хун-чжану, что претензии Китая на Корею имеют лишь «сентиментальный» и «исторический» характер. Между тем у Японии они основываются на экономической необходимости — потребности в корейском рынке и в территории для колонизации.

В 1885 г. между Японией и Китаем был заключён договор, согласно которому оба государства обязывались не посылать в Корею войск без взаимного извещения. Тем самым Китай признал за Японией право на ввод японских войск в Корею при известных условиях. Согласившись на этот договор, китайское правительство вслед за этим, однако, напрягло все усилия, чтобы упрочить своё положение в Корее. Скоро китайский представитель в Сеуле, знаменитый впоследствии Юань Ши-кай, на некоторое время стал подлинным хозяином корейской политики.

Стратегическое значение Кореи привлекало к ней внимание и русского правительства. Оно всячески стремилось помешать как захвату Кореи Японией, так и упрочению там влияния Китая, за которым стояла Англия. Что касается корейского правительства, то оно само искало поддержки у России.

Нарастающая угроза русским дальневосточным владениям со стороны других держав активизировала и политику России в странах Дальнего Востока. Во время англо-русского конфликта из-за Афганистана (1885 г.) обозначилась возможность нападения английского флота на дальневосточную окраину России, в ту пору почти беззащитную: переброска войск из России на Дальний Восток походным порядком через необозримые пространства всей Сибири представляла бы чрезвычайные трудности. Вскоре после афганского инцидента и был поставлен вопрос о проведении железной дороги через Сибирь до Владивостока. Этому требовали не только военные, но и экономические соображения. Английская опасность усугублялась тем, что в ту пору британское влияние господствовало в Пекине, и Англия могла использовать против России и Китай. Ещё более серьёзную угрозу для русского Дальнего Востока представляла собой Япония.

В 1891 г., пользуясь приливом денег из Франции, Россия начала строить великую Сибирскую железную дорогу. В 1892 г. министром финансов Российской империи был назначен С. Ю. Витте. 18 ноября 1892 г. он представил царю Александру III докладную записку о Дальнем Востоке, в которой наметил широкую финансовую и политическую программу. Сибирская дорога, по мысли Витте, должна была отвлечь грузы от Суэцкого канала и стать проводником русских промышленных изделий на китайский рынок. Дорога «обеспечит русскому военному флоту всё необходимое и даст ему твёрдую точку опоры в наших восточных портах, — писал Витте. —

Посему, — продолжал он, — с открытием дороги флот этот может быть значительно усилен и, в случае политических осложнений как в Европе, так и на Азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах». Записка Витте была первым наброском дальневосточной программы русского правительства, подлинным вдохновителем которой стал новый министр финансов. Руководящая роль Витте отчасти определялась тем, что в экспансии на Дальнем Востоке большую роль должны были играть железнодорожное строительство и финансовое закабаление экономически слабого Китая. Вслед за Дизраэли Витте был едва ли ни крупнейшим «некарьерным» дипломатом. Но лидер английских консерваторов пришёл к дипломатической деятельности в качестве партийного политика; что касается Витте, то он вступил на дипломатический путь благодаря своему положению министра финансов, который был посредником между русской государственной казной и международной биржей.

Гроза разразилась на Дальнем Востоке раньше, нежели царское правительство успело закончить Сибирскую дорогу и явиться во всеоружии к своим дальневосточным рубежам.

В 1894 г. в Корее вспыхнуло восстание. Корейское правительство не имело сил справиться с ним и обратилось с просьбой о помощи к сюзерену Кореи, китайскому императору. Китайское правительство направило в Корею около 3 тысяч солдат. Немедленно туда послала свои войска и Япония: ими был оккупирован ряд портов и окрестности столицы. Китайское правительство испугалось. Утверждая, что восстание уже подавлено, Китай предложил Японии обоюдно отвести из Кореи войска. Но Япония отказалась сделать это до тех пор, пока в Корее не будут проведены «реформы», водворён «порядок» и реорганизована с этой целью местная администрация. Япония «пригласила» Китай совместно заняться «реформированием» Кореи. Китайское правительство понимало, что «реформы» на практике окажутся лазейкой, через которую Япония проберётся к руководству всей корейской политикой и станет фактической хозяйкой страны. Поэтому китайское правительство отклонило японское предложение, ответив, что японский план предполагает недопустимое вмешательство во внутренние дела Кореи.

25 июля Япония открыла военные действия против Китая. Объявление войны последовало лишь через несколько дней, 1 августа 1894 г. Таким образом, японской дипломатии принадлежит «честь» введения в международную практику нового времени обычая начинать войну без её объявления.

До этих лет безусловное экономическое и политическое первенство в Китае принадлежало Англии. Японо-китайская война, конечно, чувствительно задевала британские интересы. Но в Англии преобладала точка зрения представителей тяжёлой промышленности и англо-индийских кругов; главную опасность для Англии они усматривали в России и готовы были мириться с успехами Японии, надеясь использовать её в будущем против своего старого русского соперника.

Иной оказалась позиция русского правительства. Озабоченное безопасностью своих владений на Дальнем Востоке, но отнюдь не желало встретить там Японию в качестве соседа. Как вести себя перед лицом событий на Дальнем Востоке? Этот вопрос стал предметом обсуждения так называемых «особых совещаний». В России, за отсутствием единого кабинета министров, издавна для наиболее ответственных политических решений собиралось Особое совещание, состоявшее из министров и других сановников империи; на его заседаниях нередко председательствовал сам царь. В течение японо-китайской войны Особое совещание собиралось 4 раза. Первое из этих совещаний состоялось 21 августа 1894 г. По предложению Тирса, оно решило сделать попытку совместно с Англией добиться прекращения войны на основе «сохранения *status quo*» в Корее, «не оказывая каким-либо способом предпочтения той или другой из воюющих держав». Из этого плана ничего не вышло. Япония продолжала войну.

Китай был разбит и запросил мира. Япония была готова начать для вида мирные переговоры, дабы этим предупредить опасность иностранного вмешательства. Однако она отнюдь не собиралась доводить эти переговоры до конца и в самом деле прекратить войну. 30 января 1895 г. китайские уполномоченные прибыли в Кобэ; но японская дипломатия, явно стремясь затянуть войну, объявила их полномочия недостаточными. Под этим предлогом японцы продолжали военные действия.

1 февраля 1895 г. в Петербурге собралось второе Особое совещание. Оно вынуждено было считаться с фактом захвата японцами таких стратегических позиций, как Корея, часть Манчжурии, Ляодун и Вэй-Хай-Вэй. Министерство иностранных дел предложило захватить остров Каргодо, который, по его мнению, мог бы стратегически компенсировать Россию. По поводу этого предложения на совещании развернулась оживлённая дискуссия. Морской министр Тыртов, не надеясь на готовность флота, предложил лучше действовать на суше и занять часть Манчжурии. Тогда выступил военный министр Ванновский. В свою очередь он отверг возможность использовать против Японии сухопутные силы. В конце концов было решено попытаться войти в соглашение с Англией и Францией о совместном воздействии на Японию в целях обеспечения независимости Кореи. В марте 1895 г. между Петербургом, Парижем и Лондоном было достигнуто соглашение об ограждении корейской независимости.

Японская дипломатия была напугана возможностью англо-русского сближения. Она твердила, что Япония и не помышляет покушаться на захват Кореи.

13 марта 1895 г. Китаю был вручен текст японских мирных условий. Они предусматривали отказ Китая от сюзеренитета над Кореей, которая объявлялась независимой. Эта «независимость» Кореи должна была лишь маскировать фактическое господство Японии. Далее, Япония потребовала Ляодун с южноманчжурским побережьем от корейской границы до Инкоу, Формозу, Пескадорские острова, контрибуцию в 300 миллионов таэлей и ряд коммерческих льгот, включая открытие семи новых портов для иностранной торговли и право навигации по верхнему течению Яи-Цзы.

20 марта 1895 г. в Симоносеки открылись японо-китайские переговоры о мире.

Китайское правительство не имело сил для сопротивления. Ему пришлось принять эти тяжкие условия. 17 апреля 1895 г. между Японией и Китаем был подписан Симоносекский мирный договор. Соглашаясь на унижительный мир, китайский уполномоченный Ли Хун-чжан втайне рассчитывал на иностранное вмешательство. Эта надежда имела основания: русское правительство после некоторых колебаний решило оградить себя и Китай от проникновения Японии на азиатский материк.

В этот решающий момент английский кабинет отказался от вмешательства в японо-китайские дела. Между тем, раз мир был уже подписан, русскому правительству нельзя было мешкать ни минуты. К этому времени Гире умер. Вместо него министром иностранных дел был назначен бывший посол в Вене князь Лобанов-Ростовский. Лобанов обладал многолетним опытом. Новый министр не сразу решился выступить против Японии ввиду неясности позиций Франции и Германии и явного самоустранения Англии. Одно время он думал, что недостаток сил вынудит Россию встать на путь «сотрудничества» с Японией в целях совместного дележа Китая; в качестве компенсации за японские завоевания он предлагал приобрести незамерзающий порт на Тихом океане и Северную Манчжурию для выпрямления линии Сибирской железной дороги. Николай II одобрил идею «компенсации»: он предполагал захватить Порт Лазарева в Корее с полоской земли, соединяющей его с русскими владениями. Однако спустя несколько дней, 11 апреля, Лобанов явился на Особое совещание с сообщением, что германское правительство заявило ему о своей готовности присоединиться к любому выступлению России за ограничение японских завоеваний. Лобанов успел снестись и с Францией; от неё он получил обещание действовать солидарно с Россией. Ввиду новой, более благоприятной обстановки большинство членов Совещания во главе с Витте высказалось за то, чтобы изгнать Японию с материка. Не без колебаний отказался Николай от Порта Лазарева и утвердил (16 апреля) журнал Совещания. Таким образом, Россия взяла на себя роль защитника Китая от посягательств Японии. 23 апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности, потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой: она была составлена в оскорбительном для Японии тоне.

Россия, Франция и Германия все вместе располагали в дальневосточных водах внушительными военно-морскими силами. Они могли угрожать морским коммуникациям японской армии в Китае. Выступление трёх великих держав произвело в Японии отрезвляющее впечатление. Японское правительство сочло необходимым уступить. 10 мая 1895 г. оно публично заявило о возвращении Китаю Ляодуна, выговорив себе, правда, увеличение контрибуции на 30 миллионов таэлей.

Вмешательство в японо-китайские отношения было проделано Лобановым с большой ловкостью. Оно явилось эффективным успехом России и поражением японской дипломатии, которая явно не сумела учесть соотношение сил. В ноябре 1895 г. было подписано японо-китайское соглашение о пересмотре Симоносекского мирного договора.

Обещая России свою поддержку против Японии, германское правительство стремилось втянуть Россию в конфликт на Дальнем Востоке и отвлечь внимание русского правительства от германской и австрийской границ. «Я сделаю всё, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», — заверял Николая Вильгельм. Ибо несомненно, продолжал кайзер, «что для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой жёлтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником». Вместе с тем германские империалисты рассчитывали, что, вмешиваясь в дела Дальнего Востока, они сумеют урвать и себе какой-либо кусок добычи за счёт Китая. «Надеюсь, — писал кайзер царю, — что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесёшься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не „стеснит“ тебя».

Достигнутый Лобановым успех был только первым шагом русской экспансии в Китае. В дальнейшем царская дипломатия использовала момент, когда Китаю понадобились деньги на уплату японцам контрибуции. Китайское правительство начало было переговоры с лондонскими, парижскими и берлинскими банкирами. Эти финансисты явно стремились закабалить Китай. Предполагалось дать ему заём при условии установления международного контроля над китайскими финансами. Такой контроль был бы для царского правительства серьёзным препятствием в деле подчинения Китая русскому влиянию. Витте решил вмешаться в дело. Воспользовавшись соперничеством французских и немецких банкиров, он предложил китайскому правительству добыть для него заём в 150 миллионов рублей под гарантию русского правительства. Китай получал 94 за 100 из 4% годовых. Французские банкиры взялись реализовать эти деньги. Контракт был подписан 6 июля 1895 г. Он содержал обязательство Китая не соглашаться на иностранный контроль над своими финансами, если в нём не будет участвовать русское правительство. Немцы, как и англичане, были отстранены от этой финансовой комбинации. В конце 1895 г., по инициативе Витте, был основан Русско-Китайский банк. Он был учреждён группой французских банков и одного русского банка под покровительством русского правительства, которое обеспечило своим представителям руководящее положение в правлении. Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Дальнем Востоке, включая финансирование китайских властей, сбор и хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая.

Следующим делом Витте было создание специального фонда для подкупа китайских сановников, чтобы добиться получения от Китая железнодорожной концессии в Манчжурии. С планом Витте совпало начало борьбы капиталистов Англии, Франции, Германии и США за железнодорожные концессии в Китае; все эти дельцы пользовались поддержкой своих правительств. Прямым конкурентом русского железнодорожного строительства в Манчжурии явился американский банковский синдикат, который проектировал грандиозную дорогу Кантон — Ханькоу — Пекин и далее на соединение с Сибирской магистралью. Этот проект означал бы установление железнодорожной связи Манчжурии с Центральным и Южным Китаем, с его открытыми портами, где царил европейский капитал. Американский проект означал наводнение Манчжурии европейскими или американскими товарами, с которыми русская промышленность не могла бы конкурировать, а главное, он создавал серьёзные препятствия для политического преобладания России в Северном Китае. Между тем Витте хотел изолировать Манчжурию от центров иностранного капитала в Китае и привязать её экономически к Сибирской магистрали. Переговоры из Пекина было решено перенести в Петербург, подальше от конкурентов. В конце апреля для этих переговоров в Петербург приехал Ли Хун-чжан; официально он прибыл на коронацию Николая II. Иностранцы в Пекине наперерыв подкупали китайских министров. Витте тоже дал Ли Хун-чжану огромную взятку.

Результатом переговоров был так называемый Московский договор от 3 июня (22 мая) 1896 г. об оборонительном союзе против Японии. В случае её нападения на Китай, на Корею или на восточноазиатские владения России каждая из договаривающихся сторон должна была прийти другой на помощь своими вооружёнными силами. Для облегчения подвоза войск при выполнении этого договора Китай разрешал России постройку железной дороги через Манчжурию на Владивосток, выдав на это концессию Русско-Китайскому банку. Витте добивался также в ответвления дороги на юг, к Ляодуну; однако, несмотря на взятки, этой концессии он не получил. Ли было обещано 3 миллиона рублей, но из них 2 миллиона ухитрились несколько задержать. В дальнейшем смерть престарелого китайского сановника помогла русскому правительству сэкономить эти деньги.

Концессионный договор между китайским правительством и Русско-Китайским банком был подписан 8 сентября 1896 г. Для сооружения и эксплуатации дороги банк учреждал общество Китайской Восточной железной дороги, фактически работавшее на средства русской казны; концессионный контракт предоставлял Обществу право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. В числе многих других привилегий, с созданных для Общества КВЖД, особое значение получила следующая: Обществу предоставлялось право безусловного и исключительного управления своими землями, т. е. всей полосой отчуждения. Условия концессионного договора превращали эту полосу отчуждения в нечто вроде большого, вытянутого русского сэттлмента. На основе условий концессионного договора Общество КВЖД завело даже свою собственную вооружённую полицию.

Смотреть карты

Армянский вопрос.

В то самое время, когда русская дипломатия одерживала победы на Дальнем Востоке, в Турции и на Балканах снова становилось беспокойно. В середине 90-х годов в Турции разразился

очередной внутренней кризис. На революционное движение армян султан Абдул-Гамид ответил организацией резни в ряде местностей Малой Азии, а затем и в самой столице своей империи. Английское правительство воспользовалось этими событиями для вмешательства в дела Турции. Формальное основание для этого шага оно усматривало в статье 61 Берлинского трактата 1878 г. Она гласила:

«Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего промедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населённых армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их осуществлением».

Действительной причиной антитурецкого курса английской политики было падение британского влияния в Турции. Вследствие захвата Египта англо-турецкие отношения осложнились. Султан чем дальше, тем больше склонялся к сближению с Россией. После русско-турецкой войны царское правительство не помышляло о захвате Константинополя и проливов; оно предпочитало поддерживать султана в качестве «стража» у ворот из Средиземного моря в Чёрное.

Английское правительство рассчитывало своим вмешательством в пользу армян запугать султана, дабы заставить его примириться с оккупацией Египта и сменить царскую дружбу на британскую. Таким образом оно надеялось снова подчинить Турцию английскому влиянию, как то было при Пальмерстоне и при Дизраэли.

Была у Англии и другая цель. Морской путь в Индию обеспечивался британским господством в Египте и на Кипре, равно как и недопущением русского контроля над проливами. Но имеются и сухопутные подступы к Индии. Помимо Афганистана таковыми являются Персия, Аравия и Азиатская Турция, составляющие как бы мост из Европы в Индию. Внимание британской дипломатии было приковано ко всему этому поясу земель, обрамляющих Индийский океан и особенно Персидский залив. Проект железной дороги Кейптаун — Каир нашёл своё продолжение в проекте Каир — Калькутта. Так постепенно набрасывались контуры грандиозной азиатско-африканской империи с Индийским океаном посередине.

Действительную основу проармянских симпатий английской дипломатии вскрывают два донесения турецкого посла в Лондоне, которые султанские чиновники продали русскому послу. «Если оттоманское правительство хочет действовать сообразно своим интересам, финансовым и иным, — говорил лорд Солсбери турецкому дипломату, — оно должно изменить нынешнюю политику. Поднимая вопрос о Египте, Порта причинит себе лишь беспокойство, ничего не выгадывая». В другой раз Солсбери ясно намекал на финансовую помощь со стороны британского правительства в случае, если султан примет английскую ориентацию. Весьма правильно определял английскую политику в турецком вопросе граф Гатцфельд, германский посол в Лондоне. «Или удастся план, — писал он, — сохранить в живых турецкое государство путём проведения действительных реформ и этим вырвать его из-под исключительного влияния России, или план этот не удастся, и дело дойдёт до краха и раздела Турции». В 1895 г. Солсбери излагал Вильгельму II план такого раздела. Выяснилось, что помимо окончательного утверждения в Египте английское правительство при разделе Турции имело виды на Месопотамию, Аравию и Крит.

В августе 1896 г., после покушения армянских националистов на захват Оттоманского банка и последующей резни в Константинополе, положение Турции стало критическим. На помощь дипломатам к Дарданеллам была направлена сильная английская эскадра. В Петербурге опасались появления британского флота в проливах. Русское правительство известило Лондон, что в этом случае Черноморский флот немедленно войдёт в Босфор. Было решено ни в коем случае не допускать утверждения Англии в проливах. «Вся торговля южной России, — писал Лобанов-Ростовский, — не имея другого выхода, кроме проливов, окажется тогда отданной на произвол Англии».

Солсбери ещё в 1895 г. был готов отдать приказ флоту войти в проливы. Но первый лорд адмиралтейства Гошен возразил, что, войдя туда, флот окажется запертым, как в мышеловке, между французской и русской эскадрами. Солсбери ворчливо ответил Гошену, что если его корабли сделаны из стекла, то, понятно, придётся несколько изменить политику.

Заручившись содействием Германии и Франции, царская дипломатия дала отпор замыслам Англии на Ближнем Востоке. Таким образом, она спасла султана и спасла Турцию от раздела; себе же самой она развязала руки на Дальнем Востоке.

Германская дипломатия действовала на Ближнем Востоке так же, как и на Дальнем: она стремилась обострить англо-русские противоречия. С одной стороны, Германия оказывала русскому правительству поддержку в его борьбе против англичан, с другой — та же германская дипломатия натравливала Англию на Россию. Она подстрекала Лондон послать в проливы британский флот, заявляя, что это было бы самым верным средством воздействия на султана. Таким образом, германское правительство всячески стремилось спровоцировать англо-русский конфликт. Разумеется, двойная игра германской дипломатии не оставалась тайной для руководителей английской внешней политики. Англо-германские отношения продолжали сохранять напряжённый характер.

Смотреть карты

Набег Джемсона и телеграмма Вильгельма II Крюгеру.

Резкое обострение англо-германских отношений обозначилось на почве борьбы за раздел Южной Африки.

В 1886 г. в Трансваале были обнаружены богатейшие в мире золотые россыпи. Английские капиталисты поспешили завладеть этими богатствами. Над большей частью приисков приобрела контроль финансовая группа Сесилия Родса. Вскоре у Родса и руководимой им золотопромышленной компании «Консолидэтед Гольдфильдс» возникли острые конфликты с правительством Трансвааля и его президентом Крюгером.

Могущество южноафриканской клики английских капиталистов было очень велико. Роде не только контролировал всю алмазную и большую часть золотой промышленности Южной Африки; он был и председателем Южноафриканской привилегированной компании, которой британское правительство в 1889 г. передало как эксплуатацию, так и управление громадной территорией, простирающейся от северной границы Бечуанленда и Трансвааля до пределов Бельгийского Конго и озёр Танганяика и Ньясса. В 1890 г. Роде, кроме того, стал премьером Капской колонии. Он был связан с Ротшильдами и с другими столпами лондонской финансовой олигархии и имел своего человека в английском правительстве в лице Джозефа Чемберлена.

Возглавляемая Родсом группа финансового капитала повела в Южной Африке свою собственную политику; в конце концов она втянула английский народ в затяжную войну против буров. Пожалуй, нигде так ярко не выявилось сращивание дипломатии с финансовой олигархией, как в этой южноафриканской аванюре.

Германское правительство решило использовать англобурский конфликт ради вымогательства у Англии колониальных уступок. Чтобы нажать на Англию, оно поддержало буров. Оно даже послало военные корабли в бухту Делагоа, откуда шла железная дорога к столице Трансвааля. В январе 1895 г. Крюгер публично заявил, что он надеется на германскую помощь.

Родс и связанная с ним группа крупнейших капиталистов (Бейт, Филиппе, Барнато) были чрезвычайно напуганы тем, что Трансвааль, где находились их несметные богатства, может ускользнуть из-под влияния Англии. Они решили покончить с его самостоятельностью. В начале 1895 г. их агентура приступила к организации заговора в главном золотопромышленном центре Трансвааля Иоганесбурге: там была сосредоточена большая часть английских колонистов, наводнивших после открытия приисков золотоносную область Трансвааля. Эти «уитлендеры», как их называли, ненавидели буров, которые платили им тем же. Контрабандой агенты Родса переправляли оружие в Иоганесбург. Мятеж был назначен на 27 декабря 1895 г. Одновременно в Трансвааль из Бечуанленда должен был вторгнуться отряд полиции Южноафриканской компании, чтобы двинуться на помощь мятежникам. Во главе отряда стоял управляющий Южноафриканской компании, некий Джемсон.

В последнюю минуту вожди заговора нашли, что у них ещё не всё готово. Восстание было перенесено на 6 января. Тем не менее 29 декабря Джемсон вторгся в пределы Трансвааля и пошёл на Иоганесбург. Его постигла неудача. Он был окружён бурами и 2 января 1896 г. взят в плен со всем своим отрядом, «заговорщики в Иоганесбурге были арестованы. Предприятие Родса закончилось провалом. За ним последовал один из величайших скандалов в истории дипломатии нового времени.

1 января 1896 г. статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Маршалль обратился к французскому послу с предложением установить соглашение по ряду конкретных вопросов и этим отнять у Англии возможность играть на франко-германских противоречиях. Маршалль говорил о необходимости положить предел «ненасытному аппетиту англичан». Этот шаг был задуман как начало создания лиги континентальных держав против Англии. План такого объединения был набросан Гольштейном в меморандуме от 30 декабря 1895 г. По расчётам германской дипломатии, угроза образования континентальной лиги должна была сделать Англию более сговорчивой, принудить её уступить Германии какие-либо колониальные территории и пойти на сотрудничество с Тройственным союзом.

Не дожидаясь французского ответа, берлинское правительство 2 января поручило своему послу в Лондоне вручить английскому правительству ноту с резким протестом против налёта Джемсона. Посол отправил ноту в Форейн офис в тот же день, поздно вечером. Но тем временем в Берлине узнали о поражении Джемсона. Тотчас послу телеграфировали предписание приостановить отправку ноты, если только ещё не поздно. Ввиду ночного часа нота, уже доставленная в опустевший Форейн офис, осталась лежать там до утра в нераспечатанном конверте. Благодаря этой случайности германский посол успел взять её обратно.

3 января утром состоялось совещание кайзера с канцлером Гогенлоэ, Маршаллем и высшим морским командованием. Вильгельм II, находившийся в чрезвычайно возбуждённом состоянии,

предлагал объявить германский протекторат над Трансваалем, хотя бы и ценой риска войны против Англии. Его советники отвергли этот план. Однако было всё-таки решено, что император в то же утро пошлёт демонстративную телеграмму президенту Крюгеру. В этой телеграмме кайзер поздравлял президента с тем, что бурам удалось собственными силами, «не прибегая к помощи дружественных держав», «восстановить мир и отстоять независимость», дав отпор «вооружённым бандам». Телеграмма кайзера являлась вызовом, брошенным Англии. Именно так она и была понята англичанами.

Смотреть карты

Последствия южноафриканского кризиса.

Английская националистическая пресса во главе с «Times» с восторгом приветствовала «налет Джемсона»; столь же бурно выражала она и огорчение по поводу его неудачи. Когда стала известна телеграмма Вильгельма Крюгеру, в Англии поднялась настоящая буря. Кампанию открыла газета «Times» 4 января. Немедленно же в неё включилась большая часть английской прессы. «Morning Post» угрожающе писала, что Англия никогда не забудет нанесённого ей оскорбления и угроз германского кайзера. «Saturday Review» обозвала Вильгельма «деспотом, похожим на фронтового фельдфебеля». В Лондоне толпа била стёкла в немецких магазинах. Годами накопившаяся ненависть к главному торговому конкуренту Англии выливалась наружу. Англо-германский антагонизм вскрылся во всей своей остроте. Тотчас после телеграммы Крюгеру в Англии усилилась агитация против германской торговой конкуренции.

Обострив отношения с Англией, германское правительство очень скоро убедилось в том, что проект континентальной лиги потерпел полную неудачу. Правда, сначала французская печать столь же резко, как и германская, нападала на джемсоновский рейд. Однако 6 января в «Times» появилась весьма многозначительная статья, в которой отвергались «противоестественные союзы». Скоро выяснилось, что на сотрудничество Франции Германии рассчитывать не приходится. Царское правительство также не склонно было оказывать Германии поддержку в южноафриканском вопросе.

Обострение англо-германского антагонизма ослабило Тройственный союз. И Австрия и Италия дорожили своими отношениями с Англией: первая — в целях борьбы против России на Ближнем Востоке, вторая — из страха перед английским флотом. Ссора с Англией могла поставить под угрозу всю внешнюю торговлю Италии, шедшую преимущественно морскими путями. После того как глава Тройственного союза поссорился с Англией, становилось ясным, что участие в этом союзе может вовлечь и Италию в борьбу с «владычицей морей». С другой стороны, с конца 80-х годов Франция изматывала экономически слабую Италию таможенной войной. Италия заколебалась. В 1896 г. итальянское правительство сделало серьёзный шаг в сторону Франции: оно признало французский протекторат над Тунисом. Ещё через два года, в 1898 г., был заключён франко-итальянский торговый договор; за ним последовало открытие для Италии французского денежного рынка, на который она не допускалась со времени вступления в Тройственный союз. Таким образом, Франция прекратила таможенную войну против Италии, а равно и кампанию против её кредита, которыми она с середины 80-х годов истощала народное хозяйство Италии, стремясь оторвать эту державу от германской группировки.

Смотреть карты

Австро-русское соглашение 1897 г.

Англо-германский антагонизм повлиял и на другого члена Тройственного союза. Австро-Венгрия поторопилась договориться с Россией, тем более, что на Ближнем Востоке возникли новые осложнения: в 1896 г. началось восстание на Крите. В 1897 г. Греция выступила на помощь своим критским единоплеменникам. Началась греко-турецкая война.

В мае 1897 г. между Россией и Австрией было заключено дружественное соглашение: обе державы обязались поддерживать status quo на Балканах. В случае, если бы, вопреки их стараниям, сохранить этот status quo не удалось, Россия и Австрия взаимно обязывались договориться об обоюдных интересах, которые придётся учесть при предстоящих территориальных переменах на Балканах. Однако судьбы Константинополя и проливов не были определены в австро-русской сделке. Они были признаны вопросами общеевропейского характера. Таким образом, австро-русское соглашение не намечало никакого решения важнейшей проблемы, которая составляла основу почти всех ближневосточных осложнений.

Соглашению была придана форма обмена нотами; в них явственно отразились разногласия, оставшиеся между договаривающимися сторонами. Австрия в своей ноте выговаривала себе

право в случае необходимости превратить оккупацию Боснии и Герцеговины в аннексию и, кроме того, присоединить часть Ново-Базарского санджака. Нота предусматривала далее раздел остальной части Балкан между балканскими государствами, е тем, однако, чтобы между ними не было нарушено «равновесие». Таким образом, оставаясь злейшим врагом славянства, так же как и в дни восточного кризиса 70-х годов, Австрия не допускала образования большого славянского государства. Албания должна была стать самостоятельной. Этим австрийцы думали закрыть для Сербии выход к Адриатике, равно как и предотвратить переход Албании в итальянские руки.

Ответная нота нового русского министра иностранных дел Муравьёва (Лобанов умер в 1896 г.) отказывалась точно фиксировать все эти «вопросы будущего». Благодаря этому от соглашения остался, в сущности, лишь пункт о сохранении status quo. Впрочем, на данном этапе он имел реальное значение, так как обе стороны были заинтересованы в том, чтобы на некоторое время «заморозить» восточный вопрос — по образному выражению Лобанова-Ростовского. Для России это было нужно, чтобы иметь свободные руки на Дальнем Востоке. Для Германии — чтобы раздуть дальневосточный конфликт, поживиться за счёт Китая, ослабить давление России на Балканах. Австрии же пока что было не до внешних авантур ввиду тяжёлого внутреннего кризиса.

Смотреть карты

Захват Киао-Чао.

В конце 1897 г. Германия предприняла важный шаг на Дальнем Востоке. Германское правительство стремилось приобрести военно-морскую базу в дальневосточных водах. Выбор бывшего командующего немецкой дальневосточной эскадрой адмирала Тирпица (ставшего теперь морским министром) пал на бухту Киао-Чао, на южном побережье Шаньдуна. В августе 1897 г. Вильгельм II посетил царя в Петергофе. Во время этого визита Вильгельм постарался выяснить, не грозит ли захват Киао-Чао конфликтом с Россией, которая обладала правом якорной стоянки в этой бухте для своих военных кораблей. Николай II заверил кайзера, что Россия не претендует на Киао-Чао и намерена приобрести себе базу севернее, — царь назвал один из корейских портов. Царь заявил, что не станет возражать, если германские суда воспользуются бухтой по согласованию с русским военно-морским командованием. В конце сентября германское правительство известило Пекин и Петербург о своём намерении использовать Киао-Чао как стоянку для своей эскадры. При этом в Пекине немцы ссылались на согласие Петербурга. Однако царское правительство поспешило напомнить в Берлине, что свою готовность предоставить Германии якорную стоянку в Киао-Чао царь обусловил предварительным запросом русского военно-морского командования.

Это происходило в начале ноября. Как раз тогда в Шаньдуне были убиты китайцами немецкие миссионеры. Это дало немцам желанный предлог для решительных действий. Вильгельм II сообщил царю, что вынужден занять Киао-Чао, дабы обеспечить защиту миссионеров. Кайзер выражал надежду, что царь не станет возражать. При этом он ссылался на петергофские переговоры.

Ответ Николая гласил, что Киао-Чао России не принадлежит; ввиду этого он не может ни одобрить, ни осудить германского шага. Получив такой ответ, Вильгельм II отдал своим кораблям приказ войти в облюбованную бухту.

Однако 9 ноября в Берлине было получено известие, что русский министр иностранных дел Муравьёв протестует против захвата Киао-Чао Германией, напоминая, что Россия имеет в Киао-Чао преимущественное право якорной стоянки. Русская эскадра получила приказ отправиться в Киао-Чао тотчас же, как только туда войдут германские корабли.

Германское правительство было раздражено этим шагом Муравьёва. Но оно сочло целесообразным предложить Петербургу компромисс: Россия не будет возражать против захвата Киао-Чао Германией и в свою очередь вознаградит себя приобретением Порт-Артура. Не дожидаясь конца переговоров, немцы применили свой излюбленный дипломатический приём: они поставили Россию перед совершившимся фактом, высадив 14 ноября 1897 г. десант на побережье Киао-Чао.

Возникла угроза русско-германского конфликта. Но вскоре царское правительство решило пересмотреть свою позицию: оно приняло предложенный немцами компромисс за счёт Китая. В декабре 1897 г. российская эскадра бросила якорь на рейде Порт-Артура.

Поворот в политике русского правительства имел свои причины. Для России было бы всего выгоднее на данном этапе не допустить захвата китайских портов. Из этого первоначально и исходил Муравьёв. Нужный ему открытый и незамерзающий порт царское правительство приглядывало не в Китае, а в Корее. Но занятие порта в Корее должно было вызвать сопротивление Японии, которую наверно поддержала бы Англия. Сибирская дорога ещё далеко не была закончена; царское правительство не было готово к войне с Японией. К тому же Германия заняла решительную позицию, и помешать ей в деле захвата Киао-Чао было трудно. В конце

концов царское правительство сочло за благо лучше взять Порт-Артур, где сопротивление обещало быть менее серьезным, чем в Корее, и отказаться от преобладающего влияния в этой стране, что вскоре и было оформлено в соглашении с Японией от 25 апреля 1898 г. Витте возражал против приобретения Порт-Артура, указывая, что этот шаг противоречит духу Московского договора (1896 г.). Но ему не удалось отстоять свою точку зрения.

6 марта 1898 г. было подписано германо-китайское соглашение, по которому Китай передавал Германии Киао-Чао на началах аренды сроком на 99 лет. Одновременно китайское правительство предоставило Германии концессию на постройку двух железнодорожных линий в Шаньдуне и ряд горных концессий в этой провинции. Один из пунктов германо-китайского договора гласил: «Китайское правительство строго обязывается во всех случаях, когда ему понадобится иностранная помощь людьми, капиталом или материалами для какой-либо цели в Шаньдунской провинции, предложить соответствующее предприятие или доставку материалов в первую очередь германским промышленникам и торговцам. В том случае, когда германские промышленники или торговцы не будут склонны принять на себя осуществление подобных предприятий или доставку материалов, Китай будет иметь право поступить дальше по своему усмотрению». Таким образом, Шаньдун превращался в сферу германского влияния.

В марте 1898 г. был подписан договор об аренде Россией Порт-Артура и Ляодунского полуострова. Китайское правительство давало согласие на постройку Россией железной дороги от Порт-Артура до Харбина на соединение с КВЖД.

Англия постаралась не отстать от конкурентов, которые нарушили её былую монополию в Китае. Её дипломатия добилась от Китая расширения прав английского судоходства по рекам Китая и, главное, фактического признания бассейна Ян-Цзы, т. е. богатейшей части Китая, сферой английского влияния. 1 — 2 сентября 1898 г. Англия признала за Германией монополию на железнодорожные концессии в Шаньдуне и в бассейне

Хуанхэ (кроме провинции Шанси). Германия со своей стороны признала аналогичные права Англии в бассейне Ян-Цзы и в провинции Шанси. В том же 1898 г. Англия добилась обязательства китайского правительства замещать должность генерального инспектора таможен англичанином, пока английская торговля продолжает занимать в Китае первое место.

Несмотря на эти успехи, приобретение Порт-Артура Россией вызвало в Англии настоящее смутение. Заинтересованные в Китае капиталистические группы осаждали правительство требованиями положить предел русскому проникновению в Китай. Как мотивировали они свою тревогу? Сегодня Россия захватила Порт-Артур, ключ к морским подступам к Пекину; завтра она захватит и самый Пекин. Освоение Манчжурии может её занять на более или менее долгое время. После этого она будет иметь возможность спуститься в Печжили, а «между Печжили и Ян-Цзы нет естественных преград». Так говорилось в поданной лорду Солсбери петиции Китайской ассоциации — влиятельного органа капиталистических кругов, связанных с Дальним Востоком.

Дипломатическое положение Англии в эти годы было не из лёгких. После телеграммы Вильгельма Крюгеру отношения с Германией испортились. Надвигалась схватка с Францией из-за верховьев Нила. А теперь назревал конфликт с Россией. Англия была изолирована, поссорившись сразу и с Германией, и с Францией, и с Россией. И эту изоляцию уже никак нельзя было назвать «блестящей». Английская внешняя политика должна была искать новых путей: надо было договориться либо с Германией, либо с франко-русской группой. Из этих трёх держав Франции Солсбери не особенно боялся ввиду наличия франко-германского антагонизма. В возможность сговора Англии с Германией он не очень верил. Поэтому британский премьер предпочёл добиваться соглашения с Россией, чтобы таким образом оградить дальневосточные интересы английского капитала и уменьшить число врагов Англии в Европе.

Уже в дни ближневосточного кризиса в 1896 г. Солсбери намекал в Петербурге на желательность соглашения с Россией. В январе 1898 г., вскоре после приобретения Россией Порт-Артура, Солсбери предложил царскому правительству грандиозный раздел Китая и Османской империи. Застенный Китай и северную часть Собственно Китая до долины Хуанхэ он готов был предоставить России в качестве сферы её влияния. Бассейн Ян-Цзы должен был стать сферой влияния Англии. В Турции для России в качестве сферы влияния предназначались северная часть Малой Азии, северная Месопотамия и проливы, а для Англии — южная Месопотамия, Египет и Аравия. Россия отклонила это предложение Солсбери. Тогда Англия захватила бухту Вэй-Хай-Вэй на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь свою базу на подступах к Пекину в качестве некоторого противовеса Порт-Артуру. Затем она повела с Китаем переговоры о продолжении Шанхайгуаньской железной дороги до Ньючуана и далее, в глубь Манчжурии. Маневр этот до известной степени удался. Оценивая сооружение английской железной дороги как явную угрозу своим интересам, царское правительство дало Англии согласие на сделку более ограниченного масштаба, нежели та, которую предлагал британский премьер. В апреле 1899 г. было достигнуто соглашение о размежевании сфер железнодорожного строительства в Китае. Великобритания обязывалась не домогаться железнодорожных концессий к северу от Великой китайской стены и

обещала не препятствовать России приобретать концессии в этой зоне. Россия принимала аналогичные обязательства в отношении бассейна реки Ян-Цзы.

Таким образом, к концу 90-х годов завершился раздел значительной части Китая на сферы влияния. Англия сохранила под своим влиянием богатейшую часть Китая — долину Ян-Цзы. Россия приобрела Манчжурию и до некоторой степени другие области застенного Китая, Германия — Шаньдун, Франция — Юяньюнь. Япония в 1898 г. вернула себе преобладающее влияние в Корее, потерянное было ею после пересмотра Симоносекского мира. Опасаясь, как бы занятие Порт-Артура не привело к англо-японскому сближению, русское правительство в угоду Японии отозвало из Кореи своих военных инструкторов и финансового советника.

Смотреть карты

Переговоры об англо-германском союзе. Бюлов как дипломат.

Широкое соглашение Англии с Россией по делам Дальнего и Ближнего Востока не удалось. Русская дипломатия не пожелала связать себе руки. Отчасти ею руководил страх, как дипломат что соглашение с Англией взорвёт франко-русский союз. Ведь Англия требовала от России, чтобы та санкционировала оккупацию Египта. Как взглянут на это в Париже?

Видя, что сделка с Россией не налаживается, британское правительство стало искать иных политических путей. Прежде всего некоторым его членам пришёл в голову вопрос: нельзя ли убавить количество противников, договорившись с немцами? Быть может, их руками удастся даже нанести удар несговорчивой России?

Это представляло довольно деликатную дипломатическую задачу. Телеграмма Вильгельма Крюгеру отнюдь не свидетельствовала о дружелюбной позиции Германии по отношению к Великобритании. В конце 1897 г. новый статс-секретарь германского ведомства иностранных дел фон Бюлов произнёс в Рейхстаге речь, в которой заявил, что «довольно немцам глядеть на то, как другие делят сладкий пирог», пора и им добиваться для себя «места под солнцем». Солсбери учитывал агрессивные настроения империалистической Германии. Сам он сомневался в возможности англо-германского соглашения. Но министр колоний Чемберлен, лидер крайних империалистов, был сторонником сговора с немцами. Он считал своевременным заключение англо-германского союза. Он замыслил договор не только с Германией, но и с Соединёнными штатами. Ему и были поручены переговоры с немцами. Солсбери не возражал, хотя и относился к этой попытке без энтузиазма. Встреча Чемберлена с германским послом состоялась 29 марта 1898 г. в доме банкира Ротшильда.

На фоне дипломатических обычаев и нравов конца минувшего века Джозеф Чемберлен представлял довольно своеобразную фигуру. Дипломаты карьеры, почти исключительно дворяне, воспитанные на французском языке, выросшие в обстановке так называемого высшего света, не без удивления смотрели на этого бирмингемского промышленника и на его манеру вести политические дела. Когда германский посол граф Пауль Гатцфельд встретился у Ротшильда с Чемберленом, чопорный немецкий дипломат был ошеломлён тем, что без всякого зондирования и без дальних слов английский министр колоний предложил ему заключить союз между Германией и Англией.

По мнению профессиональных дипломатов, Чемберлен вёл дипломатические переговоры со всеми хватками «современного купца». Свои предложения он, подобно товару, прямо выкладывал на стол, будучи убеждён, что за хорошую цену всегда можно сделать хорошее дело.

Гатцфельд, конечно, немедленно передал в Берлин сделанное ему предложение. Здесь рассмотрением проекта Чемберлена занялись руководители германской дипломатии.

В 1897 г. во главе германского ведомства иностранных дел стал Бернгард фон Бюлов. Бюлов был превосходным оратором и блестящим светским собеседником. Он был находчив, ловок и изворотлив; в дипломатической беседе, как и в Парламенте, он умел мгновенно находить выход из самых трудных положений, притом с элегантною, которой мог бы порой позавидовать и сам Горчаков. Можно сказать, что он был превосходным тактиком. Но стратегом он был слабым. Продумывать более отдалённые цели и перспективы внешней политики Бюлов был не способен. Его неглубокий и ленивый ум скользил по поверхности явлений. У Бюлова было достаточно терпения, чтобы часами разучивать перед зеркалом предстоящую речь в Рейхстаге; но серьёзно изучать вопрос, всесторонне обдумывать международное положение — на это его не хватало.

Чего недоставало статс-секретарю, то восполнял давний советник иностранного ведомства Гольштейн. Этот дипломат давал Бюлову общие политические идеи.

В начале 90-х годов, в дни канцлерств Каприви и Гогенлоэ, Гольштейн решил, что с Англией немцам не удастся добиться договорённости, основанной на твёрдых и равных обязательствах. С тех пор руководящей идеей дипломатии Гольштейн а стало балансирование между Россией и Англией, дабы использовать одну против другой.

Летом 1898 г. в письме к кайзеру Бюлов следующим образом формулировал эту политику, вдохновителем которой был Гольштейн: «Всякое соглашение с Англией при теперешнем международном положении окажется направленным против России и уменьшит безопасность восточной германской границы... С другой стороны, при теперешней европейской конъюнктуре для нас совершенно немыслимо заключить союз... с Россией, без того, чтобы он не оказался направленным против Англии, т. е., иначе говоря, не ограничивал бы перспектив на приобретение нами колоний... Поэтому ваше величество несомненно правильно решили пока... не связывать себя ни с той, ни с другой стороной».

Дипломатия Гольштейна, заключающаяся в игре на англорусских противоречиях, основывалась на ложной предпосылке. Гольштейн считал, что англо-русские противоречия непримиримы. Исходя из этого он и строил свою политику. Гольштейн не уловил основных изменений, происходивших в международной обстановке. Он не понял того, что новый англо-германский антагонизм был глубже и устойчивее, нежели старые англо-русские или англо-французские противоречия. Германская политика «свободных рук» оказалась на деле положением «между двух стульев», или, лучше сказать, между двух огней, ибо в конце концов Германия поссорилась и с Англией и с Россией. Но надо отдать должное Гольштейну. Получив из Лондона от Гатцфельда предложение Чемберлена, и он и Бюлов сразу поняли, что путём заключения союза с Германией английская дипломатия рассчитывает втянуть Германию в конфликт с Россией. Они решили отклонить предложение Чемберлена.

Вильгельм II, однако, попытался предварительно извлечь из английского демарша дипломатический барыш. Он написал личное письмо Николаю II, сообщая, что Англия обратилась к нему с чрезвычайно заманчивыми предложениями. Кайзер давал понять, что предложения эти направлены против России, и осведомлялся не без цинизма, что даст ему царь, если он откажется от сделки с Англией. Ответ русской дипломатии не был лишён находчивости. В письме Вильгельму царь сообщал, что совсем недавно Англия обращалась и к России с далеко идущими предложениями. Они были отклонены. Этим царь и ограничился. На вопрос кайзера, что Россия даст Германии за отказ от союза с Англией, ответа не последовало. Таким образом, попытка Вильгельма пошантажировать Россию кончилась полной неудачей.

Что же касается ответа Чемберлену, то Гольштейн и Бюлов обратились к нему с контрпредложением. По их мнению, раньше, чем толковать о союзе, надо было бы позаботиться об умиротворении общественного мнения, которое в Германии настроено враждебно к Англии. Бюлов и Гольштейн предложили выработать сначала соглашения по отдельным колониальным вопросам. Как раз в это время, в апреле 1898 г., началась война между Испанией и США. Ожидалось крушение остатков испанского колониального владычества, и германские правящие круги мечтали, не удастся ли им захватить все испанские владения на Тихом океане, не исключая Филиппинских островов. Бюлов попытался было убедить англичан, что лучший способ подготовить почву для англо-германского союза — это помочь Германии в приобретении испанских колоний, на которые претендовали и США. Однако германским дипломатам пришлось убедиться, что английское правительство отнюдь не склонно ссориться с великой американской державой. Больше успеха имело другое предложение Бюлова. Он выдвинул мысль о разделе португальских колоний в Африке. В случае, если Португалии понадобятся деньги, Англия и Германия условливались совместно предоставить ей заём. Залогом должны были служить португальские колонии. Предполагалось, что Англия получит южный Мозамбик и центральную Анголу, а Германия — северный Мозамбик, южную и северную части Анголы и Тимор.

Солсбери и Чемберлену не очень улыбалась мысль давать Германии новые куски Африки, тем более, что в португальских колониях уже хозяйничал английский капитал. Ещё в мае 1898 г. в Лондоне между Солсбери и Гатцфельдом произошёл разговор, в котором выяснилось нежелание англичан поступиться своей колониальной монополией. Гатцфельд заметил, что сейчас «первая задача состоит в том, чтобы путём уступок в текущих мелких вопросах подготовить общественное мнение обеих стран к более тесному сближению». Солсбери ответил, что он согласен; однако он не понимает, почему Англия должна при этом всё время быть «дающей» стороной, а Германия — только «принимающей» дары. Гатцфельд возразил на это, что ведь дело идёт о колониях, поэтому он не может согласиться с данной постановкой вопроса. Каждому известно, что «Англия имеет почти всё, мы же, напротив, обладаем очень малым», заявил он.

В обмен за раздел португальских владений германское правительство обещало предать буров. Оно обязывалось прекратить всякую поддержку бургских республик. Это имело для Англии немаловажное значение, и англичане решили уступить. Договор о разделе португальских колоний был заключён 30 августа 1898 г. Однако в жизнь он проведён не был. Английский кабинет принял все меры, чтобы договор остался мёртвой буквой: заём Португалии не понадобился. 14 октября 1899 г. Англия подтвердила старинный договор с Португалией, впервые заключённый в XVII столетии и с тех пор много раз возобновлявшийся. Этот договор предоставлял Португалии британскую гарантию неприкосновенности её территорий как в Европе, так и в колониях.

Подтверждение этого договора, который известен под названием Виндзорского, было проведено англичанами в секретном порядке. Однако Бюлов вскоре разузнал об этом акте благодаря нескромности одного дипломата. Бюлов понял, что англичане его обманывают: они только сулят немцам португальское добро, а на деле ободряют Португалию, обещая ей помочь сохранить свои владения.

Смотреть карты

Германский военно-морской закон 1898 г.

Вдумчивый наблюдатель уже тогда, в 1898 г., мог бы убедиться, что англо-германский союз закон 1898 г. невозможен. Стороны говорили на разных языках. Немцы воспринимали предложения Чемберлена как попытку заставить Германию таскать для Англии каштаны из русского огня; англичане считали вымогательством колониальные притязания немцев. Но эти обоюдные впечатления составляли только субъективную сторону англо-германских отношений.

Объективно антагонизм был ещё более глубоким, нежели сами его участники успели это осознать. Дело не исчерпывалось колониальными притязаниями Германии, торговой конкуренцией, её стремлением к гегемонии. Важнее было то, что Германия приступила к сооружению сильного военно-морского флота. До тех пор, имея могущественную армию, Германия на море довольствовалась кораблями береговой обороны. Теперь положение стало изменяться.

В 1898 г. германский Рейхстаг принял закон об усилении военного флота. К 1904 г. состав флота должен был быть доведён до 17 линейных кораблей, 9 броненосных, 26 лёгких крейсеров и соответствующего числа мелких судов. Для выполнения намеченной программы предстояло в течение семи лет построить 7 броненосцев, 2 тяжёлых и 7 лёгких крейсеров. С обоснованием необходимости постройки флота перед Рейхстагом выступил адмирал Тирпиц. «Морские интересы Германии, — заявил он, — возросли со времени основания империи совершенно неожиданным образом. Их обеспечение сделалось для Германии вопросом жизни. И если препятствовать или серьёзно вредить этим морским интересам, страна пойдёт навстречу сначала экономическому, а затем и политическому упадку. Что вы ни возьмёте: политические, экономические вопросы или защиту немецких подданных и торговых интересов за границей — всё это может найти охрану только в немецком флоте». В Англии первую германскую морскую программу встретили сравнительно спокойно. Очевидно, значение её ещё было недооценено. Она и в самом деле была ещё не так велика. Но программа 1898 г. была только началом.

Появление сильного военного флота делало Германию самым опасным из всех мыслимых врагов Англии. Россия в силу своего географического положения не могла и думать о нападении на Британские острова или на морские коммуникации империи. Франция, расположенная поблизости, обладала значительным флотом. Но её главным противником всегда была Германия; притом французский военный потенциал был недостаточен для того, чтобы посягнуть на Англию при наличии германского соседства. Германия была много сильнее Франции. Правда, пока у Германии не было флота, она могла чинить Англии затруднения только дипломатическим путём. Но по мере постройки большого флота Германия стала представлять всё большую военную опасность как для самих Британских островов, так и для морских коммуникаций, связывающих их с другими частями империи, с источниками продовольствия и сырья. Однако в 1898 г. ещё далеко не все в Англии осознали тот факт, что наиболее опасным противником Британии является именно Германская империя.

Смотреть карты

Фашодский инцидент.

Англо-германские переговоры о союзе совпали с новой вспышкой англо-французской борьбы за владычество над верховьями Нила, а тем самым и над Египтом.

Ещё в 80-х годах, когда французское правительство стало проявлять известную активность в Джибути, английская дипломатия сказала ему противодействие. Она стала покровительствовать проникновению Италии на Красноморское и Сомалийское побережья. С помощью Англии были основаны итальянские колонии Сомали и Эритрея. Отсюда итальянцы в 1887 г. попытались проникнуть в Абиссинию, но посланный туда отряд был разбит абиссинцами. В 1895 г. итальянцы повторили свою попытку, но в начале 1896 г. претерпели сокрушительный разгром при Адуа. Итальянская буржуазия жаждала колоний. Однако, по выражению Бюлова, у Италии был хороший аппетит, но скверное пищеварение. Жадность намного превосходила те силы, которыми она располагала для удовлетворения своих вожделений.

Поражение при Адуа дало Англии благовидный предлог для посылки экспедиции в Судан: англичане пошли туда якобы для того, чтобы выручать итальянцев, которым грозили не только абиссинцы, но и владычествовавшие над Суданом махдисты. На самом деле английское правительство было озабочено другим. Поражение итальянцев усиливало французскую угрозу верхнему Нилу. Оно позволяло французам в борьбе с Англией надеяться на помощь освободившихся абиссинских сил. Таким образом, поражение при Адуа форсировало захват Судана Англией. В 1896 г. английское правительство отправило из Египта на юг, вверх по Нилу, экспедицию под командованием Китченера в целях покорения Судана. Наперерез Китченеру, с запада из Французского Конго, в марте 1897 г. двинулся французский отряд под командой капитана Маршана. 10 июля 1898 г. Маршан дошёл до Нила и поднял французский флаг в местечке Фашода, на полуразрушенной старой египетской крепости. В середине сентября к Фашоде подошёл Китченер. Там он нашёл Маршана с его небольшим французским отрядом. Китченер предложил Маршапу покинуть долину Нила. Французский офицер отказался эвакуировать свои войска без прямого приказа своего правительства. Переговоры между Маршаном и Китченером протекали во внешне любезной форме. Зато английская пресса взяла самый воинственный тон; от неё не отставали члены правительства и ряд лидеров оппозиции. Так, например, канцлер казначейства Хикс-Бич заявил, что «бывают и худшие несчастья, чем война».

В это время французским министром иностранных дел был Теофиль Делькассе. Раньше он был гамбеттистом, а в дни буланжистского движения — секретарём реваншистской Лиги патриотов. Делькассе был убеждён, что Германская империя является главным врагом его родины. Уже одно это не располагало его к тому, чтобы ввязываться в конфликт с Англией. К тому же Франция переживала внутренний кризис, связанный с известным делом Дрейфуса. Это, конечно, также требовало некоторой осторожности.

Всё-таки Делькассе хотел что-либо получить с англичан в обмен за эвакуацию Фашоды. Но британский кабинет отказался разговаривать о каких-либо компенсациях для Франции. Он заявил, что, пока Маршан не очистит долины Нила, переговоры невозможны. Англия демонстративно приступила к военным приготовлениям, намекая, что она может прервать переговоры и выступить в Париже с ультиматумом.

Французское правительство было охвачено паникой, какой не переживало ещё с 1887 г. Военно-морское превосходство Англии в эти годы было подавляющим; война с ней представлялась для Франции явно безнадежной. Ссылаясь на необходимость получить подробные донесения от Маршана, Делькассе постарался выиграть время для самых необходимых военных приготовлений; нужно было также выяснить позицию России. 15 октября в Париж прибыл министр иностранных дел Муравьев, за ним — Витте и военный министр Куропаткин. Невидимому, русские посоветовали Делькассе уступить. Впрочем, и без того это было неизбежно. 3 ноября 1898 г. французский Совет министров принял постановление: эвакуировать Фашоду без всяких условий.

Нерешённым оставался вопрос о разграничении английских и французских владений в Судане. Делькассе всё ещё претендовал на область Бахр-эль-Газель и некоторую территорию по верхнему Нилу. Приобретение хотя бы маленького клочка на Ниле могло смягчить понесённое Францией дипломатическое поражение. Однако английское правительство не соглашалось приступить к переговорам иначе как на основе полной капитуляции; оно продолжало выдерживать самый вызывающий тон по адресу Франции. Между прочим обычно корректный и осторожный посол в Париже сэр Эдмунд Монсон публично заявил, что французское правительство умышленно ведёт «политику булавочных уколов». Она «может принести эфемерное удовлетворение недолговечным министерствам, но неизбежно вызовет крайнее раздражение по ту сторону канала». Создавалось впечатление, будто английский кабинет во что бы то ни стало хочет довести дело до войны.

Для Франции война с Англией влекла за собой риск нападения Германии: последняя могла бы воспользоваться удобным случаем для нового разгрома своей западной соседки. Ввиду этого Делькассе решил завязать переговоры с Берлином, чтобы выяснить, можно ли рассчитывать на нейтралитет Германии в случае англо-французского конфликта. Правда, Делькассе не пошёл на то, чтобы официально запросить Берлин. Через лицо неофициальное — парижского корреспондента «*Kölnische Zeitung*» — он передал в начале декабря германскому правительству, что хотел бы достигнуть франко-германского сближения. Ответ был дан 15 декабря 1898 г. на страницах той же «*Kölnische Zeitung*». «Франко-германское сближение станет возможным лишь тогда, — заявляла газета, — когда слова Эльзас и Лотарингия исчезнут из словаря французской прессы и французских государственных людей». Несколькими позже, через одного влиятельного и богатого судовладельца, Делькассе предложил Берлину обменять Эльзас и Лотарингию на одну из французских колоний. И на этот раз он получил отрицательный ответ. Германское правительство дало Делькассе понять, что только формальный отказ французского правительства от надежды на возвращение Эльзаса и Лотарингии может обеспечить франко-германское сотрудничество. Делькассе был вынужден продолжать отступление перед Англией и отказаться также и от области Бахр-эль-Газель: Эльзас и Лотарингия стоили, конечно, дороже, чем весь нильский бассейн или любая другая колония.

Добившись капитуляции Франции в борьбе за бассейн Нила, английское правительство решило протянуть пряник побитому врагу. В феврале 1899 г. с Францией были начаты те самые переговоры, в которых ей отказывали до капитуляции. 21 марта 1899 г. было достигнуто соглашение между Лондоном и Парижем. Африканские владения обеих держав были разграничены. Франция оказалась окончательно удалённой из бассейна Нила. За это она получила некоторые компенсации. Граница была проведена в основном по водоразделу между бассейнами озера Чад, Конго и Нила. За отказ от бассейна Нила Франция получила бассейн озера Чад со спорной до этого областью Вадаи.

Смотреть карты

Багдадская железная дорога.

В том же самом 1898 г., столь богатым событиями на колониальной арене, германский империализм начал борьбу за концессию на Багдадскую железную дорогу. Это предприятие должно было стать в его руках орудием закабаления Турции.

Ещё в 1887 г. Дейче Банк приобрёл у турецкой казны небольшую железнодорожную линию от Гайдар-Паша на азиатском берегу Босфора до Измида — гавани на берегу Мраморного моря. Кроме того, банк получил от турецкого правительства концессию на продолжение этой линии от Измида до Анкары. Перед совершением сделки Дейче Банк запросил мнение канцлера. Бисмарк ответил концессионеру, что возражений против задуманного предприятия он не имеет, но и никакой особой поддержки этому делу не окажет. Бисмарк твёрдо держался своего мнения о незаинтересованности Германии в турецких делах: он рассчитывал, что при такой позиции Германии легче будет извлекать барыш из соперничества других держав на Ближнем Востоке.

Бисмарк придавал так мало значения германской железнодорожной концессии в Турции, что через несколько дней, как видно из документов, он уже забыл об этом эпизоде с запросом Дейче Банк. Однако кайзер Вильгельм II с гораздо большим интересом относился к германской экспансии в Турции. Ещё будучи наследником, он был близок к тем военным кругам, которые полагали, что война с Россией неминуема. Вместе со многими генералами Вильгельм считал, что в этой войне Турцию необходимо будет использовать как союзника. Турецкие железные дороги приобретали в связи с этим для Германии не только экономический, но и военно-политический интерес. В феврале 1893 г. султан передал обществу Анатолийских железных дорог, созданному Дейче Банк, концессию на постройку дороги от Эскишехира, расположенного на линии Измид — Анкара, до Кони. И Россия, и Франция, и особенно Англия возражали против новой германской концессии. Английский посол заявил султану протест, указав, что новый концессионный договор задевает интересы английской компании, владевшей Смирно-Айдинской железной дорогой. Однако Германии удалось преодолеть сопротивление конкурентов. Она пригрозила Англии прекращением поддержки в египетских финансовых делах; это побудило английский кабинет отказаться от протеста против немецкой концессии. Сооружение дороги на Конию было завершено в 1896 г. Теперь уже нельзя было больше утверждать, будто у Германии нет интересов на Ближнем Востоке» Германский империализм явно собирался превратить Турцию в свою колонию.

В 1898 г. Вильгельм II отправился в Палестину, якобы на поклонение «святым местам». По пути в октябре 1898 г. он посетил Константинополь и нанёс султану визит. Одновременно в Константинополе оказался и директор Дейче Банк Сименс; он вёл переговоры о концессии на продление железнодорожной линии от Кони до Багдада и на оборудование порта в Гайдар-Паша, на азиатском берегу Босфора. После паломничества к «святым местам» кайзер побывал в Дамаске. Там в публичной речи он объявил себя другом 300 миллионов мусульман и их халифа, турецкого султана. Абдул-Гамиду чрезвычайно понравилась эта речь. Произнеся её, Вильгельм II немало помог Дейче Банк получить искомую грандиозную концессию на железную дорогу до Багдада. Концессия на сооружение порта была выдана султаном уже в январе 1899 г.

Весть о германской концессии на портовые сооружения в Гайдар-Паша, а тем более слухи о проекте железной дороги на Багдад были восприняты в Петербурге весьма недружелюбно. Русский посол в Берлине заявил Бюлову, что экономические успехи Германии могут привести к её политической гегемонии в Турции. Этого Россия допустить не может. Бюлов возражал. Он принялся объяснять послу, что Германия нуждается в рынках сбыта. Она преследует в Турции чисто экономические цели и не имеет будто бы намерения противодействовать политическим стремлениям России г.

В апреле 1899 г. царское правительство обратилось в Берлин с предложением заключить формальное соглашение относительно проливов. Царское правительство заявляло, что его цель заключается в поддержании целостности Оттоманской империи, ибо интересы России не допускают водворения иноземного влияния в проливах. В случае появления такой опасности, но именно только в этом случае, Россия вынуждена будет обеспечить себе контроль над проливами. Русское правительство предлагало Германии формально признать за Россией право на данный

шаг. За это Россия готова была обязаться не препятствовать Германии в её железнодорожных предприятиях в Малой Азии.

Германское правительство отказалось заключить предлагаемое соглашение. Истинная причина отказа заключалась в том, что положение Германии было в это время исключительно благоприятным. После приобретения Порт-Артура Россией немецкой дружбы добивалась Англия, а после Фашоды — и Франция. При таких условиях германская дипломатия не видела надобности ограничивать себя в Турции. Она считала лишним прочно связываться с Россией и изменять своей политике балансирования между Россией и Англией.

Экспансия на Дальнем Востоке сковала силы царской России. Её дипломатия не могла приостановить проникновение Германии в Турцию. 27 ноября 1899 г. появилось ирадэ султана. В нём объявлялось, что немецкой компании будет выдана концессия на постройку в течение восьми лет дороги от Кони через Багдад до Басры. Подробности, как указывалось далее в султанском ирадэ, будут установлены концессионным договором.

Частично русской дипломатии всё же удалось оградить свои интересы. По требованию России в апреле 1900 г. султан дал формальное обязательство в течение десяти лет не допускать иностранных концессий на сооружение железных дорог в районах Малой Азии, примыкающих к Чёрному морю и к русской кавказской границе. В Петербурге очень опасались, как бы немцы не вакабалили Турцию. «Они хотят окружить Россию от Полангена до Эрзерума», — так выразил существо этих опасений военный министр генерал Куропаткин.

Проникновение Германии в Турцию и особенно к берегам Персидского залива задевало и интересы Англии. Эти области представляли своего рода кордон перед индийской границей. Ради предосторожности английское правительство в 1901 г. захватило новый опорный пункт на Персидском заливе — Ковейт, неподалёку от устья Шат-эль-Араба.

К концу XIX века в Европе создалось следующее положение. Англия, продолжая соперничество с Францией и Россией, приобрела нового противника в лице Германской империи. Германия, невзирая на то, что внешне снова произошло некоторое сближение её с Россией, оставалась врагом франко-русского блока; вместе с тем она стала соперником Англии. Вопрос заключался

в том, какие противоречия окажутся более глубокими: противоречия ли между Германией и Англией или же между Англией, Россией и Францией. Иначе говоря, какая из трёх мыслимых дипломатических группировок окажется более жизнеспособной: англо-франко-русское согласие, англо-германский блок или же континентальная лига против Англии. История решила вопрос в пользу первой из перечисленных комбинаций. Германия обострила отношения одновременно и с Россией и с Англией. Расплатой за это явилось её поражение в 1918 г. Оно подтвердило пророчество Бисмарка об опасностях, которыми грозит Германии англо-русское сближение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА РАЗДЕЛ МИРА И ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ЗА ЕГО ПЕРЕДЕЛ (1898 - 1904 гг.)

Содержание

- **Испано-американская война.**
- **Доктрина Хэя ("открытые двери" в Китае).**
- **Англо-бурская война.**
- **Договор о Панамском канале.**
- **Германская военно-морская программа.**
- **Гаагская конференция 1899 г.**
- **Народное восстание в Китае ("боксёрское восстание").**
- **Вопрос об эвакуации Манчжурии.**
- **Миссия Ито.**
- **Англо-японский договор.**
- **Попытка англо-русского сближения.**
- **Русско-японская война.**

Испано-американская война.

В 90-х годах правительство США начало активизировать свою политику на Тихом океане и на Карибском море. В 1893 г. были заняты Гавайские острова. В апреле 1898 г. США начали войну против Испании ради приобретения испанских колоний. В 1895 г. на Кубе вспыхнуло восстание против испанского владычества. Куба всегда имела важное стратегическое значение на подступах к Панамскому перешейку и к Мексиканскому заливу, омывающему южное побережье США. Ещё в 1849 г. правительство США предлагало Испании продать ему Кубу за 100 миллионов долларов. Теперь Соединённые штаты решили воспользоваться восстанием, чтобы начать войну против Испании.

В США началась агитация против испанских жестокостей и преступлений. Весной 1898 г. правительством США был секретно послан на Кубу один сенатор с поручением ознакомиться с

положением острова. По возвращении в марте 1898 г. он выступил в Сенате с пространной речью; в ней он разоблачал зверства испанских властей, а также нищету и голод кубинского населения. Речь заканчивалась призывом объявить Испании войну. Сенатская комиссия по иностранным делам занялась изучением вопроса об ущербе, понесённом американскими гражданами во время волнений на Кубе.

Затем подоспел взрыв на американском крейсере «Мэн», стоявшем на рейде в Гаванне. В США приписывали взрыв испанцам и отклонили предложенное Испанией расследование и передачу дела на арбитражное решение. 6 апреля по просьбе Испании последовало вмешательство великих европейских держав в испано-американский конфликт. Однако оно приняло форму совершенно невинной коллективной ноты, вручённой послами держав в Вашингтоне. Державы призывали «президента и народ Соединённых штатов» руководствоваться в своих отношениях с Испанией «чувствами гуманности и умеренности».

Ответ правительства США не был лишён юмора. Он гласил, что США оценили дружественный характер обращения европейских держав, что они будут действовать, руководствуясь именно принципами «гуманности», и что во имя неё постараются поскорее покончить с создавшейся на Кубе ситуацией...

Правительство США хорошо знало, что Европа не желает усиления Соединённых штатов. Но оно знало и то, что при взаимном соперничестве европейских держав они не сговорятся о совместном вмешательстве, а выступить сепаратно не решится ни одна из них из опасения толкнуть США на сближение с кем-либо из её соперников. И США были спокойны. Президент Мак-Кинли предъявил Испании новые требования в дополнение к принятым ею ранее — обычный приём дипломатии, применяемый тогда, когда хотят во что бы то ни стало вызвать конфликт. Теперь США требовали уже эвакуации Кубы. Этого, конечно, испанская дипломатия принять не могла. Война стала неизбежной. 21 апреля дипломатические отношения между Испанией и США были порваны, а затем сначала (23-го) испанское правительство, потом (25-го) Конгресс США объявили состояние войны. Ни одна из европейских держав не вмешалась в пользу Испании.

США одержали быструю победу, разбив испанскую армию и флот. 10 декабря 1898 г. в Париже был подписан испано-американский мир. Испания отказывалась от Кубы, и вскоре остров был объявлен «независимым». Фактически он подпал под протекторат США. Порто-Рико, Гуам и Филиппины, согласно мирному договору, переходили к Соединённым штатам. Как уже отмечалось, на Филиппины претендовала и Германия. Однако германскому империализму пришлось удовольствоваться меньшим. Германское правительство добилось лишь того, что Испания продала ему расположенные на Тихом океане острова, ещё остававшиеся в её владении, — Каролинские, Марианские и Палау.

Испано-американская война была своего рода вехой мировой политики. До сих пор шёл раздел территорий, ещё никем из европейских государств не захваченных. Теперь США приобретали колонии, принадлежавшие Испании. Испано-американская война была первой войной не за раздел, а за *передел* мира.

Смотреть карты

Доктрина Хэй («открытые двери» в Китае).

Испано-американская война не только изменила в пользу США обстановку в Карибском море и в Центральной Америке. Поскольку США приобрели Филиппины, война отразилась и на Дальнем Востоке.

В эти годы США уже рассматривали Китай как один из важнейших будущих рынков для американского капитала и товаров. Раздел Китая на сферы влияния противоречил интересам США. США не могли рассчитывать в скором времени обеспечить для себя в Китае желаемую сферу влияния: для этого они ещё не располагали в дальневосточных водах необходимыми военно-морскими базами. В военном отношении США в Китае были много слабее не только Японии, но и России, и Англии, и даже Франции с её владениями в Индо-Китае и союзом с Россией. Зато в будущем они рассчитывали воспользоваться рынком всего обширного Китая. Понятно, что США стремились предотвратить растаскивание Китая по кускам.

6 сентября 1899 г. статс-секретарь США Хэй обратился к великим державам с нотами, в которых, провозглашая так называемую доктрину «открытых дверей» в Китае, приглашал присоединиться к этому принципу. Хэй предлагал каждому из правительств заявить:

«1. Что оно не будет покушаться на права какого-либо договорного порта или нарушать какие-либо обоснованные интересы [других держав] в пределах любой из так называемых „сфер интересов“ или арендованных территорий, каковые оно (т. е. данное правительство) может иметь в Китае.

2. Что ныне существующий китайский договорный таможенный тариф будет применяться ко всем товарам, выгруженным или доставленным во все такие порты, находящиеся в пределах

подобных „сфер интересов” (за исключением „вольных портов”) безотносительно к тому, к какой бы национальности они ни принадлежали; следуемые на этом основании пошлины будут взиматься китайским правительством.

3. Что оно не будет взимать с судов иной национальности, заходящих в какой-либо порт в подобной „сфере”, более высоких судовых сборов, чем те, которые будут взиматься с судов его собственной национальности, а равно и более высоких железнодорожных тарифов на линиях, сооружённых, контролируемых или действующих в его сфере».

Английское, германское, французское, японское и итальянское правительства ответили на ноту Хэя согласием. Россия дала уклончивый ответ. Русские товары в Манчжурии больше всего нуждались в тарифной защите. Между тем японская торговля в Корею и в других местах и без этого имела огромное преимущество вследствие близости расстояния между Японией и Китаем. Ввиду этого Япония имела возможность без особого ущерба для себя воздержаться от возражений на ноту Хэя. США и ранее считали, что главной угрозой для их интересов в Китае является Россия. Теперь русская политика встала в прямое противоречие с американской политикой. В итоге США примкнули на Дальнем Востоке к англо-японской группировке; в дальнейшем совместно с нею они будут действовать против России.

Смотреть карты

Англо-бурская война.

Прошло менее года после того, как прекратились военные действия в западном полушарии, и уже разразилась новая война — на этот раз в Южной Африке.

В качестве предлога для войны английская дипломатия избрала вопрос о положении так называемых уитлендеров. Так именовались иностранцы, преимущественно англичане, которые наводнили Трансвааль после открытия золотых россыпей в Уитватерсранде. Бурское правительство отказывало этим искателям наживы в полноте политических прав. Именно из этого вопроса английская дипломатия и решила создать *casus belli*.

Английская дипломатия вела переговоры с бурскими правительствами таким образом, что цель её была совершенно очевидна: она явно стремилась довести дело до разрыва. Вместе с тем ей нужно было время, чтобы приучить общественное мнение Англии к мысли о неизбежности войны. Стоило бурам принять те или иные требования английской дипломатии, как англичане немедленно предъявляли новые. Их прямым расчётом было не дать конфликту замереть. Зная, что военные приготовления Англии ещё не закончены, оба бурских правительства решили, что не следует позволять англичанам выиграть время. 11 октября 1899 г. буры объявили Англии войну. Английские войска после упорной борьбы заняли обе столицы бурских республик — Преторию и Блумфонтейн. Но вскоре англичанам пришлось убедиться, что сопротивление противника ещё далеко не сломлено. Буры начали партизанскую войну. Англичане оказались хозяевами лишь тех пунктов, где стояли их воинские части. Вокруг простиралась враждебная страна, которая кишела партизанскими отрядами. Они непрерывно угрожали английским коммуникациям и не позволяли англичанам удалиться сколько-нибудь от места расположения их частей. Так как Англия, имея громадный флот, располагала ничтожной армией, то справиться с бурскими партизанами оказалось очень трудно. В Южную Африку пришлось перебросить до 250 тысяч человек. Понадобился 31 месяц упорной борьбы, пока, наконец, 31 мая 1902 г. не был подписан мир. Буры были вынуждены отказаться от независимости и признать себя подданными британской короны. Впрочем, они сумели выговорить себе внутреннюю автономию.

Военные неудачи нанесли чувствительный удар военному, а вместе с тем и международно-политическому престижу Англии. Англо-бурская война началась в момент очередного обострения как англо-русских, так и англо-французских отношений. Во Франции антианглийская пропаганда после Фашоды достигла апогея: часть прессы уже провозглашала лозунги «Нил — за Рейн», «Пирамиды — за Страсбургский собор». Английское правительство опасалось, как бы Франция и Россия не воспользовались затруднениями, порождёнными для Англии бурской войной.

Чтобы парализовать возможность вмешательства держав континента в англо-бурские отношения, английское правительство продолжало переговоры о союзе с Германией. Надобно было во что бы то ни стало предотвратить возможность сговора обеих континентальных группировок. Без уверенности в благожелательном отношении Германии ни Россия, ни тем более Франция не решились бы на открытый конфликт с Англией.

Вильгельм и его правительство поняли, что Англия нуждается в германской дружбе. Они постарались не упустить благоприятного момента. Соглашение о разделе португальских колоний их не удовлетворяло; в сущности, оно заключало одни лишь посулы на будущее. Немцы захотели извлечь из затруднений Англии более осязательные колониальные выгоды.

Смуты, начавшиеся в 1898 г. на островах Самоа, дали германской дипломатии повод поставить вопрос о разделе этого архипелага. С 1889 г. над островами Самоа был установлен кондоминиум

трёх держав — Германии, Англии и США. Теперь германское правительство задумало получить архипелаг или хотя бы часть его в своё полное владение: оно рассчитывало создать там военно-морскую базу для своего флота в тихоокеанских водах. Английскому правительству очень не хотелось отдавать Германии Самоа. Немецкое предложение о разделе архипелага встретило оппозицию со стороны Австралии и Новой Зеландии. Английская дипломатия всячески старалась мобилизовать и США для противодействия германским планам.

Неожиданно германская дипломатия получила возможность использовать в своих целях закулисные связи одного из самых влиятельных капиталистов Англии.

Весной 1899 г. в Европу приехал Сесиль Роде, чтобы хлопотать об осуществлении проекта, с которым он носился уже несколько лет. Дело шло о сооружении железнодорожной и телеграфной линий от Капа до Каира. Фактически предстояло проложить рельсовый путь от Булавайо и Родезии до соединения с египетской железнодорожной сетью, ибо от Капа до Булавайо дорога уже была построена. Роде добивался от английского правительства государственной гарантии облигаций этой дороги. Однако, несмотря на все свои связи, такой гарантии он не получил. Постройка телеграфной линии была предприятием более простым, но и в этом деле имелись затруднения. Как и проектируемая железная дорога, линия телеграфа частично должна была пройти по иностранной территории — либо через Бельгийское Конго, либо через Германскую Восточную Африку. Роде поехал в Брюссель, однако ему не удалось договориться с королём Леопольдом.

Тогда германское правительство пригласило Родса в Берлин. Здесь он встретился с кайзером. Родсу было дано согласие на проведение телеграфа по немецкой территории; не отказывались немцы вести переговоры и о железной дороге, когда у Родса будет возможность начать это дело. Со своей стороны Роде обещал похлопотать в Лондоне насчёт уступки немцам Самоа. Роде выполнил своё обещание. Однако ему не удалось поколебать ни Чемберлена, ни Солсбери, хотя Германия и добилась согласия США.

Переговоры между Лондоном и Берлином приняли острый оборот. Немцы грозили то русско-германским, то франко-германским сближением. Англичанам стало известно, что Бюлов готов пойти на разрыв дипломатических сношений. Вильгельм демонстративно отказался от уже объявленного визита в Англию на лодочные гонки в Коус.

В конце концов, учитывая затруднения, связанные с бурской войной, Солсбери решил уступить. 14 ноября 1899 г. было подписано соглашение, по которому Германия получала два острова из архипелага Самоа; другие два острова этого архипелага были переданы США. Англия отказывалась от всяких претензий на Самоа; за это она приобретала острова Тонга, часть Соломоновых островов и небольшую спорную территорию на границе англо-германских владений в Того, в Африке.

Конфликт из-за Самоа привёл в крайнее раздражение обе стороны. В Германии и правительство и пресса были разъярены нежеланием англичан хотя бы немного поступиться своей колониальной монополией. В Англии были возмущены настойчивостью германских покушений на эту монополию. «Германская политика — открытый шантаж», — писал Чемберлен Солсбери в сентябре 1899 г.

Так или иначе, очередной конфликт был улажен. В ноябре 1899 г. Вильгельм в сопровождении Бюлова, наконец, прибыл в Виндзор; на состязания в Коусе кайзер уже опоздал.

Чемберлен снова заговорил с немцами о союзе. В обмен на военный союз против России, который принудил бы её приостановить экспансию на Дальнем Востоке, Чемберлен предлагал Германии часть Марокко и поддержку в деле постройки Багдадской дороги. Как и в 1898 г., кайзер и Бюлов ответили, что не могут ссориться с Россией. Со своей стороны они предложили расширить соглашения по колониальным проблемам, начало чему было положено договорами о португальских владениях и об островах Самоа. Из переговоров о союзе, таким образом, снова ничего не вышло.

Как бы то ни было, Германия оставалась нейтральной в течение англо-бурской войны. Но германская дипломатия, следуя своей политике поджигательства, подстрекала другие державы выступить против Англии. Эти внушения дали свои плоды.

Уже в конце февраля 1900 г. русский министр иностранных дел Муравьёв зондировал французское правительство насчёт возможности совместного выступления против Англии. Делькассе соглашался, но при условии, что Россия при этом договорится с Германией. Без уверенности в безопасности своей восточной границы Франция не решалась вступить в конфликт с «владычицей морей». Впрочем, своё согласие Делькассе давал неохотно: он пошёл на предложение Муравьёва лишь для того, чтобы не ослабить франко-русского союза. Как бы то ни было, в Англии поползли тревожные слухи о возможности французского вторжения на Британские острова.

После переговоров с Делькассе Муравьёв обратился в Берлин. Здесь ему ответили, что в антианглийской коалиции Германия может принять участие лишь в том случае, если Франция, Германия и Россия взаимно гарантируют друг другу свои владения, иначе говоря, если Франция

откажется от притязаний на Эльзас и Лотарингию. Муравьев возразил, что французское правительство, сделав такой шаг, не продержится на своём посту и одних суток.

Германская дипломатия поспешила извлечь свой барыш из переговоров с Муравьевым. Вильгельм II решил использовать этот случай, дабы ещё более осложнить англо-русские отношения. Он принялся хвалиться перед англичанами, будто не кто другой, как он, спас Англию от образования враждебной коалиции. Кайзер сообщил королеве и принцу Уэльскому о предложении Муравьева. Но и русская дипломатия не дремала: она в свою очередь уведомила англичан, что сами немцы предлагали России вмешательство в пользу буров, но что Россия от этого уклонилась.

Вмешательство европейских держав в англо-бурскую войну не состоялось. Эльзас-Лотарингия перешла все колониальные проблемы: континентальный блок оказался неосуществимым.

Однако соперники Англии всё-таки сумели извлечь свою пользу из затруднительного положения британского империализма. Царское правительство добилось новых успехов в Средней Азии. 6 февраля 1900 г. русское правительство уведомило английский кабинет, что потребности торговли и территориальное соседство с Афганистаном не позволяют России далее воздерживаться от прямых политических сношений с этой страной. Предварительно на афганской границе были сконцентрированы русские войска. Англо-индийская армия была ослаблена отправкой многих частей в Южную Африку. Обстановка была такова, что Англии пришлось проглотить пилюлю. Вскоре, опираясь на Россию, новый эмир, Хабибула, вступивший на престол в 1901 г., демонстративно отказался от британской субсидии. В Персии, где также шла англо-русская борьба за влияние, русская дипломатия тоже достигла значительного успеха. В январе 1900 г. Россия предоставила Персии заём, обеспечением которого явились таможенные сборы северной части страны.

Смотреть карты

Договор о Панамском канале.

По мере обострения отношений с Германией, при одновременно развёртывавшейся борьбе с Россией за Дальний Восток, британское правительство, естественно, искало сближения с США. Что Англия избегает всякой ссоры с США, стало ясно, когда у Англии возник конфликт с Венецуэлой. Дело шло о разграничении между этой южноамериканской республикой и Британской Гвианой. США в 1895 г. довольно грубо вмешались в этот спор: американцы заявили, что не допустят удовлетворения английских претензий, ибо они противоречат доктрине Монро. Англия благоразумно уступила. В испано-американской войне Англия соблюдала по отношению к Америке благожелательный нейтралитет. Зато во время бурской войны и США в свою очередь заняли такую же позицию в отношении Англии. На Дальнем Востоке США и Англия в полном согласии действовали против России. Таким образом, последние годы прошлого века ознаменованы были установлением англо-американской дружбы. Однако это не помешало американской дипломатии использовать стеснённое положение, в которое поставили Англию её враждебное отношение к России и борьба в Южной Африке: США постарались обеспечить себе контроль над Панамским каналом.

Вопрос о прорытии канала между Атлантическим и Тихим океанами обсуждался уже несколько десятилетий. В 1850 г. Англия заставила США подписать так называемый договор Клейтон-Бульвера о нейтрализации будущего канала и о свободе плавания по нему. Англия и США обязывались совместно охранять нейтралитет и безопасность канала и приглашали все остальные державы присоединиться к ним в осуществлении этой задачи. Все эти дипломатические и юридические формулы на деле означали устранение США от единоличного контроля над будущим каналом. В 1898 г. Англия согласилась начать переговоры о пересмотре договора 1850 г.

Новый договор о режиме Панамского канала был подписан 18 ноября 1901 г. государственным секретарём Хэем и английским послом в Вашингтоне Паунсфотом. Этот договор устанавливал, что канал будут строить США — либо само правительство, либо через какую-нибудь частную компанию, по усмотрению правительства США. Далее договор подтверждал принцип нейтрализации канала, установленный договором Клейтон-Бульвера. Канал объявлялся свободным для плавания всех военных и торговых судов всех наций на условиях полного равенства. Однако гарантия «нейтралитета» и свободы навигации по каналу обеспечивалась теперь только США. США могли содержать в зоне канала вооружённую охрану.

В 1902 г. правительство США выкупило у французской компании её концессионные права на сооружение канала. В январе 1903 г. был подписан договор между США и Колумбией об уступке США в аренду на 99 лет на Панамском перешейке территории в 6 миль шириной, от одного океана до другого, для сооружения канала. Однако колумбийский конгресс отклонил этот договор. Тогда в ноябре 1903 г. американские агенты создали на перешейке правительство Панамской республики, которое провозгласило независимость Панамы и отложилось от Колумбии. США немедленно

признали новое государство и одновременно оккупировали его своими войсками. Начались работы по прорытию канала. Закончились они только в 1914 г.

Смотреть карты

Германская военно-морская программа.

Уже к концу XIX века становилось очевидно, что невзирая на переговоры о союзе, основная борьба за передел мира развернется между Германией и Англией. Готовясь к этой борьбе, германский империализм в 1898 г. приступил к сооружению военно-морского флота. В разгар бурской войны в Берлине решили, что момент благоприятен и что можно бросить уже настоящий вызов Англии в борьбе за морское первенство. В июне 1900 г. германское правительство провело через Рейхстаг новый закон о флоте, который предусматривал увеличение состава флота и объёма судостроительной программы. По этому закону к 1915 г. состав германского флота должен был быть доведён до 34 линейных кораблей, 11 тяжёлых и 34 лёгких крейсеров и около 100 миноносцев, не считая резервной эскадры из 4 броненосцев, 3 тяжёлых и 4 лёгких крейсеров. Программа 1900 г. была уже серьёзным покушением на английское морское первенство. Германский империализм, строя флот, явно готовился к борьбе с Англией за коренной передел мира.

Характерен предлог, который избрало правительство кайзера для того, чтобы внести в Рейхстаг проект нового закона о флоте. Английские крейсера задержали немецкие торговые суда по подозрению в провозе военной контрабанды в Южную Африку. По этому поводу в германской печати началась антибританская кампания; поднялись жалобы на «беззащитность» немецкой морской торговли; вывод гласил: нужно усилить германский военный флот. Вокруг постройки флота была поднята величайшая шумиха. Таким образом, закон о флоте был проведён прямо против Англии, под аккомпанемент резкой антианглийской кампании.

Смотреть карты

Гаагская конференция 1899 г.

Одновременно с постройкой флота Германия безостановочно увеличивала и свои вооружения на суше. Конец 90-х годов ознаменовался новым этапом в развитии военной техники и в гонке вооружений. Почин исходил от Германии, которая ввела в 1896 г. скорострельную полевую пушку. Германская полевая 77-миллиметровая пушка образца 1896 г. делала 6 — 10 выстрелов в минуту, в то время как до того число выстрелов равнялось 1 — 2. За Германией последовала Франция, введя известную 75-миллиметровую пушку образца 1897 г. Но в России и в Австро-Венгрии перевооружение артиллерии наталкивалось на недостаток денежных средств.

Финансовая нужда навела русское правительство на мысль выступить с проектом созыва первой международной конференции по ограничению вооружений. Это и было сделано в августе

1898 г. Русская дипломатия при этом преследовала и другую цель — сплотить континентальные державы против Англии, обеспечив им возможность затратить на флот часть средств, сохранённых в результате ограничения вооружений на суше.

Конференция собралась в Гааге и заседала с мая по июль 1899 г. Она, однако, заранее была обречена на неудачу из-за отрицательного отношения к ней большинства держав. Особенно резко выступила против неё Германия. Но и Франция была недовольна инициативой своей союзницы. Конференция ровно ничего не сделала в смысле разоружения или ограничения новых вооружений. Она ограничилась разработкой некоторых международных правил ведения войны: запрещенно применять разрывные пули и отравляющие вещества, режима содержания раненых и пленных и т. д. Много споров вызвал проект принудительного международного арбитража. Вопросы, связанные с государственным достоинством и с «жизненными интересами» того или иного государства, решительно и единогласно исключались из арбитража, но англичане предлагали сделать его обязательным для менее важных проблем. Однако по настоянию Германии принудительный арбитраж был полностью отвергнут. Германский делегат откровенно объяснял в кулуарах, что арбитражная процедура может нанести Германии ущерб. Германия лучше всех подготовлена в военном отношении. У неё мобилизация и сосредоточение армии займут каких-нибудь 14 дней или немногим больше. Противники могут использовать арбитражную процедуру, чтобы выиграть время для военных приготовлений; так будут сведены на нет те преимущества, которые обеспечиваются Германии совершенством её железнодорожной сети и мобилизационной системы. Германский империализм продемонстрировал в Гааге свою особую агрессивность; в деле саботажа мер по ограничению вооружений он бесспорно взял первый приз.

Смотреть карты

Народное восстание в Китае («боксёрское восстание»).

Пока шла война в Южной Африке и резонанс её слышался то в Персии, то в Афганистане, то в Марокко, и даже в Панаме и на островах Самоа, события на Дальнем Востоке развивались своим чередом. Закабаление и раздел Китая вызвали в стране мощное антиимпериалистическое народное движение. В 1898—1899 гг. произошёл ряд местных вспышек. Начавшись в Шаньдуне, движение перекинулось на Чжили, Шанси и Манчжурию. В мае 1900 г. оно вылилось в большое народное восстание, известное под названием боксёрского. В июне боксёры дошли до Пекина. 20 июня на улице Пекина был убит германский посланник Кеттелер. Вслед за тем боксёры подвергли осаде дипломатические миссии. Тогда в Тяньцзине был сформирован двухтысячный сводный отряд, составленный из моряков стоявших там иностранных военных судов. Однако его попытка пробиться к Пекину потерпела неудачу. Зато военные корабли подвергли бомбардировке форты Дагу. 17 июня форты были заняты десантом.

В целях освобождения осаждённых миссий готовилась интервенция заинтересованных империалистических держав. Главным мотивом выступления была их боязнь потерять свои привилегии в Китае.

Но какими силами подавить восстание? Сговориться на этот счёт оказалось не легко.

За переговорами скрывалась старая борьба за влияние в Китае. Ясно было, что кто «освободит» пекинский посольский квартал, тот и станет хозяином столицы. Английская дипломатия предлагала поручить подавление боксёров японцам: она рассчитывала образовать из них в Пекине заслон против России. Японии весьма улыбался этот план: ей хотелось утвердиться в Пекине с санкции других держав. Россия смотрела на японскую интервенцию резко отрицательно. В конце июня с помощью Германии ей удалось сорвать английское предложение.

После этого договорились на том, что все великие державы пошлют в Пекин свои контингенты. На пост главнокомандующего международной карательной экспедицией Вильгельм II предложил германского фельдмаршала Вальдерзее. Россия приняла это предложение: она предпочитала германское командование и японскому и английскому. На русское же командование никогда не согласились бы ни Англия, ни Япония. К России нехотя присоединилась и Франция. После этого и другим державам пришлось принять кандидатуру Вальдерзее. Кайзер был весьма польщён, что международным корпусом будет командовать его генерал. 27 июля, обращаясь к отправляющимся в Китай войскам, он публично призывал их учинить в Китае такую расправу, чтобы китайцы столь же твёрдо запомнили германское имя, как в своё время народы Европы сохранили в памяти имя гуннов и их вождя Аттилы.

Впрочем, когда германский фельдмаршал прибыл на театр военных действий, борьба с восстанием в основном уже была закончена. Ещё до его прибытия из Тяньцзина на Пекин отправился международный экспедиционный корпус под предводительством русского генерала Линевича. Линевич разбил китайцев и 14 августа освободил миссии. Восстание было подавлено. Китайское правительство покинуло Пекин и бежало в Сианьфу. Когда прибыл Вальдерзее, ему пришлось ограничить свою деятельность карательными экспедициями против мирных городов и деревень. Иностранные офицеры подвергли варварскому грабежу пекинские дворцы; японцы перещеголяли всех, вывезя со своей добычей и китайский государственный серебряный фонд.

Русское правительство лишь с неохотой согласилось на интервенцию в Пекине. Оно опасалось, что появление иностранных войск усилит иноземное влияние в китайской столице. Но в Манчжурии позиция России была иной. В июле боксёры совершили нападения на русские железные дороги, и после этого царское правительство ввело в Манчжурию свои войска. К середине октября вся Манчжурия была оккупирована русскими.

Пекин, Тяньцзин и другие пункты провинции Чжили оказались оккупированными международным экспедиционным корпусом. Пребывание там иностранных вооружённых сил беспокоило царское правительство. 25 августа 1900 г. новый министр иностранных дел Ламздорф циркулярно уведомил державы, что русские войска теперь же отзываются из Пекина и что они покинут и Манчжурию, как только там будет восстановлен порядок. Вместе с тем русское правительство демонстративно заявляло, что не считает себя находящимся в состоянии войны с Китаем, ибо его правительство вынуждено было выступить против иностранцев только под давлением «мятежников». Самым эффективным в циркуляре было, однако, нечто другое. Ламздорф предлагал ввиду освобождения посольств без промедления увести все иностранные войска из Пекина. Тогда китайское правительство сможет вернуться в свою столицу и само восстановит окончательный порядок. Державы отвергли это предложение, и из Пекина ушли одни только русские войска. Царское правительство явно рассчитывало на сепаратный сговор с правительством богдыхана, чтобы помочь ему отделаться от оккупантов и тем приобрести

руководящее влияние в Пекине. Главными сторонниками этой политики русско-китайского сближения в Петербурге были Витте и Ламздорф.

По просьбе китайского правительства начались мирные переговоры между Китаем и державами. Они закончились 7 сентября следующего, 1901 года подписанием заключительного протокола. Этот акт возложил на Китай контрибуцию в 450 миллионов таэлей. Вместе с процентами это составляло около 1,5 миллиарда рублей. Тяжесть этого обязательства усугублялась тем, что китайские финансы за шесть лет до того, после войны 1894 — 1895 гг., уже были истощены уплатой контрибуции Японии. Протокол этим не исчерпывался. Китай подвергся тяжёлым унижениям. Китайское правительство должно было казнить участников восстания, включая и высших сановников, воздвигнуть «искупительные памятники» пострадавшим иностранным дипломатам и т. д.

«Цзай И, князь Дуань, и Цзай Лань, герцог Фу Го, — гласил протокол, — были преданы уголовному суду, чтобы быть казнёнными в осеннюю сессию, и было постановлено, что, если император сочтёт возможным даровать им жизнь, они будут сосланы в Туркестан и будут осуждены на бессрочное заключение без какого-либо смягчения.

Цзай Сюнь, князь Чжуан, Ин Нянь, председатель палаты цензоров, и Чжао Шу-цяо, председатель Министерства юстиции, приговорены к лишению себя жизни.

Юй Сянь, губернатор Шанси, Цзи Сю, председатель палаты церемоний, и Сю Чжен, бывший перед тем товарищем министра уголовных дел, были осуждены на смертную казнь». Протокол содержал длинный перечень подобных репрессий. Чтобы оценить всю их тяжесть, нужно учесть, что, например, князь Дуань был одной из влиятельнейших особ китайского двора. Согласно статье 7, квартал, занимаемый иностранными миссиями в Пекине, предназначался для одних иностранцев и был поставлен под охрану иностранной специальной полиции; селиться в этом квартале китайцы не имели права. В Китай в течение двух лет воспрещался ввоз оружия. Форты Дагу подлежали скрытию. Россия приняла участие в мирных переговорах и подписала заключительный протокол. Однако русские войска не участвовали в карательных экспедициях германского фельдмаршала. С августа 1900 г. германское правительство начало переговоры с Англией о совместной англо-германской гарантии территориальной целостности Китая и неизблемости принципа «открытых дверей» для торговли всех наций. За этими дипломатическими формулами скрывалось на деле нечто иное. Германия подозревала Англию в намерении захватить Шанхай и вообще закрепить своё полумонопольное положение в бассейне Ян-Цзы. Поэтому она и спешила связать соперника обещанием соблюдать территориальную неприкосновенность Китая и не нарушать принципа «открытых дверей». Со своей стороны англичане, вступая в эти переговоры, хотели втянуть немцев в борьбу против русских в Манчжурии. Как только немцы это поняли, они отказались распространить свою гарантию на Манчжурию. Солсбери был вынужден уступить. Он принял предложение Германии заключить соглашение о «совместной» охране территориальной неприкосновенности Китая, свободы торговли и принципа «открытых дверей» лишь в тех областях Китая, «на которые распространяется влияние обеих держав». Иными словами, Манчжурия оказалась изъятой из сферы действия соглашения, подписанного 16 октября 1900 г. Таким образом, новая попытка Англии подстрекнуть Германию на выступление против России опять не увенчалась успехом. Германское правительство на это не шло: оно само усердно работало над тем, чтобы вынудить Англию и Японию ввязаться в борьбу против России.

Смотреть карты

Вопрос об эвакуации Манчжурии.

Продолжая курс на сделку с пекинским правительством, царская дипломатия завязала с ним переговоры. В обмен на эвакуацию Манчжурии она стремилась добиться там для России исключительно привилегированного положения, распространив его при этом заодно и на весь застенный Китай.

9 ноября 1900 г. русское правительство через «главного начальника» Квантунской области адмирала Алексеева заключило «местное соглашение» с цзянь-цзюнем (генерал-губернатором) Мукденской провинции Цзеном. Соглашение это ставило генерал-губернатора под русский протекторат. Вслед за тем в Петербурге был выработан проект общего соглашения с центральным китайским правительством относительно Манчжурии. Проект предусматривал восстановление там власти китайского правительства. Но это обставлялось целым рядом таких условий, которые упрочивали русское влияние в манчжурских провинциях Китая. Соглашение предусматривало временное оставление в Манчжурии русских войск под предлогом охраны КВЖД; вывод из Манчжурии всех китайских войск предельно до завершения постройки КВЖД; после этого численность китайских войск предстояло определить особым соглашением. Китайское правительство обязывалось смещать цзянь-цзюней всех трёх манчжурских провинций по требованию русского правительства. Далее, предусматривалась концессия на железную дорогу от одного из пунктов

КВЖД или ЮМЖД до Китайской стены, с направлением на Пекин. Наконец, проект содержал обязательство китайского правительства никому не выдавать концессий во всём застенном Китае без согласия России. Однако Ли Хун-чжан не решался подписать подобный договор. Тем временем, в январе 1901 г., через посредство самих же китайцев, которые рассчитывали вызвать таким путём иностранное вмешательство, в «Times» было опубликовано соглашение Алексеева с мукденским цзянь-цзюнем.

Тогда же, в январе 1901 г., английская дипломатия сделала новую попытку побудить немцев заключить союз против России. Предложение на этот раз сопровождалось угрозой, что в случае отказа Англия сумеет договориться не только с самой Россией, но и с Францией.

Германская дипломатия выдвинула свои встречные предложения. Немцы приглашали Англию присоединиться к договору о Тройственном союзе; при этом они рекомендовали предварительно договориться с Веней. Смысл этого проекта был ясен. Британское правительство предлагало союз между Германией и Англией. Этот договор обязал бы Германию участвовать против России в войне, которая легко могла быть вызвана Англией из-за любого англо-русского конфликта. Между тем самой Германии в конфликт с Россией легче всего было втянуться из-за своего союза с Австрией. Теперь германская дипломатия и предлагала Англии такую форму договора, которая не позволила бы англичанам ускользнуть от участия в борьбе против России, если эта борьба возникнет на почве австро-русско-германского, а не англо-русского конфликта. Англия не пожелала взять на себя столь стеснительные обязательства и отклонила германский проект.

Между тем Россия продолжала добиваться от Китая соглашения по вопросу о Манчжурии и остальном застенном Китае. Ввиду этого в феврале 1901 г. в Пекине последовал совместный протест Японии, Англии, США против договора, закрепляющего русское влияние в Манчжурии.

Япония приступила к подготовке войны с Россией сразу же после пересмотра Симоносекского мира. Она стремилась захватить Корею и Манчжурию. Японская военщина считала, что ей выгодно начать войну возможно скорее, пока ещё не окончена Сибирская железная дорога. Японию сдерживала лишь её финансовая слабость да опасение, как бы Россию не поддержали Германия или Франция, как это уже случилось в 1895 г. Чтобы обеспечить Японию от вмешательства третьих держав в русско-японскую войну, японское правительство начало в Лондоне переговоры об англо-японском союзе. Но Англия не была уверена в силе и возможностях Японии и боялась, как бы договор с неполноценным союзником не втянул Англию в войну при неблагоприятной обстановке.

Зато германская дипломатия всячески покровительствовала проекту англо-японского союза. Ей очень улыбалась мысль втянуть Японию в войну с Россией. Вот почему она дала Японии устное заверение, что в случае русско-японской войны Германия будет соблюдать по отношению к Японии благожелательный нейтралитет.

Со времени японо-китайской войны германская дипломатия неустанно подстрекала Россию к агрессии на Дальнем Востоке. Одной из форм воздействия на Россию была личная переписка кайзера с царём. Вильгельм не давал покоя Николаю. Он убеждал его выполнить историческую роль заступника Европы от «желтолицых», поносил японцев и обещал, что обеспечит ему тыл по европейской границе. А теперь с цинизмом, редкостным в летописях дипломатии, немцы обещали свою благожелательность также и самим носителям «жёлтой опасности».

Так разжигали войну германский кайзер и его советники. Война на Дальнем Востоке, сковав силы России на её далёкой окраине, должна была обеспечить Германии свободу действий против Франции.

Японское правительство всё более смелело. В марте 1901 г. оно перешло к прямым угрозам. Царская Россия решила уступить. Китаю был предложен смягчённый проект договора. В нём отсутствовали статьи о недопущении китайских войск в Манчжурию, а также о русских притязаниях на другие области застенного Китая. Однако под влиянием Англии, Японии и США Китай отверг и эти предложения.

Переговоры прекратились, но русские войска оставались в Манчжурии.

Смотреть карты

Миссия Ито.

В июне 1901 г. в Японии пал сравнительно умеренный кабинет Ито; к власти пришли крайние милитаристы в лице кабинета Кацуры. Тем же летом японское правительство возобновило переговоры с Англией о союзе. Вновь убедившись в нерешительности своих английских друзей, японское правительство осенью предприняло обходный дипломатический маневр. Оно послало в Петербург бывшего премьера маркиза Ито, известного противника войны с Россией; ему было поручено начать там переговоры о русско-японском соглашении. Японский дипломат Исии сообщает в своих «Дипломатических комментариях», что «русские деятели и сам царь устроили маркизу Ито более чем королевский приём. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли

чрезвычайно благожелательную позицию». Маркизу Ито было заявлено, повествует Исии, что главный интерес России в Корее заключается в свободе плавания по Цусимскому проливу. Добавлено было, что, если это условие будет принято, Россия «без колебаний признает высшие политические и коммерческие интересы Японии в Корее». Правда, признавая за Японией «право» вводить в Корею свои войска, русское правительство требовало, чтобы численность этих войск и сроки их пребывания в Корее были ограничены и «чтобы Корея не использовалась для стратегических целей». Кроме того, эти войска не могли преступать определённую зону у русско-корейской границы. В обмен требовалось признание русского преобладания в Манчжурии и в других областях Китая, примыкающих к русской границе. Точнее говоря, русские настаивали, чтобы японцы отказались от всякого вмешательства в эти вопросы, всецело предоставив их урегулирование России и Китаю. Русское правительство соблазняло японцев, что в случае их согласия на изложенные условия оно устроит им заём в Париже. Ито советовал своему правительству заключить соглашение с Россией. Но лидеры военщины Ямагата и Кацура, начиная переговоры с Петербургом, вовсе не стремились довести их до конца. Миссия маркиза Ито была для них только средством нажима на Англию: страх перед русско-японской сделкой должен был побудить Англию побороть последние колебания и заключить союз с Японией для войны против России.

Смотреть карты

Англо-японский договор.

Маневр японской военной партии увенчался успехом: 30 января 1902 г. Англия и Япония подписали союзный договор. В первой его статье обе стороны признавали друг за другом право на вмешательство во внутренние дела Китая и Кореи ради защиты своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее». Статья 2 обязывала каждую из сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя и более державами договор (согласно статье 3) обязывал другую договаривающуюся сторону оказать ему военную помощь. Англо-японский союзный договор был крупной победой японской дипломатии. Он давал Японии возможность начать борьбу с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России вооружённой поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. Вместе с тем Японии обеспечивалась и финансовая помощь Англии.

Русская дипломатия немедленно обратилась к Франции с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. Франция не одобряла отвращения сил России на Дальний Восток. Всё же она согласилась на то, чтобы 20 марта 1902 г. оба союзных правительства опубликовали общую декларацию. Она гласила: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае, оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов». Декларация эта имела малообязывающий характер.

Франция не оказала своей союзнице существенной помощи на Дальнем Востоке.

Летом 1901 г. царское правительство возобновило с Китаем переговоры по манчжурскому вопросу, постепенно отказываясь от своих первоначальных притязаний. 8 апреля 1902 г. было подписано русско-китайское соглашение, по которому Россия обязывалась эвакуировать Манчжурию в три приёма в течение 18 месяцев. Единственное, на чём царская дипломатия сумела настоять, заключалось в оговорке, что эвакуация может быть приостановлена смутами в Манчжурии или же такими действиями иностранных держав, которые не позволят России вывести свои войска.

В конце лета 1902 г. японское правительство, как бы в продолжение миссии Ито, предложило русскому нижеследующее соглашение: Россия признаёт японский протекторат над Кореей. В обмен Япония признаёт за Россией в Манчжурии всего лишь свободу действий в смысле охраны там русских железных дорог. Это предложение в Петербурге сочли неудовлетворительным.

Как раз в это время на Николая II стала оказывать большое влияние безответственная придворная группа во главе с Безобразовым. Группа эта убеждала Николая не уходить из Манчжурии вопреки заключённому с Китаем соглашению; более того, не довольствуясь Манчжурией, царя подстрекали проникнуть и в Корею, в которой с 1898 г. Россия фактически терпела преобладающее влияние Японии. Безобразовская клика приобрела в Корее частную лесную концессию. Территория концессии захватывала бассейны двух рек: Ялу и Тумыни и тянулась на 800 километров вдоль китайско-корейской и русско-корейской границ от Корейского залива до Японского моря. Короче, она занимала всю пограничную зону. Формально концессия была приобретена частным акционерным обществом. Фактически за ним стояло царское правительство, которое под видом лесной стражи вводило на концессию войска. Стараясь

проникнуть в Корею, оно медлило с эвакуацией Манчжурии, хотя сроки, установленные договором 8 апреля 1902 г., уже миновали. Между тем военная подготовка царского правительства на Дальнем Востоке значительно отставала от его политических замыслов.

Смотреть карты

Попытка англо-русского сближения.

С заключением англо-японского союза Англия, наконец, нашла, чьими руками ей бить своего русского соперника. Вскоре после этого, 31 мая 1902 г., Англия заключила мир с Трансваалем.

Заключение союза с Японией и подписание мира с бурами освободили английский империализм от затруднений, которые связывали его с середины 90-х годов. Для Англии отпала необходимость во что бы то ни стало ладить со своим опаснейшим противником — Германией. В то же время вторая германская морская программа открыла многим англичанам глаза на то, что именно Германия представляет самую серьезную угрозу для Англии. Переговоры об англо-германском союзе прекратились. Английский империализм готовился вступить в открытую борьбу с германским конкурентом. Перед лицом мощного врага Англия стала искать примирения с Россией и Францией. В 1901 г. умерла королева Виктория; на английский престол вступил Эдуард VII, который и раньше был известен как сторонник англо-русского сближения. Заручившись союзом с Японией, английская дипломатия сделала новую попытку договориться с Россией. Король Эдуард полагал, что заключение англо-японского союза напугало царское правительство. Он рассчитывал, что теперь Россия проявит больше уступчивости. Главный узел англо-русских противоречий заключался вовсе не в Манчжурии. Манчжурия интересовала Англию лишь потому, что она могла послужить трамплином, с которого России легко было броситься на китайскую столицу, а затем и на остальной Китай. При условии, что Россия дальше Манчжурии не пойдёт, Англия готова была даже признать «особые интересы» и «особое положение» России в этом крае, с оговоркой насчёт принципа «открытых дверей» для иностранной торговли. Английская дипломатия довела об этом до сведения Петербурга. В обмен она настойчиво домогалась отказа России от прямых дипломатических сношений с Афганистаном, установленных в 1901 г. Она желала также, чтобы Россия признала и Тибет находящимся вне сферы её влияния. Наконец, южную Персию она стремилась превратить в сферу влияния Англии. Все эти домогательства Англии сводились к тому, чтобы окружить индийскую границу поясом буферных территорий, подчинённых английскому контролю. Северную Персию Англия готова была признать сферой влияния России. Русское правительство не желало ни порывать с Афганистаном, ни отдавать англичанам часть Персии. Царское правительство сочло английские предложения неприемлемыми. Но оно готово было продолжать переговоры. И они велись в течение всего 1903 г. В начале следующего года они были прерваны внезапным нападением Японии на Россию.

Смотреть карты

Русско-японская война.

Англо-русские переговоры побудили Японию форсировать военную развязку русско-японских противоречий. В августе 1903 г. японское правительство возобновило переговоры с Россией. Помимо признания преобладающего влияния и фактического протектората Японии в Корее японцы требовали от России согласия на продолжение корейской железной дороги до соединения с китайской линией Нью-чуан, Шанхайгуань. Японцы явно обнаружили намерение проникнуть в Южную Манчжурию. В Петербурге на это не шли. Японский протекторат над Кореей там попрежнему готовы были признать — с оговорками относительно свободы плавания по Корейскому проливу, запрета вводить японские войска в пограничную с Россией и Манчжурией зону (севернее 39-й параллели) и т. д. Но за это требовали, чтобы Япония признала Манчжурию областью, находящейся «во всех отношениях вне сферы её интересов». В дальнейшем русская дипломатия всё время настаивала на том, что манчжурский вопрос касается исключительно России и Китая и что Япония вообще не должна вмешиваться в манчжурские дела. Японцы же требовали, чтобы объектом русско-японского соглашения стало положение России и Японии не только в Корее, но и в Манчжурии.

23 декабря японское правительство в лаконичных выражениях, по форме напоминающих ультиматум, сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить императорское российское правительство пересмотреть своё предложение в этом смысле». Русское правительство пошло на уступки. Но 13 января 1904 г. Япония ещё повысила свои требования. Чувствуя свою военную неподготовленность, царское правительство уже собиралось дать примирительный ответ, но промедлило с его формулировкой. Японцы не стали его дожидаться. 6 февраля они порвали

дипломатические отношения с Россией. 8 февраля без объявления войны Япония открыла военные действия неожиданным нападением на русский флот на рейдах Порт-Артур а и Чемульпо.

Так началась война между Россией и Японией за передел сфер влияния на Дальнем Востоке.

В русско-японской войне Англия и США поддерживали Японию. Союзница России Франция не оказала России существенной политической помощи. Зато России был гарантирован нейтралитет Германии, которая прикрывала русский тыл и была весьма довольна тем, что силы России частично скованы войной на Дальнем Востоке.

Россия была обеспечена и от неожиданностей на Балканах со стороны Австро-Венгрии. В дополнение к австро-русскому соглашению 1897 г. осенью 1903 г., при свидании Николая II с Францем-Иосифом в Мюрцштеге, была достигнута договорённость о совместной политике в Македонии, где происходили непрерывные волнения. Это соглашение должно было предотвратить столкновения обоих его участников на зыбкой почве Балканского полуострова. Россия вынуждена была избегать осложнений на Балканах, поскольку она была занята войной с Японией. Нуждалась в мире и Австро-Венгрия ввиду крайнего обострения национальной борьбы внутри страны, обозначившейся в конце 90-х годов XIX века.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ АНТАНТЫ (1904 - 1907 гг.)

Содержание

- **Англо-французская Антанта.**
- **Попытки заключения русско-германского союза в конце 1904 г.**
- **Марокканский кризис 1905 - 1906 гг.**
- **Свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке.**
- **Портсмутский мир.**
- **Алхесирасская конференция.**
- **Военное сотрудничество Англии и Франции.**
- **Англо-русское соглашение.**

Англо-французская Антанта.

После того как в 1902 г. Англия заключила союз с Японией и получила некоторую уверенность, что ее дальневосточные интересы отныне будут обеспечены японскими руками, после того, далее, как в том же 1902 г. Англия избавилась, наконец, от забот в Южной Африке — английская дипломатия не считала уже необходимым во что бы то ни стало ладить с Германией. Одним из первых симптомов этой перемены явился пересмотр позиции Англии по отношению к Багдадской железной дороге. До сих пор Англия не мешала этому предприятию. Более того, между банкирами велись переговоры об участии в нём английского капитала; это было для немцев весьма желательно, ибо с финансированием строительства дороги Дейче Банк испытывал немало затруднений. Но в апреле 1903 г. эти переговоры были прерваны. Британская пресса настойчиво развивала мысль, что дорога на Багдад является прямым путём, выводящим немцев на подступы к Индии. Английское правительство стало препятствовать осуществлению багдадского железнодорожного проекта.

Багдадская дорога была лишь частным вопросом во всей совокупности англо-германских противоречий. Между Англией и Германией шла борьба за коренной передел мира. Британская дипломатия уже вербовала себе союзников для надвигавшейся европейской войны.

Борьба с Германией толкала Англию на сближение с давней своей соперницей — Францией — и по возможности с Россией. Англия не желала уступать Германии своих колониальных владений. Посредством соглашения с Францией и Россией английская дипломатия рассчитывала лишить Германию возможности играть на англо-русских и англо-французских противоречиях и вымогать у Англии те или иные уступки.

Разразившаяся в 1904 г. русско-японская война ускорила перегруппировку империалистических держав вокруг двух противоположных центров — Англии и Германии.

Статс-секретарь иностранных дел Ленсдаун, сменивший на этом посту Солсбери, полагал, что соглашение с Францией прочнее обеспечит её нейтралитет в русско-японской войне. А это было важно, ибо выступление какой-либо державы на стороне России, по условиям англо-японского союза, вынуждало воевать и Англию.

Убеждённым поборником англо-французского и англо-русского сближения выступал и король Эдуард VII. К уверенности, что этого сближения требуют интересы Англии, у Эдуарда присоединялась личная неприязнь к Вильгельму II. Эдуард VII давно усматривал в Германии главного врага Англии. Германия страшила Эдуарда своей мощью; она раздражала его беспокойной назойливостью, вымогательством колониальных уступок. Бюлов пишет в своих мемуарах, что «могучее развитие германской промышленности, торговли и флота возбуждало в короле те же самые чувства, которые испытывает владелец большой старинной банковской фирмы, когда перед ним вырастает молодой, менее родовитый, несимпатичный ему и очень деятельный конкурент»).

Английская конституция оставляет не много места для вмешательства монарха в руководство политикой. Тем не менее Эдуард VII сыграл заметную роль в деле примирения Англии с её старыми соперниками. Любитель пошить, законодатель мод, король обладал и дипломатическими способностями, умением обходиться с людьми. Он пользовался особым расположением высшего света едва ли не во всех европейских странах. Это облегчало ему выполнение дипломатических задач. Весной 1903 г. Эдуард VII приехал в Париж. Он придавал своему визиту характер довольно эффектной демонстрации англо-французского сближения. Король много говорил в Париже о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы.

Для Франции вопрос об англо-французском сближении приобретал ещё большую остроту, чем для Англии. Франции нельзя было мешкать, ибо дальневосточная война отвлекала силы России от германской границы. Франция снова оказывалась наедине лицом к лицу со своим опаснейшим восточным соседом.

Правда, за последние годы французская дипломатия успешно развивала свою работу по отрыву Италии от Тройственного союза. Со второй половины 80-х годов Франция вела против Италии таможенную войну. Изматывая таким образом хилое народное хозяйство Италии, Франция рассчитывала принудить её к разрыву Тройственного союза. Французское правительство и банки действовали при этом рука об руку. Началось с того, что в интересах промышленной буржуазии Северной Италии итальянское правительство предприняло поход против ввоза французских фабрикатов. Французское правительство ответило контрмерами против итальянского сельскохозяйственного экспорта во Францию. В результате между Францией и Италией началась таможенная война. Одновременно французские банки предприняли поход против итальянских ценных бумаг; в Италии последовали массовые банкротства. И без того слабые государственные финансы Италии были ещё более подорваны. До конца 90-х годов германский капитал имел некоторую возможность поддерживать итальянские финансы. Тем не менее французский нажим чувствовался всё сильнее. В результате уже в начале 90-х годов Италия стала делать попытки сблизиться с Францией; этим она явно шантажировала Германию, вымогая у неё экономическую поддержку и добавочные политические гарантии. В 1896 — 1898 гг. экономическая и финансовая нужда, а также катастрофа в Абиссинии заставили Италию предпринять более решительные шаги к примирению с Францией. Как уже было сказано, Италия признала французский протекторат над Тунисом. За это через два года она получила от Франции торговый договор, который положил конец таможенной войне. Кризис 1900 г. лишил германский капитал возможности оказать Италии финансовую поддержку. Зато дипломатия Делькассе воспользовалась этим моментом для воздействия на Италию. Французские кредиты спасли Италию от краха. Тут же Делькассе предложил итальянцам соглашение о разделе Северной Африки. Он готов был признать итальянские «права» на Триполи в обмен за согласие на захват Марокко Францией. Договор был подписан 15 декабря 1900 г.

1 ноября 1902 г. Франция заключила новое соглашение с Италией. Обе стороны обязывались соблюдать строгий нейтралитет, в случае если одна из них «прямо или косвенно станет объектом нападения со стороны одной или нескольких держав». Более того, соглашение устанавливало, что «строгий нейтралитет» распространяется и на тот случай, если одна из сторон «вследствие прямого вызова окажется вынужденной принять на себя инициативу объявления войны». При таких обстоятельствах та из договаривающихся сторон, которая станет жертвой провокации, должна была сообщить другой о своём намерении объявить войну, чтобы другая сторона могла судить, есть ли действительно налицо «прямой вызов».

Не противореча букве Тройственного союза, соглашение 1902 г. обесценивало его по существу. По условиям союзного договора Италия обещала Германии военную помощь, в случае если та «без прямого вызова» окажется жертвой нападения со стороны Франции. Теперь та же Италия обязывалась перед Францией соблюдать нейтралитет при наличии «прямого вызова» со стороны Германии. Право судить, кто кого провоцирует в любом франко-германском конфликте, Италия оставляла за собой.

Соглашение 1902 г. было важным достижением французской дипломатии в плане подготовки к войне с Германией. Понятно, однако, что нейтралитет плохой итальянской армии ни в какой мере не мог возместить Франции частичной утраты русской помощи.

Летом 1903 г. президент Французской республики Лубэ отдал визит королю Эдуарду VII. Его сопровождал Делькассе, главный поборник англо-французского сближения с французской стороны. Между Делькассе и главой Форейн офис лордом Ленсдауном начались деловые переговоры. После отъезда гостей переговоры продолжались между Ленсдауном и французским послом Полем Камбоном. Прежде всего требовалось устранить те острые колониальные разногласия, которые до тех пор разделяли Англию и Францию. Вот почему англо-французский договор принял форму соглашения о разделе колоний. «Делят Африку», — характеризовал Ленин англо-французскую сделку. Соглашение было подписано 8 апреля 1904 г. Договор Антанты представлял собой один из любопытнейших документов, когда-либо выходивших из рук дипломатии. В договоре было две части: одна — предназначавшаяся для опубликования, другая

— секретная. «Правительство Французской республики, — гласила статья 1 публичной декларации о Египте и Марокко, — объявляет, что оно не будет препятствовать действиям Англии в этой стране (т. е. в Египте), настаивая на том, чтобы положен был срок британской оккупации, или каким-либо иным образом». В обмен за Египет Англия предоставляла Франции возможность захватить большую часть Марокко. Статья 2 публичной декларации гласила: «Правительство Французской республики объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Марокко. Со своей стороны правительство его британского величества признаёт, что Франции принадлежит следить... за спокойствием в этой стране и оказывать ей помощь во всех потребных ей административных, экономических, финансовых и военных реформах... Оно объявляет, что не будет препятствовать действиям Франции в этом смысле».

В статьях секретного соглашения, в противоположность статье 1 публичной декларации, предусматривалась возможность изменения «политического положения» как Марокко, так и Египта. Здесь речь шла уже о том случае, если «одно из обоих правительств увидело бы себя вынужденным в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении Египта или Марокко». На этот случай каждая из договаривающихся сторон ограничивалась по секретному соглашению лишь ограждением своих коммерческих интересов в отношении пошлин, железнодорожных тарифов и т. д., а также обязательством не нарушать свободы судоходства по Суэцкому каналу и не укреплять Марокканского побережья вблизи Гибралтарского пролива.

Статья 3 секретного соглашения вполне ясно вскрывала истинный его смысл. Статья гласила, что область, «прилегающая к Мелилье, Цеуте и другим президам... в тот день, когда султан (Марокко) перестанет осуществлять над нею свою власть, должна войти в сферу влияния Испании». Очевидно, предусматривая переход Марокко под власть Франции, Англия такой оговоркой страховала себя от захвата французами южного побережья Гибралтарского пролива. Отдельная декларация устанавливала раздел Сиам на сферы влияния по реке Менам. Наконец, улаживался ещё ряд колониальных вопросов, сравнительно второстепенного характера.

Таким образом, по соглашению 8 апреля 1904 г. Англия и Франция делили едва ли не последние «свободные» колониальные территории. Тем самым, устраняя взаимные распри, они создавали себе возможность совместно действовать против Германии. В самом тексте договора ни единым звуком не упоминалось о сотрудничестве против немцев. Между тем именно оно и сообщало договору 8 апреля значение исторического документа первостепенной важности. «Готовятся к войне с Германией», — продолжает Ленин характеристику англо-французской сделки.

Смотреть карты

Попытки заключения русско-германского союза в конце 1904 г.

Не удивительно, что Германия была уязвлена англо-французским соглашением. Она не могла примириться с тем, что уплывает такой соблазнительный, ещё не поделённый кусок, как Марокко. Ещё больше тревожил её самый факт англо-французского сотрудничества. В нём она усматривала препятствие для своих захватнических планов.

После соглашения с Францией английское адмиралтейство стянуло в отечественные воды около 160 военных судов, разбросанных по многочисленным владениям Англии, но главным образом из Средиземного моря; там после соглашения с Францией английские коммуникации оказывались в относительной безопасности. Ещё в 1903 г. Англия начала постройку военно-морских баз на своём восточном побережье, обращенном в сторону Германии. Раньше главные базы английского флота находились на побережье Ламанша, против французских берегов. В английских военно-морских кругах зрела мысль, не лучше ли заблаговременно посредством неожиданного нападения пустить ко дну германский флот, как это когда-то было сделано с датским флотом на Копенгагенском рейде. Слухи об этих замыслах дошли и до немцев. 23 ноября 1904 г. Вильгельм писал Бюлову: «Я сегодня получил новое сообщение о всё более ухудшающемся настроении, о статьях, которые прямо призывают к нападению, а также о разговорах с дамами из морских кругов; они открыто заявляли, что нам вскоре должны объявить войну, так как наш флот пока ещё настолько мал, что его можно уничтожить без опасности для Англии, а через два года будет уже поздно». Никогда британское правительство не принимало подобного решения. Лишь адмирал Фишер и первый гражданский лорд адмиралтейства Ли держались того мнения, что внезапный удар по вражескому флоту был бы с военной точки зрения самым целесообразным способом действий. «Если возникнет война, — заявил Ли, — британский флот сумеет нанести первый и сокрушительный удар, прежде чем противная держава узнает, из газет, что война объявлена».

Сначала немцы внешне не реагировали на заключение Антанты. Но по мере того, как царская Россия терпела поражения в войне с Японией, германские империалисты стали смелеть. И вот, в ответ на англо-французскую Антанту германская дипломатия в лице Гольштейна задумала встречный дипломатический маневр. Она решилась на попытку заключить союз с Россией. Хотя и

поздно, но Бюлов и Гольштейн поняли, что их политика балансирования между Россией и Англией была ошибкой. Момент был для Германии благоприятен. Во время войны с Японией Россия, естественно, нуждалась в дружественных отношениях с Германией. Германское правительство не упустило такого случая, чтобы вытянуть у царизма максимум уступок. Первым средством оплаты немецкой «дружбы» стал торговый договор, который немцы навязали России в 1904 г. Они использовали стеснённое положение царского правительства, чтобы заставить его снизить пошлины на фабрикаты. Договор широко открывал путь в Россию для германских товаров и для германского капитала. Он способствовал росту немецкого Василия в народном хозяйстве России. Когда на Дальний Восток была отправлена из Балтики эскадра адмирала Рожественского, то германское правительство позволило своим судовладельцам снабжать русские суда в пути углём. Это ещё более увеличило зависимость России от Германии.

В конце октября 1904 г. неожиданный инцидент породил англо-русский конфликт. Адмирал Рожественский получил ложные агентурные сведения, что в Северном море его поджидают японские миноносцы. Опасаясь нападения, Рожественский обстрелял близ Доггер-Банка, неподалёку от Гулля, английские рыболовные суда, приняв их за японские эсминцы. Так возник гулльский инцидент. Не довольствуясь дипломатическим протестом, английское правительство приступило к некоторым подготовительным мероприятиям военного характера.

Германская дипломатия уже давно поджидала какого-либо подобного момента — как хищник подкарауливает добычу. Теперь ей показалось, что настало время для прыжка. Кайзер лично телеграфировал царю, сообщая, что Англия намерена помешать Германии снабжать углём русский военный флот; он предлагал совместно положить конец этим поползновениям и сообща принудить Францию присоединиться к России и Германии для солидарного отпора Англии. Царь и его правительство были напуганы возможностью военных осложнений с Англией. Николай по телеграфу ответил Вильгельму согласием и попросил прислать проект союзного договора. Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе». К этому чувствительному посланию прилагался проект союзного договора. «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, — гласил проект, — союзница её придёт к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя, согласно условиям договора франко-русского союза».

Николай II и Ламздорф предложили внести в проект некоторые поправки. Но вскоре в Петербурге возникло сомнение: не лучше ли предварительно показать проект договора французам? Об этом царь сообщил Вильгельму. Фактически это означало срыв переговоров: Германии как раз надо было поставить Францию перед совершившимся фактом русско-германского соглашения. «Дорогой Бюлов, — сообщил Вильгельм своему канцлеру, — при сем посылаю вам только что полученную от царя зашифрованную телеграмму, которую я расшифровал при помощи Куно и Гогенау. Его величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этот договор с нами не желает заключать без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись „царя-батюшки“. Ибо если до подписания договора сообщить Делькассе, то это равносильно тому, что он даст телеграмму Камбону и в тот же вечер её напечатают в „Times“ и „Figaro“, а тогда делу конец... Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он (т. е. царь) по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен».

Дело ограничилось тем, что по категорическому требованию немцев 12 декабря им была гарантирована вооружённая помощь России в случае, если у них возникнет конфликт с Англией специально из-за угольных поставок русскому флоту.

Почему царское правительство отказалось от союза с Германией? Союз с Германией означал разрыв союза с Францией и вовлекал Россию в фарватер германской политики. Это главное. Другой причиной отказа была финансовая зависимость русского царизма от французского капитала. В дни переговоров с Германией министр финансов Коковцев представил царю доклад. В нём исчислялось, что при использовании всех трёх доступных России денежных рынков — парижского берлинского и амстердамского — в течение 1905 г. удастся занять не более 500 миллионов рублей, которых хватит лишь на 8 месяцев войны. А между тем предвиделся ещё дефицит в 40 миллионов в обыкновенном бюджете. Из 500 миллионов, на получение которых, по исчислению Коковцева, могла рассчитывать Россия на германском рынке, уже было добыто всё, что возможно было оттуда выкачать. Там только что приступили к реализации займа в 231 миллион, которые поступали России мелкими долями в течение всего следующего, 1905 г. Остальные 270 миллионов германский капитал дать уже не мог; их можно было получить лишь в Париже. При таких условиях ссориться с французами не приходилось. В течение 1904 г. было уже немало фактов, свидетельствовавших, что на каждый симптом русско-германского сближения

Париж отвечает ударом по царским финансам. Когда русскому правительству пришлось заплатить Гер* мания за её нейтралитет торговым договором, французское правительство в порядке компенсации выговорило передачу русских военных заказов французским промышленникам, хотя их цены и были выше германских. В результате Россия переплачивала на шрапнели, лишь бы не терять доступа к парижскому денежному рынку. Зависимость царской России от французского капитала ярко иллюстрирует и другой эпизод. В марте 1905 г. в Петербург приехали Нецлин, Готтингер и другие французские банкиры. После долгой торговли они договорились с Коковцевым о займе в 300 миллионов рублей. Контракт был окончательно составлен 13 марта. Вечером Нецлин и Готтингер отобедали у Коковцева, и было условлено, что на следующий день в 11 часов утра они приедут к нему для подписания контракта. Но произошло нечто неслыханное: банкиры не явились! Они даже не сочли нужным принести лично извинения, а лишь прислали письмо, в котором сообщили, что ночью ими получено указание из Парижа воздержаться от подписания контракта.

Такими приёмами французский империализм пытался принудить Россию заключить мир с Японией. «Боясь революции, — писал Ленин, — капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией».

И действительно, после этой неудачи Коковцев представил царю записку о необходимости немедленного мира. Но затем оказалось, что в Берлине ещё можно раздобыть немного денег: банкирский дом Мендельсона из ростовщических процентов ссудил русскому правительству 150 миллионов рублей. Война продолжалась, а парижские банкиры изнывали от зависти, подсчитывая, какой барыш сорвал с русских Мендельсон.

Как бы то ни было, Германии не удалось заключить союз с Россией. Таким образом, эта первая попытка германской дипломатии парировать англо-французское соглашение сорвалась. Но Гольштейн и Бюлов не сложили оружия. Используя ослабление России, они решили нанести удар Франции, чтобы показать ей, как рискованно сблизиться с Англией и как опасно итти против Германии.

Смотреть карты

Марокканский кризис 1905 — 1906 гг.

Между тем в феврале 1905 г. французская дипломатия приступила к реализации своей сделки с Англией. Марокканскому султану был предъявлен проект «реформ», принятие которого означало бы «тунификацию» Марокко, т. е. французский протекторат над ним по образцу Туниса. Германская дипломатия решила испортить англо-французскую игру и при этом так запугать Францию, чтобы отвадить её от всякой антигерманской или просто Германии неугодной политики.

Германская дипломатия начала с того, что принялась подстрекать султана отвергнуть французские домогательства.

Вслед за тем по настоянию Бюлова Вильгельм II под предлогом обычного путешествия отправился на своей яхте в Средиземное море: всем было известно, что император — большой любитель морских прогулок. В марте 1905 г. кайзер: высадился на берег в Танжере. Согласно принятым обычаям, ему была организована торжественная встреча. Марокканский султан послал в Танжер своего дядю, чтобы приветствовать германского императора, посетившего марокканскую землю. Отвечая на приветствия, кайзер выступил с речью, которая немедленно облетела всю мировую печать. Вильгельм провозгласил, что Германия требует в Марокко свободной торговли и равенства своих прав с другими державами. Он добавил, что желает иметь дело с султаном, как с независимым государем, и что со стороны Франции ожидает уважения этих пожеланий.

Речь кайзера означала, что Германия обращается к Англии и в особенности к Франции с требованием отказаться от своей сделки насчёт Марокко. Так все и поняли выступление Вильгельма. Это был дерзкий вызов, публично брошенный в лицо Франции.

Вслед за тем Бюлов обратился ко всем участникам Мадридского договора 1880 г., предлагая поставить вопрос о Марокко на обсуждение конференции. Мадридский договор устанавливал равенство торговых и иных прав всех иностранных держав в Марокко. Предложенная Бюловым конференция должна была вновь урегулировать положение Марокко на основе принципа «открытых дверей». Предложение Бюлова сопровождалось намёками, что в случае, если Франция его отклонит, ей будет грозить война.

Министр иностранных дел Делькассе, один из творцов Антанты, решительно отклонил германские требования. Делькассе не верил, что Германия начнёт войну: её угрозы он считал блефом. Делькассе был убеждён, что Вильгельм II не решится подвергнуть свой молодой флот опасности полного разгрома. «Европа на моей стороне, — заявил Делькассе своим сотрудникам, — Англия поддерживает меня полностью. Она тоже не остановится перед войной... Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, моё положение превосходно». «Германия, — продолжал министр, — не может хотеть войны, и её нынешнее выступление не более, как блеф: она знает, что

против неё выступит Англия. Я повторяю, Англия поддержит нас до конца и не подпишет мира без нас». Однако многие влиятельные французские политики во главе с председателем Совета министров Рувье испугались войны. Момент был слишком благоприятен для Германии. Рувье указывал, что английский флот не заменит для Франции русскую армию, занятую на полях Манчжурии: ведь флот «не имеет колёс» и не сможет защитить Париж.

1 июня 1905 г. Бюлов телеграфировал германскому послу в Париже: «Граф Таттенбах сообщает, что французы непрерывно грозят марокканскому султану действиями с алжирской границы в том случае, если он отвергнет французскую программу. Однако 28 мая султан сообщил французскому представителю, что о принятии французских предложений относительно реформ может быть речь лишь после того, как эти предложения будут рассмотрены и одобрены державами — участницами договора». Бюлов угрожающе добавлял: «Нам пришлось бы сделать соответствующие выводы в том случае, если бы после заявления султана, которое неопровержимо с точки зрения международного права, Франция продолжала ту политику запугивания и насилий, которой до сих пор держался Делькассе и которая затрагивает не только интересы, но и достоинство государств, находящихся в одинаковом с нами положении и участвовавших в заключении договора... В интересах *мира* важно, — продолжал Бюлов, — чтобы вышеизложенные соображения были безотлагательно доведены до сведения премьера и чтобы он не принимал предстоящего ему решения, не будучи вполне осведомлён о положении дела». Через несколько дней итальянское правительство довело до сведения Парижа, что германский посол в Риме сделал ему ещё более ясное заявление. Посол прямо предупредил, что, «если французские войска переступят границу Марокко, германские войска немедленно перейдут границу Франции».

Получив это сообщение, Рувье поспешил в Елисейский дворец. Там он заявил президенту республики, что в корне не согласен с политикой министра иностранных дел. Заручившись согласием Лубэ, Рувье созвал 6 июня заседание Совета министров. Он сказал министрам, что уйдёт со своего поста, в случае если его коллеги по кабинету солидаризируются с Делькассе. Большинство членов Совета высказалось против министра иностранных дел. Делькассе подал в отставку. Рувье принял портфель министра иностранных дел и вступил в переговоры с Берлином. Рувье заявил немцам, что не одобряет идеи международной конференции, но предлагает договориться о способах компенсировать Германию в обмен за поглощение Марокко Францией. Оказалось, однако, что Рувье напрасно рассчитывал избежать таким путём конфликта с немцами. Гольштейн и Бюлов явно стремились обострить положение. Они настаивали на безоговорочном согласии Франции на созыв международной конференции. 21 июня 1905 г. германский канцлер предостерег французского посла чтобы Рувье не затягивал решения. «Не следует, — заявил он, — медлить на пути, по краям которого зияют обрывы и даже пропасти».

Германская дипломатия продолжала толкать дело к разрыву. И вдруг в германской тактике произошёл неожиданный поворот: Бюлов взял более примирительный курс. Он продолжал настаивать на конференции, но изъявил согласие предварительно признать за Францией наличие «особых интересов» в Марокко. Канцлер, видимо, заколебался, развязывать ли мировую войну. Это позволило Германии и Франции 8 июля 1905 г. достигнуть предварительного соглашения об условиях созыва конференции.

Смотреть карты

Свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке.

Пока в Европе развёртывалась дипломатическая битва вокруг англо-французского договора от 8 апреля 1904 г., в Восточной Азии продолжалась вооружённая борьба. Царизм терпел одно поражение за другим. За Ляояном последовало падение Порт-Артура, затем разгром при Мукдене и, наконец, гибель русского флота при Цусиме в мае 1905 г. В России нарастала буржуазно-демократическая революция. Тяжёлое положение царского правительства и вспышка марокканского кризиса побудили германскую дипломатию сделать в июле 1905 г. ещё одну попытку оторвать Россию от Франции и заключить русско-германский союз. С одобрения Бюлова Вильгельм во время морской прогулки предложил Николаю встретиться в Балтике. Встреча состоялась в июле 1905 г. в финляндских шхерах, около острова Бьёрке. Вильгельм предложил Николаю вернуться к прошлогоднему проекту союзного договора. Он убедил царя подписать документ, сходный с тем, который обсуждался в конце минувшего года. Николай согласился. Подписав договор, он призвал сопровождавшего его морского министра Бирилёва, закрыл ладонью текст и велел Бирилёву расписаться под ним. Тот подмахнул. Таким образом царская подпись была контрастирована министром в соответствии с требованием основных законов империи.

По возвращении в столицу царь сообщил о договоре Ламздорфу. Тот пришёл в смятение. Немедля он посвятил в дело Витте. Оба принялись убеждать царя уведомить Вильгельма, что договор не может войти в силу, пока Франция не даст на него своего согласия. Так царь и поступил. Это было, конечно, дипломатической формой отказа.

Напрасно кайзер взывал к царю: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом... Что подписано, то подписано». Призывы кайзера остались без ответа. Кстати, к этому времени и мир с Японией уже был подписан; Россия стала меньше зависеть от Германии. Портсмутский мир открывал возможности и для переговоров с Парижем о предоставлении займа. При этом предполагалось привлечь не только французские банки, но и лондонский банкирский дом «Бр. Бэринг», а может быть, и американца Моргана. Бьёркский договор сделал бы невозможным получение займа ни в Лондоне, ни в Париже. Между тем в целях подавления революции заём был нужен царизму более чем когда-либо. Если Вильгельм II и Бюлов рассчитывали использовать внутренние затруднения царизма для расторжения франко-русского союза, то они ошиблись: революция 1905 г. ещё больше обострила нужду царизма во французских деньгах.

Смотреть карты

Портсмутский мир.

Когда Япония готовилась к войне с Россией и дальше, в течение самой войны, она получала от Англии и США довольно значительную финансовую помощь. Лишь это и дало Японии возможность разбить царскую Россию. Ленин уже в годы интервенции писал, что Япония самостоятельной силы не представляет. Тем более это было так в 1905 г.

После Цусимы английское правительство сочло, что Япония усилилась более чем достаточно и что войну пора кончать; ради этого оно постепенно стало закрывать для Японии лондонский денежный рынок. Ещё более крутой поворот произошёл в Соединённых штатах.

В начале войны Соединённые штаты, как и Англия, поддерживали Японию. Президент Теодор Рузвельт предостерег Германию и Францию, что если бы они встали на сторону России, США выступили бы против них на стороне Японии. Поддерживая Японию, Рузвельт рассчитывал на взаимное истощение России и Японии длительной войной. При этом он надеялся, что и после войны антагонизм между ними на Дальнем Востоке не прекратится. Однако чрезмерное усиление Японии не входило в его виды. После русских поражений правительство Соединённых штатов пришло к выводу, что приближается время для заключения мира. Тогда Рузвельт предложил сторонам своё посредничество. Оно было принято и в Петербурге и в Токио. Скоро в приморском курортном городке Портсмуте, в США, начались мирные переговоры.

Русским главным уполномоченным царь назначил Витте. На мирной конференции русская делегация приняла японские требования в отношении Южной Манчжурии и Кореи. Царское правительство изъявило готовность признать их сферами исключительного влияния Японии. Однако по двум вопросам разгорелся жаркий спор. Японцы намеревались получить остров Сахалин и контрибуцию в 1 200 миллионов иен. Витте наотрез отказался разговаривать о какой бы то ни было контрибуции. Президент Рузвельт поддержал Россию. Он пригрозил японцам, что если они будут настаивать и война возобновится, то США изменят своё отношение к воюющим сторонам. Ввиду этого, а главное благодаря твёрдости русской дипломатии, японцы уступили. Как пишет в своих мемуарах Исии, Япония имела дело со страной, которая на всём протяжении своей истории никогда не платила контрибуции.

Витте отказался и от уступки Сахалина. Японское правительство стало перед вопросом, продолжать ли войну ради захвата этого острова. Кабинет и Совет генро собрались на совместное заседание. Оно длилось целый день и всю ночь. Было решено, что Япония так истощена, что больше воевать не может. В присутствии императора было вынесено решение отказаться от Сахалина. Это произошло 27 августа 1905 г.

Между тем за несколько дней до этого, стремясь скорее покончить с войной, Рузвельт послал царю телеграмму, в которой советовал уступить Сахалин Японии. 23 августа царь принял американского посланника и заявил ему, что в крайнем случае согласен отдать южную половину острова. Царь готов был на любой мир, лишь бы развязать себе руки для подавления надвинувшейся революции.

Случайно заявление царя стало известно японцам. Они узнали о нём тотчас же по окончании упомянутого заседания 27 августа. Японское правительство изменило своё решение. Правда, морской министр заявил, что если информация о согласии царя не верна, передавшему её чиновнику придётся произвести себе харакири. Однако, сокрушался министр, это не вернёт Японии возможности заключить столь необходимый мир. Главе японской делегации в Портсмут была послана инструкция требовать южной части Сахалина. Витте уступил, следуя велению царя: японцы получили часть острова к югу от 50-й параллели северной широты. Этот эпизод свидетельствует, до какой степени Япония была истощена войной.

Токийскому правительству было ясно, что продолжать войну невозможно. К тому же выводу пришёл и такой военный наблюдатель, как начальник германского генерального штаба граф Шлиффен, внимательно изучавший опыт войны. Россия, по мнению Шлиффена, легко могла бы продолжать войну; её ресурсы были едва затронуты, и она могла выставить если не новый флот,

то новую армию. Шлиффен считал, что, несмотря на ряд понесённых ею поражений, Россия в состоянии добиться успеха. Стоило только лучше мобилизовать силы страны. Но царизму эта задача была не по плечу. «Не русский народ, — писал Ленин, — а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению». «Не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки», — признавался в своих мемуарах Витте.

Мир был заключён 5 сентября 1905 г. По Портсмутскому договору Россия признавала Корею сферой японского влияния. Статья 2 Портсмутского договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтёшь необходимыми принять в Корее». Согласно статье 5, Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по статье 6 — Южно-Манчжурскую железную дорогу от Порт-Артура до станции Куань-Чен-Цзы, несколько южнее Харбина. Тем самым Южная Манчжурия оказывалась сферой влияния Японии. Россия уступала Японии южную часть Сахалина. Согласно статье 12, Япония навязывала России заключение рыболовной конвенции: «Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях». Статья 7 Портсмутского мирного договора гласила: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Манчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических».

Смотреть карты

Алхесирасская конференция.

В январе 1906 г. разыгрался финал марокканского кризиса. В согласии с договорённостью, достигнутой между Германией и Францией в июле 1905 г., в испанском городе Алхесирасе собралась конференция участников Мадридского договора.

В декабре 1905 г. начальник германского генерального штаба фельдмаршал Шлиффен представил кайзеру записку, в которой развивал новый вариант своего известного плана вторжения во Францию через Бельгию с выделением всего лишь 10 германских дивизий на восточный фронт. Шлиффен имел в виду временную слабость России. Гольштейн, повидимому, был совершенно солидарен с мнением фельдмаршала. Неудивительно, что конференция собиралась в тревожной обстановке: её участники подозревали, что Германия доведёт переговоры до разрыва и, быть может, до войны.

Но тут выявилось обстоятельство, крайне тревожное для Германии: она оказалась изолированной. Не только Англия, но и США поддерживали Францию. За Францию стояла и Россия. Италия, формально остававшаяся членом Тройственного союза, в соответствии с франко-итальянским соглашением 1900 г. встала на сторону Франции. Лишь одна Австро-Венгрия, хотя и вяло, поддерживала Германию.

При такой международной обстановке Бюлов и кайзер не решились начать войну, тем более что война из-за Марокко была бы заведомо непопулярна в Германии. Изобразить её в качестве оборонительной было бы чрезвычайно трудно. Бюлов сообщает в своих мемуарах содержание письма, которое Вильгельм II прислал ему к рождественским праздникам 1905 г.

В письме этом кайзер заявлял, что «не хочет войны до тех пор, пока не будет заключён союз с Турцией», а также «со всеми арабскими и мавританскими государями... Но главное, — продолжает Бюлов изложение монаршего послания, — из-за наших социалистов мы не можем взять в стране ни одного человека, если нет самой крайней опасности для жизни и имущества граждан». Отсюда кайзер делал свой вывод? «Сначала перестрелять, обезглавить, обезвредить социалистов, если нужно, с помощью кровопролития, и тогда — внешняя война, но не раньше и не сейчас!» В последние дни декабря 1905 г. Вильгельм II уволил Шлиффена. Несколько позже должен был уйти в отставку и Гольштейн. Он отомстил Вильгельму на свой лад: через журналиста Максимилиана Гардена он разоблачил противоестественные пороки, царившие в интимном кружке ближайшего друга Вильгельма, графа Филиппа Эйленбурга,

Конференция закончила свою работу 7 апреля 1906 г. подписанием трактата, определявшего положение марокканского государства. Трактат устанавливал независимость султана, «целостность его государства», «свободу и полное равенство» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении». В соответствии с этим Марокканский государственный банк создавался под контролем иностранных банков: английского (Bank of England), французского, германского Рейхсбанка и Испанского государственного банка. Наиболее острый конфликт возник из-за организации полиции в Марокко. Германия не хотела отдавать в руки Франции контроль за

поддержанием внутреннего порядка в Марокко. Немцы грозили было разрывом, но, оказавшись в изоляции, не могли помешать тому, что Франции вместе с Испанией было поручено фактическое руководство марокканской полицией. «В помощь султану, — гласил Алхесирасский трактат, — для устройства... полиции будут командированы в его распоряжение соответствующими правительствами испанские и французские офицеры и унтер-офицеры инструкторы». Правда, в качестве верховного контролёра над марокканской полицией был поставлен швейцарский офицер со званием «генерального инспектора». Но на самом деле он не играл никакой роли. Алхесирасский трактат устанавливал международный контроль над таможенными. Однако на алжирской границе таможенный контроль переходил в руки одной Франции, а в Риффской области — к Испании.

Германии не удалось использовать благоприятную обстановку, создавшуюся вследствие ослабления царской России в 1904 — 1906 г. Германская дипломатия не смогла ни оторвать Россию от Франции, ни расстроить англо-французскую Антанту. Наоборот, в результате марокканского кризиса Антанта окрепла, хотя так и не приняла характера формального военного союза.

Смотреть карты

Военное сотрудничество Англии и Франции.

С апреля 1905 г. между Англией и Францией завязались переговоры о военном сотрудничестве против Германии. В дни своей борьбы с Рувье Делькассе утверждал, что у него имеется обещание лорда Ленсдауна оказать Франции военную помощь. Повидимому, так оно и было. Нов декабре 1905 г. в Англии пал консервативный кабинет, и к власти пришли либералы; статс-секретарём Форейн офис вместо Ленсдауна стал Эдуард Грей.

10 января 1906 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон в связи с приближением Алхесирасской конференции запросил Грея, гарантирует ли он Франции английскую военную помощь, если конференция кончится разрывом. Грей ответил, что если возникнет война, то английское общественное мнение будет настроено в пользу Франции, однако формальную гарантию он дать не в состоянии. Тогда Камбон попросил хотя бы начать переговоры между генеральными штабами; он доказывал, что нужно подготовиться в военно-техническом отношении на тот случай, если Англия всё же решится вступить в войну.

В ближайшие дни Грей переговорил с военным министром Холденом. Тот дал указание английскому генеральному штабу начать переговоры с французским военным атташе. Велись эти переговоры в строжайшей тайне. Сам английский премьер Кемпбелл-Баннерман не был о них полностью информирован. В результате в нескольких памятных записках в течение января — марта 1906 г. было зафиксировано, что если Англия вступит в войну, то она переправит во Францию всего 4 дивизии. Были определены сроки и способы перевозки и нанесены на карту рубежи, предназначенные для развёртывания британских экспедиционных сил. 18 января 1906 г. английский генеральный штаб с разрешения Грея и Холдена начал аналогичные переговоры и с бельгийским генеральным штабом.

Переговоры с Францией и Бельгией велись британской дипломатией весьма своеобразно. Сторонами разрабатывались подробные планы военного и морского сотрудничества. Но планы эти принимались Греем с оговоркой, что в силу они войдут только в том случае, если то признает необходимым британский кабинет. Категорического обязательства воевать англичане на себя не принимали, ссылаясь на невозможность дать его без санкции Парламента. Вместе с тем это являлось дипломатическим приёмом; он был рассчитан на то, чтобы создать во Франции некоторую неуверенность в позиции Англии. Таким образом, Англия приобретала лишний рычаг для давления на французов; вместе с тем для неё обеспечивалась возможность ускользнуть от сотрудничества с Францией, если бы она нашла это нужным. Как ни старался Камбон добиться от Грея заключения союзного договора, достигнуть этого он не смог.

8 — 11 апреля 1906 г. состоялась встреча начальников французского и русского генеральных штабов. Их совещания регулярно созывались в 90-х годах. После 1901 г. они на время прекратились в связи с манчжурской авантюрой царизма, вызывавшей недовольство французов. Теперь эти совещания возобновились. В результате их франко-русский союз получал всё большее заострение против главы враждебной коалиции: французы нажимали на русских, добиваясь, чтобы в случае войны максимальное число русских войск было сразу брошено против Германии. Против Австрии Россия, по мнению французов, должна была направить возможно меньшее количество сил. Одновременно французский генеральный штаб настаивал на скорейшем восстановлении военной мощи царской России, пострадавшей в результате событий 1904 г. и последующих лет.

Смотреть карты

Англо-русское соглашение.

Соглашение с Францией английская дипломатия намеревалась дополнить договором с Россией.

Эта задача была более сложной. Англо-русские противоречия были глубже англо-французских, и несколько попыток англо-русского сближения уже потерпели неудачу. Тем не менее тотчас по окончании русско-японской войны Англия предприняла ряд шагов для установления сотрудничества с Россией. Так, вместе с Францией Англия приняла участие в займе, который в начале 1906 г. был предоставлен царскому правительству.

Русская революция 1905 г. ещё более укрепила английскую дипломатию в убеждении, что ей нужно договориться с русским царизмом. Дальневосточный антагонизм между обеими державами был в известной мере притуплён японскими победами; соперничество на Ближнем Востоке также несколько ослабело с тех пор, как у Англии и России оказался там общий враг в лице Германии. Прежнюю остроту сохраняли главным образом противоречия в Средней Азии, особенно в Афганистане и в Персии.

Уже на Алхесирасской конференции английская дипломатия начала зондировать почву относительно возможности англо-русского соглашения. В начале 1906 г. русский министр иностранных дел граф Ламздорф вышел в отставку. Вместо него был назначен Извольский, бывший посланник в Копенгагене, долго вращавшийся в германофобской датской придворной среде. Извольский был весьма склонен к англо-русскому сближению. Он очень боялся новых осложнений с Японией и стремился предотвратить их посредством соглашения с Англией. Он надеялся также, что такое соглашение позволит русской дипломатии разрешить вопрос о проливах.

В марте 1907 г. состоялся визит русского флота в Англию, в Портсмут. Группа русских офицеров по приглашению короля приехала в Лондон; здесь им устроили тёплую встречу. На спектакле, организованном для русских моряков, присутствовал сам Грей.

Опасения Извольского в отношении Японии имели под собой серьёзную почву. Переговоры о рыболовной конвенции, начатые на основе Портсмутского договора, протекали не гладко. В начале 1907 г. они привели к новому обострению русско-японских отношений. В Петербурге боялись, что Япония использует временное бессилие России, чтобы отнять у неё её дальневосточные владения. Извольский полагал, что соглашение с Англией будет лучшим способом добиться известных гарантий против Японии. Форейн офис тоже понимал, что нужно обеспечить русский тыл на Дальнем Востоке, для того чтобы в полной мере использовать Россию против Германии. Однако Англия и Япония оставались союзниками. В августе 1905 г., в период портсмутских переговоров, англо-японский союзный договор был возобновлён. Союзные обязательства были при этом распространены и на случай нападения какой-либо державы на Индию. Договор фактически признавал протекторат Японии над Кореей. Таким образом, английская дипломатия сохраняла за собой японскую страховку как от России, так и на случай войны с Германией. Но теперь Англии приходилось налаживать русско-японские отношения, дабы распространить страховку и на своего будущего русского союзника.

28 июля 1907 г. состоялось, наконец, подписание рыболовной конвенции; 30 июля 1907 г. было заключено и русско-японское политическое соглашение. Япония признала Северную Манчжурию — к северу от линии Хуньчун, озеро Биртэн, устье реки Нонни — сферой влияния России. Со своей стороны царская Россия признала сферой Японии Южную Манчжурию и Корею. Соглашение это значительно улучшило русско-японские отношения. Если русские опасения за безопасность Владивостока, Приморья и КВЖД и не были окончательно рассеяны, то всё же они были ослаблены. Незадолго до заключения русско-японского соглашения состоялось и соглашение между Японией и Францией (10 июня 1907 г.).

Наконец, 31 августа 1907 г. не без содействия Франции было подписано англо-русское соглашение. С русской стороны его подписал Извольский, с английской — посол в Петербурге, поборник англ о-русской Антанты А. Никольсон.

Соглашение касалось Афганистана, Тибета и Персии. Персию разделили на три зоны: северную — русскую, южную (точнее, юго-восточную) — английскую и среднюю — нейтральную. Каждая сторона обязывалась не искать концессий политического или коммерческого свойства в «чужой» зоне и не препятствовать получению их партнёром. В нейтральной зоне каждая сторона сохраняла право добиваться концессий, не мешая таковым же действиям другого участника договора.

Соглашение предусматривало право контроля над доходами персидского правительства в русской и английской зонах. Контроль предполагалось ввести в случае неисправности персидского правительства в платежах по займам русскому Учётно-ссудному банку или английскому Шахиншахскому банку. При этом русское правительство могло установить контроль над доходами персидской казны, поступавшими с областей, отнесённых к русской зоне. Английское правительство получало соответствующие возможности в пределах своей зоны. Оба

правительства обязывались «войти предварительно в дружественный обмен мнений в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля».

Афганистан царская Россия признавала находящимся «вне сферы русского влияния» и обязывалась «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством британского правительства».

И Россия и Англия давали обязательство не вмешиваться во внутренние дела Тибета, не нарушать его территориальной целостности и сноситься с ним исключительно через сюзеренное китайское правительство.

Вопреки стараниям Извольского, о Константинополе и о проливах в соглашении не упоминалось: Англия не дала на этот счёт России никаких обязательств.

Ленин следующим образом оценивал англо-русское соглашение 1907 г.: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)».

Соглашение 1907 г. создало так называемое Тройственное соглашение — тройственную Антанту в составе Англии, Франции и России, противостоящую Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Впрочем, Италия в результате франко-итальянского соглашения в 1902 г. фактически уже отошла от Тройственного союза. Таким образом, в результате своей агрессивной политики Германия оказывалась изолированной — вдвоём со своей слабой союзницей Австро-Венгрией. При этом соглашениями всех членов Антанты с Японией в большей или меньшей мере обеспечивались их тылы на Дальнем Востоке. Это имело, конечно, немаловажное значение в случае войны с Германией.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БОРЬБА АНТАНТЫ И АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО БЛОКА (1908 - 1911 гг.)

Содержание

- **Англо-германское морское соперничество.**
- **Борьба за Балканы и Турцию в начале XX века.**
- **Русско-австрийское соглашение в Бухлау в 1908 г.**
- **Инцидент в Касабланке.**
- **Потсдамское свидание.**
- **Агадир.**
- **Итало-турецкая война.**
- **"Демарш Чарыкова".**
- **Миссия Холдена.**
- **Упрочение англо-французской Антанты.**

Англо-германское морское соперничество.

Образование Антанты свидетельствовало о том что англо-германский антагонизм оказался глубже англо-русских и англо-французских противоречий. Англия вынуждена была признать Германию главным своим врагом и перед лицом немецкой опасности договариваться с франко-русской стороной. Один из руководящих чиновников лондонского Форейн офис, Эйр Кроу, в меморандуме от 1 января 1907 г. достаточно ярко обрисовал характер англо-германских отношений. «В то время как великий канцлер, — писал Кроу, разумея Бисмарка, — заставлял Англию уступать требованиям, которые были неприемлемы скорее по форме, чем по существу, и вёл себя подобно Ричарду III

ухаживающему за лэди Анной, — его преемники явно пришли к убеждению, что их основная цель заключается в том, чтобы добиваться от Англии важных уступок путём оскорбительных угроз и докучливого приставанья... Отношение Германии к нашей стране после 1890 г. может быть уподоблено действиям профессионального шантажиста, занимающегося вымогательством, угрожающего своим жертвам, в случае отказа, какими-то неопределёнными, но ужасными последствиями... Первенство Германии на море, — продолжал Кроу, — не может быть совместимо с существованием Британской империи. И даже если бы Великобритания исчезла, соединение в руках одного государства величайшей военной мощи на суше и на море вынудило бы весь мир объединиться, чтобы избавиться от этого кошмара. Приобретение колоний, пригодных для немецкой колонизации в Южной Америке, нельзя примирить с доктриной Монро, являющейся основным принципом политического символа веры Соединённых штатов. Создание немецкой Индии в Малой Азии в конечном счёте зависит от германского господства на море либо от завоевания Германией Константинополя и стран, находящихся между Босфором и её нынешними юго-восточными границами. Правда, каждый из этих грандиозных планов кажется невыполнимым при современных международных условиях; однако похоже на то, что Германия носится со всеми ими сразу, сама нагромождая, таким образом, на своём пути препятствия и развязывая силы сопротивления встревоженного мира».

Кроу был весьма невысокого мнения об искусстве германской дипломатии. «Поведение Германии лишь доказывает, — заключал он, — как мало логики, последовательности и целеустремлённости содержится в этой бурной деятельности, в тех ошеломляющих выходках и в том пренебрежительном отношении к чувствам других наций, которые столь типичны для последних актов германской политики».

Статс-секретарь Форейн офис сэр Эдуард Грей и король Эдуард VII выразили своё согласие с мыслями, изложенными Кроу в этом документе.

Особенно беспокоило англичан развитие германского военного флота. После кризиса 1905 — 1906 гг. Англия и Германия ещё более усилили гонку морских вооружений. В 1905 г. в Англии был заложен броненосец нового типа, названный «Дредноут» (отсюда — общее название однотипных кораблей). Британское адмиралтейство думало, что созданием более мощных боевых судов оно усилит морское превосходство Англии. Оно полагало, что в течение ряда лет немецкие верфи не смогут начать постройку дредноутов. Адмиралтейство ошиблось: Германия очень быстро приступила к их сооружению. В 1908 г. в строю и на верфях в Англии было 12 дредноутов. В этом же году Германия спустила на воду свои первые дредноуты в количестве четырёх, а всего в постройке имела их уже восемь или девять. Между тем соотношение броненосцев старого типа было — 63 (Англия): 26 (Германия). С появлением дредноутов корабли старого типа значительно обесценивались. Морское соперничество начиналось теперь с нового старта — с постройки первого дредноута. Уже в 1906 г. германский Рейхстаг принял закон, гласивший, что все новые броненосцы должны быть кораблями типа «Дредноут». Одновременно прошло новое увеличение состава военно-морского флота на 6 больших крейсеров и одну минную эскадру. В 1908 г. срок службы линейных кораблей был сокращён с 25 до 20 лет, и в зависимости от этого и темп строительства был ускорен: раньше на основе закона 1900 г. в Германии в среднем ежегодно спускалось на воду по два броненосца; за 8 лет (1900—1907 г. включительно) их было построено 16 единиц. Отныне же ежегодно до 1912 г. предполагалось спускать на воду по 4 корабля типа «Дредноут» с соответствующим числом крейсеров и миноносцев. Морское первенство Англии, таким образом, было поставлено под серьёзную угрозу.

Надо было показать английскому общественному мнению, что в возрастании налогов и в усилении военной опасности виноваты немцы. С этой целью английское правительство решило обратиться к Германии с предложением ограничить строительство новых судов. Если немцы не согласятся, можно будет говорить английскому народу, что он страдает по вине германских милитаристов. Если же предложение будет принято — на что шансов, правда, мало, — то будет закреплено существующее соотношение сил на море, пока ещё обеспечивавшее преобладание Англии. Таковы были расчёты английского правительства. В наиболее эффективной форме с трибуны мирового масштаба английская дипломатия выступила с предложением ограничения морских вооружений в 1907 г. на второй Гаагской конференции. Германское правительство и в Гааге и в других подобных случаях отвечало неуклонным и грубым отказом.

В августе 1908 г. Эдуард VII посетил Вильгельма II в Кронберге. Короля сопровождал Гардинг. Даже германофильски настроенные историки, как американец Фей, признают, что в дипломатических переговорах с английскими гостями Вильгельм держал себя крайне непримиримо: Гардинг пытался было уговорить кайзера ограничить темпы морских вооружений. Но разговор кончился тем, что Вильгельм угрожающим тоном заявил: «Тогда мы будем воевать, ибо это вопросы национальной чести и достоинства». Гардинг поспешил переменить тему беседы.

Некоторые немецкие дипломаты, воздерживаясь от столь вызывающего отказа от переговоров, прибегали к маневру, который заранее обрекал на неудачу всякие попытки английской дипломатии склонить Германию к соглашению. Они запрашивали за ограничение морских вооружений непомерную цену, требуя от Англии разрыва Антанты с Францией и Россией в качестве предпосылки для сокращения военно-морского строительства. Что это требование было уловкой, явствует из признания германского посла в Лондоне. «Я обострил бы без надобности отношения, — писал граф Меттерних незадолго до свидания в Кронберге, — если бы обнаружил перед ними (перед британскими министрами), что мы никогда и ни в каком случае не согласимся на заключение договора об издержках на флот. Но цену, которую я за него назначил, сэр Эдуард Грей заплатит нам не так-то легко».

Зная, что кайзер и Тирпиц не пойдут на ограничение вооружений, Меттерних старался дипломатически замаскировать непримиримость немецкой политики.

Английские попытки добиться ограничения морских вооружений кайзер квалифицировал с истинно прусской грубостью как «наглость, которая граничит с оскорблением германского народа и его императора». Так гласили пометки Вильгельма на донесении Меттерниха.

После неудачных попыток договориться с Германией английская дипломатия публично заявила о решении строить по два корабля на каждый германский — «два кия против одного».

Смотреть карты

Борьба за Балканы и Турцию в начале XX века.

Морское соперничество являлось не единственным проявлением англо-германского антагонизма. Одновременно развёртывалась и борьба за преобладание на Ближнем Востоке. После получения концессии на Багдадскую железную дорогу Германия усиленно работала над тем, чтобы закабалить Турцию и превратить её в свою колонию. Со своей стороны и султан Абдул-Гамид думал укрепить свой пошатнувшийся трон с помощью германского правительства и немецкого капитала, чтобы найти в них опору против национально-освободительного движения славян на Балканском полуострове, против армян в Малой Азии, против арабов, а также против прогрессивных элементов самого турецкого народа.

Германский империализм тем охотнее поддерживал деспотический режим «кровавого султана», что в правящих кругах союзницы Германской империи — Австро-Венгрии — всё сильнее нарастала ненависть к славянству.

В 80-х годах прошлого века ошибки царского правительства позволили Австро-Венгрии укрепить своё положение в Сербии и Болгарии. Однако политика австрийских ставленников, как короля Милана в Сербии или Стамбулова в Болгарии, ясно показала, что Австрия, а вместе с ней и её союзница Германия являются злейшими врагами славянской национальной независимости. В конце концов даже князь Фердинанд — немец, посаженный на болгарский трон руками Австрии, — вынужден был искать примирения с Россией. В результате в 1896 г. со стороны России последовало признание Фердинанда болгарским князем. Ещё круче повернула в сторону России Сербия: слишком очевидным представлялось, что только там могли найти поддержку национальные чаяния сербского народа.

В 1903 г. в Белграде произошёл государственный переворот, и династия Обреновичей уступила место Карагеоргиевичам. За этим событием последовало чрезвычайное усиление национальной пропаганды, направленной не только против Турции, но и против Австро-Венгрии. В начале 1906 г. между Австро-Венгрией и Сербией началась таможенная война. В Австрии усилилось влияние кругов, которые стремились, пользуясь ослаблением России, дать южнославянскому вопросу радикальное разрешение; это означало — захватить сербские области Балкан и включить их в состав монархии Габсбургов, перестроив её на началах либо триализма, либо федерализма. Такова была старая программа австрийских феодально-клерикальных и военных кругов. Эти планы поддерживали и влиятельные группы венской финансовой олигархии, заинтересованные в экономической эксплуатации Балкан. Во главе этого течения стали наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, начальник генерального штаба фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф и отчасти министр иностранных дел Эренталь.

Эренталь, Конрад фон Гетцендорф и Франц-Фердинанд замыслили в первую очередь аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных Австрией в 1878 г. на основе статьи 25-й Берлинского трактата, но ещё оставшихся под номинальным суверенитетом Турции. Таким актом они рассчитывали положить конец надеждам сербского народа на воссоединение этих областей с Сербией. В качестве последующего этапа намечалась превентивная война против Италии и Сербии и «аннексия Сербии». «Если наши войска, — писал Гетцендорф, — будут в Нише, если мы там будем господами, то наше влияние будет обеспечено — в юго-западной части Балкан в особенности, но также на Балканах вообще». Эренталь несколько колебался насчёт войны с Италией. Но в общем он разделял замыслы Конрада фон Гетцендорфа. Он только, пожалуй, предпочёл бы вместо захвата всей Сербии отдать часть её болгарам. После этого, «в момент благоприятной обстановки в Европе, мы наложим руку на ещё сохранившуюся часть Сербии. Тогда у нас будут надёжные границы». Разжигание сербо-болгарского антагонизма занимало видное место в политических замыслах Эренталя. Во всяком случае, он был убеждён, наравне с Конрадом фон Гетцендорфом, что Сербию необходимо ликвидировать. Как он поведал немецкому статс-секретарю иностранного ведомства Шёну, нужно «полное уничтожение сербского революционного гнезда».

Если бы Германии удалось окончательно закабалить Турцию, а её австро-венгерской союзнице — осуществить задуманные планы на Балканском полуострове, весь Ближний Восток со всеми его человеческими и материальными ресурсами оказался бы под пятой германского империализма. С этим не могла примириться Англия, которая всегда рассматривала страны Ближнего Востока как мост из Европы в Индию. Не могла допустить этого и Россия: подчинение Турции и Балкан влиянию Германии и Австрии означало бы угрозу для безопасности всего русского юга от Черноморского побережья до закавказской границы. Россия не желала отказаться от своей роли покровительницы славян. Не могла она взирать равнодушно ни на водворение немцев на Босфоре, ни на постройку стальной колеи, по которой можно будет подвозить оружие и войска из Константинополя и даже прямо из Берлина почти к самому армянскому нагорью. Не удивительно, что, несмотря на разделявшие их противоречия, Англия и Россия оказывались заинтересованными в том, чтобы дать отпор германскому проникновению на Восток.

Английское правительство активно противодействовало германской экспансии в Турции. Оно использовало при этом разные пути. Прежде всего оно обратилось к чисто финансовому воздействию. В апреле 1903 г. английские банкиры отказались участвовать в финансировании Багдадской дороги. Между тем общество Багдадской железной дороги имело от турецкого правительства полную гарантию прибыльности этого предприятия. Это требовало от Турции значительных средств, а денег у неё не было. Достать их она могла, только повысив некоторые налоги и прежде всего таможенные пошлины. Но в силу существовавшего в Турции режима капитуляций Турция не располагала таможенной независимостью: ввозные пошлины были установлены в 8% стоимости товара. Поднять их Турция могла не иначе, как с согласия великих держав. Однако Англия решительно отказывалась дать согласие на повышение пошлин. Франция и Россия, невзирая на всю напряжённость англо-русских отношений, полностью разделяли английскую точку зрения по вопросу о таможенной надбавке. Таким образом, тормозилось финансирование Багдадской железной дороги, которое для берлинского денежного рынка и без того оказалось не особенно лёгким делом.

Наконец, Англия воспользовалась волнениями, которые в 1902—1903 гг. возникли в Македонии, чтобы произвести сильный политический нажим на султана. Как известно, в 1903 г. в Мюрцштеге Россия и Австрия договорились о программе реформ в Македонии. В ту пору, хотя и по разным мотивам, оба правительства были заинтересованы в том, чтобы хоть временно притушить македонское движение и не дать снова закипеть балканскому котлу. Английская дипломатия в лице лорда Ленсдауна выдвигала программу более радикальных реформ. План её был рассчитан на то, чтобы лишить султана почти всякой реальной власти в Македонии. Теперь Англия возобновила свой нажим на продавшегося Германии султана. Она снова подняла македонский вопрос. При этом английская дипломатия стремилась добиться поддержки России, чтобы совместным давлением принудить султана изменить свою внешнеполитическую ориентацию. В июне 1908 г. в Ревеле состоялось свидание Эдуарда VII с Николаем II. Короля сопровождали помощник статс-секретаря Форейн офис Гардинг, адмирал Фишер, генерал Френч. Гардинг убеждал Извольского поддержать английскую программу реформ в Македонии. В этой связи было выпущено коммюнике, в котором сообщалось, что между Россией и Англией достигнуто полное согласие по всем международным проблемам.

В ходе дискуссии по македонскому вопросу Извольский старался придать английской программе более умеренный характер. Он не скрыл от своего британского собеседника, что Россия опасается военного превосходства Германии. Ввиду этого, говорил русский министр, Россия должна вести свою политику «с величайшей осторожностью в отношении Германии и не давать ей повода думать, что сближение России с Англией приведёт к соответствующему ухудшению отношения России к Германии». Гардинг соглашался, что не следует понапрасну раздражать немцев. Он признал, что для России «осторожность ещё более необходима», чем для Англии. Поэтому он советовал русскому правительству озаботиться скорейшим восстановлением военной мощи своей страны. «Нельзя упускать из виду, — говорил Гардинг, — что вследствие слишком значительного увеличения германской морской программы в Англии создано глубокое недоверие к будущим намерениям Германии. Это недоверие будет со временем обостряться по мере осуществления германской морской программы и возрастания налогового обложения в Англии, вызываемого необходимыми военно-морскими контрмероприятиями. Через 7 или 8 лет может возникнуть кризисное положение, в котором Россия, если она будет сильна в Европе, может стать арбитром в деле мира и оказать гораздо большее влияние на его обеспечение, нежели любая Гаагская конференция».

Итак, царской России надлежало ещё восстанавливать свою мощь, ослабленную неудачной войной с Японией и потрясениями 1904—1905 гг. А пока её противники спешили воспользоваться благоприятным моментом для укрепления своих позиций на Балканском полуострове. В первую очередь принялась за это австрийская дипломатия.

Эренталь приступил к этой задаче в начале 1908 г. Он выдвинул проект сооружения железной дороги от австрийской границы через Ново-Базарский санджак к Салоникам. Эта дорога должна была обеспечить Австрии путь к Эгейскому морю. 27 января 1908 г. Эренталь публично заявил о своём плане. Выступление Эренталя вызвало в России крайнее возбуждение. Дорога на Салоники упрочила бы влияние Австрии во всей западной половине Балканского полуострова. По выражению Извольского, «осуществление австрийского плана привело бы к германизации Македонии». Ясно было, что Россия не может остаться безучастной к проекту австрийского министра. 3 февраля в Петербурге было созвано совещание министров. На нём Извольский предложил использовать сближение с Англией, дабы отказаться от чисто оборонительной политики, которой держалась Россия на Востоке в течение последних лет. Ещё в 1907 г., во время переговоров с англичанами, Извольский добивался согласия Англии на изменение международно-правового режима проливов. Он хотел, чтобы Россия получила право на свободный проход через проливы своих военных судов как из Чёрного моря в Средиземное, так и обратно. Тогда Англия уклонилась от формального соглашения по этому вопросу. Но Грей не отнял у Извольского

некоторых надежд на будущее. Эти-то надежды и руководили Извольским, когда он ставил вопрос о более смелой политике России на Ближнем Востоке. Однако остальные русские министры, являвшиеся участниками совещания, единодушно отвергли предложение Извольского. Товарищ военного министра Поливанов указал на военную неподготовленность России, вооружённые силы которой не были ещё реорганизованы после поражения на Дальнем Востоке. Возражал и министр финансов Коковцев. Но с особой решительностью восстал против воинственных замыслов Извольского Столыпин. Через несколько дней, 10 февраля, Совет государственной обороны принял следующее решение: «Вследствие крайнего расстройств материальной части армии и неблагоприятного внутреннего состояния необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных мер, которые могут вызвать политические осложнения».

Таким образом, Извольскому приходилось ограничиться применением дипломатических средств. Он начал с того, что противопоставил австрийскому железнодорожному проекту собственный контрпроект. Извольский намечал сооружение дороги от одного из адриатических портов Албании к Дунаю. Эта линия должна была дать Сербии выход к морю, экономически и политически независимый от Австро-Венгрии. Тем самым ослаблялась кабала, в которой Австро-Венгрия держала Сербию. Ясно, что проект Дунайско-Адриатической железной дороги был крайне невыгоден для австрийцев. Англичане обещали поддержать проект Извольского при условии, что Россия будет заодно с Англией в вопросе о реформах в Македонии. Теперь наступала очередь Эренталя предаваться смятению по поводу железнодорожного строительства на Балканах.

В эти самые дни, летом 1908 г., когда шёл торг из-за железнодорожных проектов и из-за реформ в Македонии, в Турции произошла буржуазная революция. 3 июля в Македонии, в крепости Ресна, восстал гарнизон, поднятый офицерами-младотурками по сигналу центрального комитета этой партии. В ночь на 24 июля султан был вынужден принять конституцию. Великим визирем стал англофил Киамиль-паша. То была победа Англии

Смотреть карты

Русско-австрийское соглашение в Бухлау в 1908 г.

Турецкая революция побудила Эренталя поспешить с осуществлением своих давно задуманных планов. Падение всевластия Абдул-Гамида означало переход Турции от курса на Германию к ориентации на Англию. Эренталь боялся, что новое турецкое правительство, опираясь на Англию, потребует возвращения Боснии и Герцеговины. С другой стороны, момент внутреннего кризиса в Турции Эренталь считал наиболее удобным для покушения на её территорию. Не только соперник — Россия, но и объект грабежа — Турция — переживали момент, для войны отнюдь не подходящий. Австро-венгерское правительство решило, что настало время аннексировать Боснию и Герцеговину.

Ленин тогда же, в 1908 г., разоблачил захватнические замыслы империалистов, указывая, что они «продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику *раздела Турции*».

Эренталь лелеял хитроумный план. Он решил захватить Боснию и Герцеговину с соизволения России. Если бы ему удалось убедить царское правительство согласиться на аннексию, то это, надеялся Эренталь, скомпрометировало бы Россию в глазах всего южного славянства и подорвало бы её влияние на Балканах. Сверх того согласие России, конечно, облегчило бы для Австрии и осуществление самой аннексии обеих провинций. Ради всего этого можно было обещать России согласие Австрии на изменение режима проливов: ведь сделай только Россия серьёзную попытку добиться свободного прохода через Босфор и Дарданеллы для своих военных кораблей, — и конфликт с Англией и Турцией был бы налицо. А что могло быть приятнее такого конфликта для Австрии и Германии? Особенно желателен был он в момент, когда Турция ускользала из-под немецкого влияния, а Англия и Россия установили общую линию поведения в целом ряде ближневосточных проблем. На счастье Эренталя и всего австро-германского блока, как раз в вопросе о проливах англичане русским не уступали. Теперь, после младотурецкой революции, Англия сделалась в вопросе о проливах ещё менее податливой, чем во время переговоров об англо-русской Антанте год тому назад: с появлением у власти Киамиля Англия надеялась упрочить своё влияние в Турции. Ввиду этого английская дипломатия вовсе не желала осложнять отношения с Турцией постановкой вопроса о проливах. По мнению Эренталя, Извольский охотно должен будет принять из рук Австрии право проводить русские военные корабли через проливы. Расчёты Эренталя имели некоторое основание.

Ещё 2 июля 1908 г. Извольский переслал Эренталю записку по балканскому вопросу. В ней он в общем высказывался за сохранение существующего положения на Балканах. При этом он подчёркивал, что вопрос об аннексии Боснии, так же как и вопрос о проливах, имеет общеевропейское значение. Россия и Австро-Венгрия не вправе вдвоём пересматривать Берлинский трактат. Однако ввиду особой важности балканских вопросов для России и Австрии

Извольский изъявлял согласие обсудить их «в дружественном духе» с австро-венгерским правительством. Эренталь пригласил Извольского посетить его в замке Бухлау. Извольский принял приглашение. 15 сентября 1908 г. в Бухлау состоялось свидание обоих министров: Между ними было достигнуто устное соглашение. Австро-Венгрия обязывалась не возражать против открытия проливов для русских военных судов: взамен этого Россия соглашалась на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Свои пожелания в отношении режима проливов Извольский (согласно записи Эренталья) изложил в Бухлау следующим образом: «В случае, если Россия сочтёт нужным предпринять шаги с целью добиться свободного прохода через Дарданеллы для отдельных русских военных судов, Австро-Венгрия обещает соблюдать благожелательную и дружественную позицию. Разумеется, что такое изменение существующего права не должно ни в какой мере затрагивать независимость и безопасность Оттоманской империи; другим государствам, расположенным по берегам Чёрного моря, будут предоставлены такие же права». Обе стороны решили не возражать, если Болгария объявит о прекращении своей вассальной зависимости от турецкого султана. Эренталь уверял в своём отчёте о переговорах в Бухлау, будто он сказал Извольскому, что аннексия Боснии и Герцеговины может быть провозглашена Австрией уже в начале октября. «Во всяком случае он будет мною своевременно предупреждён об этом», — так передаёт сам Эренталь содержание тех заверений, которые он дал Извольскому, Этого обещания Эренталь не выполнил. Даже из записи Эренталья совершенно ясно, что Извольский потребовал компенсаций для Сербии и Черногории за счёт Австро-Венгрии. Эренталь отклонил это требование. Извольский поставил и вопрос о созыве международной конференции для оформления намеченного пересмотра Берлинского трактата. По обоим этим вопросам — о компенсациях для Сербии и о конференции — в Бухлау не было достигнуто ясной договорённости, но несомненно, что Извольский выдвигал эти требования как предпосылки своего согласия на аннексию Боснии и Герцеговины.

Из Бухлау Извольский отправился в круговую поездку по Европе, чтобы получить и от других держав такое же согласие на изменение режима проливов, какого он только что добился от Эренталья. 26 сентября Извольский встретился в Берхтесгадене с Шёном, статс-секретарём германского ведомства иностранных дел. Извольский заявил Шёну, что хотя Россия очень хотела бы открыть проливы для своих военных кораблей, но сейчас момент неподходящий для того, чтобы немедленно же поднимать вопросы, поставленные в Бухлау. Так, например, провозглашение независимости Болгарии может вызвать турецко-болгарскую войну. В случае, если Болгария будет разбита, России придётся её защищать, а между тем она не расположена втягиваться в войну. С другой стороны, Россия не может допустить и захвата Константинополя болгарскими или греками в случае поражения Турции. Шён в мало обязывающих выражениях дал понять русскому министру, что Германия не будет возражать против открытия проливов, но в свою очередь потребует за это компенсаций.

Из Берхтесгадена Извольский отправился в Дезио. Там он встретился с итальянским министром иностранных дел Титтони. Извольский заявил ему, что согласие России на аннексию Боснии и Герцеговины обусловлено одновременным разрешением вопроса о проливах и компенсацией Сербии и Черногории. Проект аннексии Боснии привёл Титтони в ярость. Что же касается русских планов в отношении проливов, то к ним Титтони отнёсся по существу положительно: он лишь поставил условием, что Россия в свою очередь даст своё согласие на захват Триполи Италией. Некоторое время спустя Титтони заявил в Парламенте, что в Дезио была достигнута полная согласованность русской и итальянской точек зрения. Так состоялся заговор империалистических держав против младотурецкой Турции в целях её частичного раздела. С гениальной пронизательностью, по отрывочным данным, проникавшим в прессу, В. И. Ленин разоблачил на страницах партийной печати «состоявшееся уже предварительно соглашение в коренном, т. е. в выступлении против младотурецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах». Таким образом, не имея в ту пору почти никаких документов, Ленин вскрыл основы соглашения, состоявшегося при свиданиях Извольского с Эренталем, Шёном и Титтони.

Из Дезио Извольский направился во Францию. Подъезжая к Парижу, он на одной из станций вышел из вагона и купил свежие газеты. Из них он с изумлением узнал, что Австро-Венгрия не сегодня-завтра объявит об аннексии Боснии и Герцеговины. И действительно, 6 октября был обнародован рескрипт императора Франца-Иосифа на имя Эренталья о присоединении Боснии и Герцеговины к австро-венгерской монархии. Очевидно, Эренталь решил поставить Извольского и весь мир перед совершившимся фактом. Извольский понял, что Эренталь его обошёл. Правда, он обещал России свободный проход через проливы; это было дороже, чем превращение бессрочной оккупации двух турецких провинций в их аннексию. Однако Извольскому нужно было ещё много похлопотать для получения своей доли австро-русской сделки; между тем Эренталь уже держал в руках австрийскую часть добычи.

В Париже Извольского ожидали новые неприятности. Правда, французский министр иностранных дел Пишон на словах сочувственно отнёсся к русским планам. Однако он не выказал

ни малейшего желания активно помочь их осуществлению. Что было особенно важно, он тут же подчеркнул необходимость согласия Англии. Извольский двинулся в Лондон.

Но там он встретил решительный отказ. Грей заявил, что не исключает возможности пересмотра статута проливов; однако момент для обсуждения этого вопроса ещё не наступил. Грей ссылаясь на английское общественное мнение. Оно-де недовольно русской политикой в Персии. В действительности позиция Грея объяснялась проще. Младотурецкая революция сулила усиление английского влияния в Константинополе. Английская дипломатия рассчитывала, что теперь она легче сможет оторвать Турцию от Германии. При таких условиях в Лондоне полагали, что поднимать вопрос о проливах несвоевременно. Да и вообще английская дипломатия не собиралась даром дать России своё согласие на изменение правового режима проливов. Грей сказал, что англичане охотно пошли бы на открытие проливов для всех держав, т. е. чтобы и Англия могла вводить свой флот в Чёрное море.

После свидания с Греем Извольский потерял надежду добиться своей цели в отношении проливов. Но он решил в таком случае либо заставить и Австро-Венгрию отказаться от своей добычи, т. е. от аннексии Боснии и Герцеговины, либо же добиться компенсаций для Сербии. В этом он встретил горячую поддержку со стороны Грея. Руководитель английской дипломатии полностью разделял возмущение Извольского по поводу политических приёмов Эренталля. Грей тотчас уведомил венское правительство, что «нарушение или изменение условий Берлинского трактата без предварительного согласования с другими державами, из которых Турция в данном случае затронута больше всех, никогда не может быть ни одобрено, ни признано правительством его величества». Король Эдуард VII ещё яснее выразил своё мнение. Он заявил австро-венгерскому послу, что аннексия наносит удар новому турецкому режиму. Это, конечно, весьма приятно немцам: ведь захватом Боснии австрийцы как бы показывают Турции, что пока султан дружил с ними и с немцами, он был застрахован от таких вероломных актов насилия, как односторонняя отмена международного договора.

Когда Извольский изложил Грею план созыва конференции участников Берлинского трактата для принятия решения по поводу самочинных действий Австро-Венгрии, английский министр живо подхватил эту мысль. С помощью конференции он, во-первых, мог ущемить союзника Германии. Во-вторых, он оказывал услугу России, чем надеялся смягчить неприятное впечатление, созданное в Петербурге его позицией по вопросу о проливах. Наконец, в-третьих, он надеялся привлечь на свою сторону Турцию, по меньшей мере добыв ей какие-либо компенсации за отнятые провинции. Поэтому Грей горячо поддержал проект международной конференции.

В борьбе с Эренталем Извольский мог опереться и на Сербию. Там поднялась волна национального протеста против захвата Австрией населённых сербами областей. Извольский ободрял сербов, обещая им помочь добиться компенсаций; однако тут же он предупреждал, что сейчас необходимо избежать войны, но Россия ещё не оправилась от понесённого ею поражения.

Турции возмущение против Австрии было не меньше, чем Сербии. Турки начали бойкот австрийских товаров.

Извольский не отрицал, что дал Эренталю согласие на аннексию. Но он утверждал, что обусловил этот акт предварительным созывом международной конференции. Поскольку аннексия Боснии и Герцеговины нарушает Берлинский трактат, постольку, заявлял Извольский, согласия одной России недостаточно; необходимо добиться того же от всех держав, участвовавших в Берлинском конгрессе. Извольский уже выработал и программу конференции. Любопытно, что о статуте проливов он там даже не упомянул.

Франция в вопросе о конференции пошла за Англией и Россией. Италия также поддерживала Антанту, не желая допустить усиления Австро-Венгрии.

Выяснилось, что Эренталь обманул не одного только Извольского. Титтони тоже стал жертвой недобросовестности австрийского министра. Извещая Титтони об аннексии обеих турецких провинций, Эренталь сослался на переговоры, которые он незадолго перед тем вёл с Титтони в Зальцбурге. В своём ответе Титтони резко и решительно опроверг утверждение Эренталля, будто в Зальцбурге он дал австрийскому министру согласие Италии на аннексию. «При наших переговорах в Зальцбурге, — писал Титтони, — вы мне сказали, что с вашей точки зрения проблема Боснии и Герцеговины должна быть разрешена между Австро-Венгрией и Турцией, не нося международного характера. Но вы не сообщили мне о вашем намерении осуществить аннексию. Я не считал её ни вероятной, ни близкой и поэтому не высказывался на этот счёт».

Австро-Венгрия официально заявила, что отказывается передать вопрос об аннексии на международное обсуждение. Австрийское правительство поясняло, что могло бы пойти на созыв конференции лишь при том условии, если бы все её участники заранее обязались не возражать против совершённого им акта. Германия безоговорочно поддерживала Австрию. 8 декабря Бюлов объявил это публично. Он известил австро-венгерское правительство, что в случае осложнений оно может твёрдо рассчитывать на помощь Германии. В инструкциях, 28 октября 1908 г. преподанных Бюловым германскому послу в Петербурге, указывалось, что неудачи русской политики являются следствием поворота России в сторону Англии. Эта инструкция

свидетельствует о том, что Германия преследовала ту же цель, которую с самого начала имел в виду и Эренталь: оторвать Россию от Антанты, дав ей почувствовать, какие тяжёлые удары может ей нанести Германия. То было повторением приёмов германской дипломатии в отношении Франции в дни марокканского кризиса. Пурталес достаточно откровенно высказал Извольскому, что антирусская позиция Германии является последствием присоединения России к Антанте. Россия, выбирая между Германией и Антантой, склонилась на сторону последней. Это её дело. Но пусть не удивляется, если Германия сделала из этого свои выводы. Вильгельм II на донесении Пурталеса об этой беседе сделал пометку; «Наконец-то Извольский услышал правду».

На антиавстрийское движение, поднявшееся в Сербии, Австро-Венгрия ответила военными приготовлениями. Это произошло в декабре 1908 г. Одно время можно было опасаться, что Австрия нападёт на Сербию. Конрад фон Гетцендорф с большой откровенностью рассказал о том, как протекали события.

«4 и 17 января 1909 г., — повествует он, — у меня были совещания с бароном Эренталем.

На первом совещании барон Эренталь присоединился к моему мнению, что конфликт с Сербией должен быть решён силой оружия. Ведь через каких-нибудь 2 — 4 года Россия и Италия будут в состоянии прийти сербам на помощь. Тогда мы можем оказаться вовлечёнными в войну с Россией, с Италией и на Балканах одновременно. Этого во что бы то ни стало надо избегать.

Однако на совещании 17 января Эренталь совершенно изменил своё мнение, заявив, что присоединение Сербии неосуществимо, так как мы не в состоянии переварить Сербию; он сказал, что задачей его политики является только всестороннее обеспечение аннексии Боснии и Герцеговины.

Он добавил, что дальнейшее могут сделать его преемники. Барон Эренталь не принял при этом во внимание, что не может быть и речи об обеспечении аннексии до тех пор, пока Сербия продолжает существовать в качестве второго Пьемонта. У меня не было никаких сомнений в том, что он изменил своё мнение под влиянием венгерских кругов. Последние противились присоединению к монархии новых южнославянских областей, из страха, что это создаст опасный противовес мадьярскому элементу. Такая точка зрения постоянно и упорно отстаивалась с венгерской стороны и в последующие годы, в особенности графом Тиссой».

В уговду венграм Эренталь выдвинул план раздела Сербии между Австрией, Болгарией и Румынией.

К этому времени в Турции произошли новые перемены. Киамиль-паша был устранён от власти. 26 февраля 1909 г. австрийской дипломатии с германской помощью удалось добиться крупного успеха. Состоялось соглашение с турецким правительством. За 2,5 миллиона фунтов стерлингов Турция отказалась от своего номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной. За это Австро-Венгрия в свою очередь отказывалась от оккупации Ново-Базарского санджака, право на которую было ей предоставлено Берлинским конгрессом. Австрия давала также своё согласие на повышение турецких пошлин и на отмену режима капитуляций. Однако обе последние уступки приобретали силу лишь после того, как все остальные заинтересованные державы изъявят на это своё согласие. А до этого было ещё далеко.

Между тем возбуждение в Сербии и в России всё возрастало. Военные мероприятия Австрии и протесты Сербии сопровождались ожесточённой австро-русской полемикой в прессе и в дипломатической переписке. Положение настолько обострилось, что 17 марта в Петербурге в Совете министров поставлен был на обсуждение вопрос о возможности войны. Министры и на этот раз пришли к выводу, что Россия не готова и воевать не может. Однако именно ввиду неподготовленности России в Австро-Венгрии усиливалось течение в пользу превентивной войны против Сербии. В своих мемуарах Конрад фон Гетцендорф достаточно откровенно, без дипломатических околичностей обосновывал необходимость войны. «Корнем всех зол для Австро-Венгерской монархии, — писал начальник генерального штаба, — были её отношения с Сербией и стоящей позади Сербии Россией... Всё остальное имело второстепенное значение. Путь, который я себе всегда представлял, заключался прежде всего в достижении мирными средствами длительного государственного объединения Сербии с Габсбургской монархией. Если бы Сербия, однако, отклонила объединение и продолжала бы питать свои, враждебные монархии, замыслы, что и имело место, то тогда выходом должно было бы явиться военное разрешение вопроса в соотвествующий момент. Я указывал на это уже в 1906 г., при моём назначении начальником генерального штаба; в 1908 — 1909 гг. я считал момент подходящим для внесения ясности во взаимоотношения с Сербией, имея в виду, что с течением времени шансы неизбежного расчёта с ней будут (для Австрии) лишь ухудшаться».

Германия подстрекала Австрию, поддерживая партию эрцгерцога и Конрада фон Гетцендорфа. В январе—марте 1909 г. состоялся обмен письмами между начальниками германского и австрийского генеральных штабов Мольтке (младшим) и Конрадом фон Гетцендорфом. В этих письмах австро-германский договор 1879 г. получил новое истолкование, в своё время решительно отвергнутое Бисмарком. Мольтке с ведома и согласия канцлера Бюлова значительно расширил германские обязательства. Он обещал Австро-Венгрии, что Германия будет считать за *casus*

foederis даже и такой австро-русский конфликт, который будет вызван не прямым нападением России на Австрию, а хотя бы вмешательством России в австро-сербские осложнения. Вот что Мольтке писал 21 января:

«Необходимо иметь в виду, что может наступить такой момент, когда придёт конец долготерпению монархии (Австро-Венгерской) по отношению к сербским провокациям. Тогда ей не останется иного выхода, кроме вторжения в Сербию. Я полагаю, что лишь такое вторжение может вызвать активное выступление России. В этом случае для Германии наступит casus foederis».

В том же письме Мольтке предвидит почти неизбежное вмешательство Франции в войну Германии и Австрии против России. В переписке Мольтке с Конрадом фон Гетцендорфом намечался общий стратегический план войны против Франции, России и Сербии с учётом различных вариантов возможного поведения Италии. По существу этот обмен письмами между начальниками генеральных штабов был равносильным военной конвенции. Оба кайзера — Вильгельм и Франц-Иосиф, оба министра — Эренталь и Бюлов — одобрили все условия, изложенные в письмах начальников генеральных штабов.

20 февраля Эренталь известил Бюлова, что мобилизация и выступление против Сербии намечены на середину марта. Сербии будут предъявлены требования: отказаться от притязаний на компенсации, от протеста против аннексии и дать заверения, что она не питает агрессивных замыслов против Австро-Венгрии. Если Сербия не удовлетворит этих требований, Австрия вручит ей ультиматум, а в случае его отклонения последует война. Эренталь указывал, что огромное значение будет иметь воздействие из Берлина на Петербург.

Поддерживая Австро-Венгрию, Бюлов думал не только об укреплении союза с ней. Он рассчитывал, что Россия не устоит перед его угрозами, уступит и тем самым продемонстрирует свою слабость. Германское правительство надеялось таким путём ослабить влияние России на Балканах и в Турции. И так, боснийский вопрос перерастал в борьбу великих держав за преобладание на Ближнем Востоке.

21 марта 1909 г. Бюлов поручил своему послу в Петербурге графу Пурталесу потребовать от Извольского ясного ответа: готова ли Россия безоговорочно согласиться на отмену параграфа 25 Берлинского трактата, признать аннексию Боснии и Герцеговины и добиться того же от Сербии, или же намерена упорствовать и дальше. «Вы должны, — писал Бюлов послу, — в твёрдой форме заявить Извольскому, что мы ожидаем точного ответа — да или нет». Уклончивый или неясный ответ будет рассматриваться как отказ. В случае же такового, угрожающе добавлял Бюлов, Германия «устранится», т. е., иначе говоря, предоставит Австро-Венгрии напасть на Сербию. «Ответственность за все дальнейшие события, — заключал Бюлов, — падёт тогда исключительно на г. Извольского». Если Извольский будет продолжать настаивать на созыве конференции, то Германия сочтёт это за попытку затянуть ответ, равносильную отклонению германского «предложения».

22 марта Пурталес предъявил эти требования Извольскому. Форма их напоминала ультиматум. В тот же день, 22 марта, Австро-Венгрия объявила «состояние тревоги» для 7-го и 43-го корпусов.

Извольский ответил Пурталесу, что раньше, чем дать столь серьёзный ответ, он обязан доложить царю. Министр ясно видел, что перед ним поставили альтернативу: или уступка, или австрийское вторжение в Сербию. В тот же день после доклада Извольского Николай II телеграфировал кайзеру, что Россия принимает германские требования.

Так царское правительство капитулировало перед германским шантажем. 29 марта в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация пяти корпусов. 31 марта 1909 г. сдала свои позиции и Сербия. Она сочла себя вынужденной заявить, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает её прав. Германская дипломатия торжествовала.

Однако её победа была в значительной мере лишь кажущейся. Несмотря на то, что временная слабость России была продемонстрирована перед балканскими народами, русское влияние в Сербии подорвано не было. Это понятно: Сербии негде было искать поддержки, кроме как у России и её союзницы Франции. Ещё важнее было другое. Грубое вмешательство Бюлова в пользу Австро-Венгрии до крайности обострило отношения между Германией и Россией. Разумеется, это было отнюдь не безопасно для победительницы.

Русская дипломатия не замедлила взять свой реванш. В октябре 1909 г. в Италии, в Раккониджи, состоялось свидание Николая II с итальянским королём Виктором ом-Эммануилом III. Здесь Извольский и Титтони оформили ту сделку, основы которой были намечены ещё в Децио. Россия и Италия договорились совместно противодействовать австрийской экспансии на Балканах. На дипломатическом языке это было выражено следующим образом:

«1. Россия и Италия должны стремиться в первую очередь сохранить status quo на Балканском полуострове.

- При всех случайностях, могущих возникнуть на Балканах, они должны придерживаться применения национального принципа, содействуя развитию балканских государств в целях устранения всякого иностранного преобладания.

- Обе стороны обязуются сообща противодействовать всем противоположным стремлениям».

Далее, Италия обязывалась «относиться благожелательно к интересам России в вопросе о проливах». Со своей стороны царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике». Соглашение в Раккониджи осталось секретным. Оно было симптомом дальнейшего отхода Италии от Тройственного союза.

Смотреть карты

Инцидент в Касабланке.

В 1908 г. произошло новое обострение марокканского вопроса. Франция использовала Алхесирасский акт, чтобы постепенно прибрать Марокко к рукам. В предложениях недостатка не было. Брат марокканского султана Мулай-Гафид поднял мятеж и захватил марокканский престол. При происшедших беспорядках был убит один французский подданный. Это событие явилось поводом для оккупации французскими войсками смежных с Алжиром областей Марокко. Несколько позже, в августе 1908 г., французы оккупировали порт Касабланку с прилегающей территорией.

Видя, что Франция понемногу захватывает Марокко, дипломатия Бюлова не оставалась в бездействии. 25 сентября 1908 г. в Касабланке произошёл крупный инцидент. Местный германский консул устроил побег 6 дезертиров из французского иностранного легиона. В момент, когда беглецы садились на готовый к отплытию пароход, они были схвачены французами; произошла свалка, в которой пострадал секретарь германского консульства. Германская дипломатия предъявила французскому правительству требование освободить трёх германских подданных, которые при этом были задержаны французскими оккупационными властями. Она потребовала, далее, извинения за насилие, якобы учинённое над персоналом консульства. Французское правительство решительно отвергло эти дерзкие домогательства. Казалось, что конфликт между Германией и Францией неизбежен. Но момент оказался неподходящим. Боснийский кризис был в разгаре; Австро-Венгрия боялась толкнуть западные державы на активную поддержку России. Под нажимом Австро-Венгрии немецкая дипломатия вынуждена была пойти на уступки. В ноябре Германия согласилась на передачу касабланкского дела в Гаагский трибунал. Спустя некоторое время трибунал вынес решение, в основном благоприятное для Франции.

Вскоре после касабланкского инцидента между Францией и Германией начались переговоры по марокканскому вопросу. 9 февраля 1909 г. сторонами было достигнуто соглашение. Франция обещала обеспечить германским подданным равенство прав в отношении коммерческой и промышленной деятельности в Марокко. В обмен за это Германия заявила, что преследует в Марокко «только экономические интересы»; за Францией она признала там «особые политические интересы, тесно связанные с укреплением порядка и внутреннего мира». После заключения этого соглашения в Марокко временно установилось сотрудничество германских фирм с представителями французского капитала.

Смотреть карты

Потсдамское свидание.

В 1910 г. Извольский в результате понесённых им неудач покинул министерский пост и был назначен послом в Париж. Его заменил Сазонов, родственник Столыпина и его доверенное лицо.

Сазонов начал свою деятельность с попытки улучшить отношения с Германией, дабы выиграть время для восстановления сил русской армии и флота. Серьёзные конфликты с Англией в Персии, равно как и недостаточность англо-французской поддержки в вопросе о проливах влекли Россию к сближению с немцами.

В Германии тоже произошла смена политического руководства. В 1909 г., вскоре после ликвидации боснийского кризиса, Бюлов ушёл в отставку. На его место был назначен Бетман-Гольвег. Трудно было сделать менее удачный выбор. Положение Германии было не из лёгких. Своей вызывающей политикой она задевала и Россию и Англию. Этим она поставила себя в изолированное положение, если не считать союза с Австро-Венгрией. В такой обстановке стране нужен был гибкий дипломат, способный подготовить более благоприятные условия для предстоящей борьбы за передел мира. Вместо этого во главе правительства был поставлен посредственный бюрократ. Новый канцлер был усердным и знающим чиновником. Но он был человеком среднего ума. Отличительными его чертами были педантизм и отсутствие эластичности. Бетман был лишён политического чутья и при этом чрезвычайно нерешителен. Он вечно колебался. «Сегодня папа менял своё решение всего лишь три раза», — иронически заметил однажды его сын. За спиной Бетмана внешней политикой Германии руководил статс-

секретарь иностранного ведомства Кидерлен-Вехтер. Он являлся прямой противоположностью своему шефу. Если Бетман был нерешителен и робок, то Кидерлен не останавливался перед самыми дерзкими приёмами внешней политики. Бетман был педантом и формалистом, Кидерлен никогда не смущался перед юридическими затруднениями. Обладая известной гибкостью, Кидерлен, однако, был чересчур груб, заносчив и неосторожен, чтобы стать крупным дипломатом. Нового канцлера он презирал; он прозвал Бетман-Гольвега «земляным червём» — в отличие от Бюлова, которого за изворотливость величал «вьюном».

В ноябре 1910 г. Николай II в сопровождении Сазонова прибыл в Германию. В Потсдаме состоялись переговоры между новыми руководителями внешней политики обеих стран. Кидерлен сделал очередную попытку оторвать Россию от Антанты. Он заверял Сазонова, что Германия отнюдь не намеревается поддерживать дальнейшие агрессивные замыслы Австрии на Балканском полуострове. Багдадскую дорогу Кидерлен изображал как чисто коммерческое предприятие; наконец, он обещал не чинить России препон и в северной Персии, куда в последние годы усиленно начал проникать немецкий капитал. Сазонов со своей стороны обещал не препятствовать немцам в сооружении ветки Багдадской железной дороги к Ханекену, находящемуся на турецко-персидской границе. Бетман составил проект русско-германского договора. Кроме соглашения по перечисленным персидским и турецким вопросам канцлер предлагал включить в договор взаимное обязательство России и Германии не принимать участия в каких-либо враждебных друг другу политических группировках. Ясно, что принятие такого обязательства означало бы отход России от Антанты.

Сазонов не решился подписать Потсдамское соглашение. Он взял проект с собой в Россию. Вернувшись в Петербург, министр прибег к замысловатому дипломатическому приёму: он дал интервью представителю газеты «Новое время», связанной с министерством иностранных дел. В этом интервью Сазонов постарался свести к минимуму свои уступки Германии очевидно, с расчётом укрепить своё собственное положение в России, а также попытаться кое-что добавочно выторговать у немцев. Сазонов объяснял германскому послу Пурга лесу, что без некоторого преуменьшения русских уступок он не может отстаивать соглашение перед русским общественным мнением. В самом деле, сообщения о проектируемом соглашении с Германией вызвали целую бурю в московских торгово-промышленных кругах: там опасались, что по новой железной дороге в Персию устремится поток немецких товаров, которые вытеснят русские фабрикаты с прибыльного персидского рынка. Были у Сазонова и другие опасения. Он не решался поставить свою подпись под соглашением, которое заключало фактический отказ от Антанты. Вот почему он намеренно затягивал переговоры, давая Пурталесу уклончивые ответы.

Внезапно Бетман выступил в Рейхстаге с заявлением, что в Потсдаме Россия и Германия обещали не принимать участия во враждебных друг другу комбинациях. Этим провокационным выступлением германский канцлер лишь повредил своему делу. Его заявление встревожило и Лондон и Париж. Вновь назначенный в Петербург британский посол сэр Джордж Бьюкенен при вручении верительных грамот выразил царю тревогу по поводу потсдамских переговоров. По своему обыкновению Николай II поспешил заверить посла, что Россия не заключит соглашения с Германией, не ознакомив с ним предварительно британского правительства.

Было ясно, что общеполитического договора с Германией Сазонов не подпишет. Убедившись в этом, немцы решили удовольствоваться соглашением относительно Персии и Багдадской дороги. Английская дипломатия попыталась было сорвать и эти переговоры. Ей ревностно помогал царский посол в Лондоне граф Бенкендорф. На русскую политику он всегда смотрел глазами Форейн офис. И в данном случае он пугал Сазонова, уверяя, что Грей порвёт договор Антанты, если русское правительство пойдёт на сепаратное соглашение о немецком железнодорожном строительстве в Турции.

Сазонов не поддался паническим внушениям Бенкендорфа. Он продолжал переговоры с Бетманом о русско-германском соглашении по турецким и персидским вопросам. 19 августа 1911 г. оно было подписано.

Согласно статье 1-й Германия обязывалась не добиваться концессий в Персии в пределах русской сферы влияния. За это Россия обещала не препятствовать постройке Багдадской железной дороги (статья 3), но согласия на повышение турецких таможенных пошлин в договоре не содержалось. Русское правительство заявляло, что как только немцами будет закончена постройка ветки от Садидже на Багдадской дороге до Ханекена на турецко-персидской границе, оно тотчас же испросит у персов концессию на постройку продолжения этой линии от Ханекена до Тегерана (статья 2). Русская дипломатия упорно добивалась, чтобы сама Германия обязалась не строить железных дорог к северу от Багдадской дороги и от линии Садидже — Ханекен, т. е., иначе говоря, вблизи русской границы. Но пока ей пришлось удовольствоваться лишь устным обещанием на этот счёт германского кайзера и его правительства. Соглашение было выгодно для Германии, поскольку Россия отказывалась от противодействия сооружению Багдадской дороги и открывала путь для германского экспорта в Персию по линии Садидже — Ханекен — Тегеран. Всё же главной цели Кидерлен не достиг: оторвать Россию от Антанты ему так и не удалось.

Смотреть карты

Агадир.

Окончание русско-германских переговоров совпало с новым, уже третьим по счёту, обострением марокканской проблемы.

Весной 1911 г. вспыхнуло восстание в окрестностях столицы Марокко — Фецца. Воспользовавшись этим, французы под предлогом восстановления порядка и защиты французских подданных в мае 1911 г. оккупировали Фец. Стало ясно, что Марокко переходит под власть Франции.

Среди германских империалистов зрело убеждение, что вся марокканская политика Германии, начиная с Танжера, была ошибочной. Наиболее крайние империалистические круги уже начинали открыто нападать на своё правительство. Правительство Вильгельма II оказалось весьма чувствительным к этой критике. Оно решило попытаться поправить дело: получить от французов часть Марокко или в крайнем случае взять за переход Марокко к Франции хорошую плату, которую ещё в 1905 г. предлагал немцам Рувье. Тогда Бюлов отказался от такой сделки, рассчитывая, что достигнет большего. Теперь в Берлине спохватились и Весьма об этом сожалели.

Французы ещё в апреле предупреждали германское правительство, что для защиты европейцев они, возможно, временно введут свои войска в Фец. Кидерлен не протестовал; он только ядовито заметил, что не сомневается в лояльности Франции, но что «события часто бывают сильнее, чем это представляется». Они иногда приводят к последствиям, которых люди не предвидят. Кидерлен добавил, что если французские войска останутся в столице, о независимости марокканского султана, конечно, говорить уже не придётся. Следовательно, и Алхесирасский трактат фактически утратит силу. Тогда и Германия не будет считать себя больше связанной трактатом и возвратит себе свободу действий.

Вслед за тем Кидерлен предложил кайзеру оккупировать марокканские гавани Агадир и Могадор; заручившись этим приобретением, можно будет спокойно выжидать, что предложат французы. «Оккупация Фецца, — писал Кидерлен, — подготовила бы поглощение Марокко Францией. Мы ничего не достигли бы протестами и потерпели бы благодаря этому тяжкое моральное поражение. Поэтому нам следовало бы обеспечить себе для предстоящих переговоров такой объект, который склонил бы французов к компенсациям. Если французы водворятся в Фецце из «опасения» за своих соотечественников, то и мы вправе охранять наших соотечественников, которым угрожает опасность. У нас имеются крупные немецкие фирмы в Могадоре и Агадире. Немецкие корабли могли бы направиться в эти гавани для охраны этих фирм. Они могли бы совершенно спокойно оставаться там лишь для предотвращения предварительного проникновения других держав в эти важнейшие гавани южного Марокко». «Обладая таким залогом, мы могли бы спокойно следить за дальнейшим ходом событий в Марокко и ждать, не предложит ли нам Франция подходящих компенсаций в своих колониях, в обмен за что мы покинем обе эти гавани».

Вильгельм II принял этот план.

Первые недели после захвата Фецца берлинское правительство хранило загадочное молчание. Зато немецкая пресса бесновалась: она требовала то самых широких компенсаций в других колониях, то прямого раздела Марокко. Поведение Германии не могло не волновать Парижа. Французская дипломатия, как и в 1905 г., стала осторожно сама заговаривать с Германией о компенсациях, например о постройке железной дороги из Германского Камеруна к реке Конго. Особенно добивался франко-германского соглашения министр финансов Кайо, вскоре ставший председателем Совета министров. Через неофициального агента, директора пароходной компании в Конго Фондере, заинтересованного в сотрудничестве с немецким капиталом, Кайо предлагал немцам часть территории "Французского Конго. Чтобы продемонстрировать свою «незаинтересованность» в этих комбинациях, Кидерлен 15 мая уехал в месячный отпуск на курорт. Во время этого «отпуска» он разрабатывал план оккупации Агадира. Французский посол в Берлине Жюль Камбон, желая выяснить позицию Германии, решил отправиться к Кидерлену в Киссинген. Беседа с министром состоялась 21 июня. Камбон искал соглашения, говорил о компенсациях, но не скрыл от Кидерлена, что о прочном утверждении немцев в Марокко не может быть и речи. Кидерлен отмалчивался, давая понять, что ждёт конкретных предложений. «Привезите нам что-нибудь из Парижа», — сказал он, расставаясь с Камбоном, который собирался поехать во Францию.

Не дожидаясь возвращения Камбона, Кидерлен решил по-настоящему припугнуть французов. 1 июля 1911 г. в Агадир прибыла германская канонерская лодка «Пантера». Следом за ней в марокканские воды шёл лёгкий крейсер «Берлин». «Прыжок „Пантеры“» взволновал весь мир. То была дерзкая провокация, которая уже пахла порохом.

9 июля напуганный Камбон снова явился к Кидерлену. Посол только что прибыл из Парижа. В донесении об этой встрече Кидерлен отметил, что у Камбона был встревоженный вид. Поздоровавшись, оба сели. Воцарилось молчание. Его прервал Камбон:

«— Ну, как? — спросил посол.

- Что нового? — как ни в чём не бывало осведомился Кидерлен.
- Вы имеете мне что-либо сказать? — повторил Камбон свой вопрос.
- Нет, мой дорогой посол, — продолжал издеваться Кидерлен.

— Я тоже, — вспыхнул Камбон».

Вновь последовало тягостное молчание.

Так как Кидерлен не произносил ни слова, Камбон опять заговорил первым. Он заявил, что появление в Агадире «Пантеры» его крайне изумило. Кидерлен развязно ответил, что если французы охраняют своих подданных в Феце, то и немцы могут это делать в Агадире. Вообще же он советует лучше не сетовать на прошлое, а говорить о будущем. Камбон предложил продолжить разговор о компенсациях. Он назвал несколько возможных объектов: вопросы железнодорожного строительства в Турции, расширение немецкого участия в управлении Османского долга и т. д. Кидерлен пренебрежительно отклонял все эти «мелочи».

Разговор затянулся. Оба дипломата порой умолкали: ни один из них не хотел первым выступить с окончательным предложением. Наконец, в качестве возможного объекта компенсации было названо Французское Конго. Кидерлен дал понять, что об этом стоит поговорить. Но дальше этого разговор не пошёл. Осталось неясным, чего именно хочет Германия в Конго и какую долю готова предложить ей там Франция. Всё же Камбон понял, что на самое Марокко Германия не претендует и готова предоставить там Франции *carte blanche*, по буквальному заявлению Кидерлена, Ко времени своей беседы с Камбоном Кидерлен уже знал, что Англия не допустит водворения Германии по соседству с Гибралтаром. Вероятно это обстоятельство и повлияло на его позицию. 15 июля Кидерлен, наконец, заявил Камбону, что Германия должна получить всё Французское Конго целиком. По сообщению Кидерлена Бетману, Камбон от ужаса и изумления «едва не упал навзничь». Французское правительство полагало, что от немецких вымогателей можно отделаться, бросив им какие-нибудь клочки своей колониальной добычи. Овладев собой, Камбон заявил, что отдать всё Конго Франция не может. После этого Кидерлен сообщил Бетману, что «для достижения благоприятного результата, очевидно, придётся выступить весьма энергично».

В этот момент на арене дипломатической борьбы появилась Англия. Ещё в начале июля Грей предупредил германского посла, что Англия не допустит утверждения Германии на западном побережье Марокко. 21 июля по поручению кабинета канцлер казначейства Ллойд Джордж публично выступил по марокканскому вопросу. Он заявил, что Англия не позволит решать этот вопрос без её участия. «Я готов, — продолжал Ллойд Джордж, — на величайшие жертвы, чтобы сохранить мир... Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранён только путём отказа от той значительной и благотворной роли, которую Великобритания завоевала себе столетиями героизма и успехов; если Великобританию в вопросах, затрагивающих её жизненные интересы, будут третировать так, точно она больше не имеет никакого значения в семье народов, тогда — я подчёркиваю это — мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша». Эти слова оказали желаемое действие. Речь Ллойда Джорджа вызвала вопли ярости в немецкой шовинистической печати. Но она напугала германское правительство. Бетман сообщил англичанам, что Германия вовсе и не претендует на западное побережье Марокко. С французами он повёл переговоры о компенсациях более скромного масштаба. После долгой торговли, в ноябре 1911 г., было, наконец, подписано франко-германское соглашение. Германия безоговорочно признавала Марокко находящимся под протекторатом Франции; в обмен она получала лишь часть Французского Конго. Вместо большой и ценной колонии Германии пришлось удовольствоваться некоторым пространством тропических топей. Получилось, что немецкие империалисты подняли шум на весь мир, и только для того, чтобы в конце концов, испугавшись, удовольствоваться «клочком болот», по пренебрежительному выражению французского премьера Кайо.

Пожалуй, ни один международный кризис предшествовавших лет не вызывал такой волны шовинизма во всех странах, как агадирский инцидент. В Германии и пресса, и правительство, и кайзер пылали ненавистью к Англии. В Рейхстаге сообщение канцлера о договоре с Францией было встречено гробовым молчанием. Германские империалисты обвиняли своё правительство в трусости и неспособности отстаивать интересы Германии. В той же атмосфере шовинизма выдвинулась во Франции кандидатура Пуанкаре, ставшего в начале 1912 г. премьером, а затем и президентом республики. Главной целью нового президента была подготовка войны против Германии ради возвращения Эльзаса и Лотарингии. Такое же действие оказал агадирский кризис и на Англию, где усилилась антигерманская агитация. Одним из важнейших последствий Агадира была целая серия мероприятий по усилению вооружений, проведённых всеми великими

державами с начала 1912 г. по лето 1914 г. Впереди всех в этой гонке вооружений шла Германская империя.

Смотреть карты

Итало-турецкая война.

С 1911 г. военная опасность грозной тучей непрерывно висит над Европой. Не успевает разрешиться один кризис, как уже возникает другой.

Действительно, едва миновал напряжённейший момент марокканского конфликта, как Италия начала захватническую войну против Турции. Итальянский империализм давно стремился наложить руку на Триполи. Эта пустынная область имеет серьёзное стратегическое значение: вместе с Сицилией она командует над сравнительно узким местом Средиземного моря. Правда, значение Триполи для Италии умалялось английским владычеством над Мальтой и французским — над Тунисом. Тем не менее итальянские империалисты рассматривали Триполи как исходный плацдарм для дальнейшей экспансии. Римский банк, связанный с Ватиканом, также имел в Триполи серьёзные интересы. Война за эту область и была вызвана ближайшим образом «корыстью итальянских финансовых тузов».

Ещё в 1900 г. Италия заручилась согласием Франции на захват Триполи и Киренаики. Широкий подкуп французской прессы немало способствовал обеспечению благожелательной позиции Франции. В 1909 г. в Ракониджи Италия добилась того же и от России. Итальянские империалисты рассчитывали, что Германия и Австро-Венгрия также не станут им противодействовать и предадут интересы покровительствуемой ими Турции. Истинные отношения Германии к Турции хорошо вскрыл русский поверенный в делах в Константинополе Свечин: «Когда в боснийском конфликте Германия оказалась в необходимости высказаться недвусмысленно между Турцией и Австро-Венгрией, она не могла не стать на сторону последней. Если бы ход событий поставил её перед необходимостью такого же выбора между Италией и Турцией, едва ли может быть сомнение в том, что перевес окажется на стороне Италии».

Итальянская дипломатия выжидала момента, когда её предположения превратятся в полную уверенность в нейтралитете других держав. Такой момент наступил при вспышке агадирского кризиса. Германия, Франция и Англия поглощены были взаимной распрей. Ясно было, что в эту минуту им не до Триполи и что Италия может действовать.

28 сентября итальянское правительство почти без предисловий направило Порте ультиматум. То был один из поразительнейших по цинизму документов. Он начинался с заявления, что Турция держит Триполи и Киренаику в состоянии беспорядка и нищеты. Далее шли жалобы на противодействие турецких властей итальянским предприятиям в Триполи. Вывод был ошеломляющий: «Итальянское правительство, вынужденное позаботиться об охране своего достоинства и своих интересов, решило приступить к военной оккупации Триполи и Киренаики». Но последнего предела наглости итальянская дипломатия достигла в заключительных строках ультиматума: в них Турции предлагалось не более и не менее как самой способствовать захвату своей территории, приняв меры к тому, чтобы «предупредить всякое противодействие» итальянским войскам! Как ни низко пало в это время турецкое правительство, но принять такое требование не смогло и оно. Началась война. Итальянские войска без труда справились с незначительными турецкими гарнизонами. Но затем им пришлось вести нелёгкую войну против местного арабского населения. Война затягивалась. Турция не соглашалась на мир; арабы продолжали сопротивление. Италия оккупировала острова Додеканез, бомбардировала с моря Бейрут и другие турецкие порты, но крупного ущерба нанести Турции не смогла. В апреле 1912 г. итальянский флот подверг бомбардировке устье Дарданелл. Однако предпринять более серьёзные действия в проливах Италия не решалась.

Смотреть карты

«Демарш Чарыкова».

Царская дипломатия решила воспользоваться итало-турецкой войной, чтобы ещё раз сделать попытку добиться открытия проливов для русского военного флота. В октябре 1911 г. русский посол в Константинополе Чарыков получил предписание начать переговоры с Портой. 12 октября Чарыков вручил великому визирю Саид-паше проект русско-турецкого соглашения. Русское правительство выражало готовность отказаться от противодействия железнодорожному строительству в значительной части запретной зоны, установленной русско-турецким соглашением 1900 г. Это представляло собой уступку не только Турции. В железнодорожном строительстве в северной Анатолии были заинтересованы французские капиталисты. Россия надеялась этой

уступкой купить согласие Франции на самое важное условие задуманного договора. Условие это гласило:

«Российское императорское правительство обязуется, кроме того, оказывать оттоманскому правительству действительную поддержку для сохранения существующего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя вышеупомянутую поддержку равным образом и на прилегающие территории, в случае если последние подвергались бы угрозе со стороны иностранных вооружённых сил.

С целью облегчить выполнение вышеупомянутого ограничительного условия оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противиться проходу русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено.

Применение такого истолкования конвенции, заключённой в Лондоне 13 марта 1871 г., находится в зависимости от предварительного согласия других держав, подписавших вышеупомянутую конвенцию».

Русское правительство соглашалось, далее, приступить к переговорам об отмене капитуляций, ограничивавших национальную независимость турецкого народа, и принять меры к установлению «прочных добрососедских отношений между Оттоманской империей и балканскими государствами на основе status quo». Эти последние условия, бесспорно, представляли для Турции большую ценность.

Однако великий визирь уклонился от ответа и принялся тянуть переговоры. Демарш Чарыкова вызвал беспокойство в Париже. Правда, французское правительство ответило согласием на русский проект. Но, по своему обычаю, оно тут же сослалось на необходимость урегулировать вопрос с Лондоном. В Лондоне же менее всего были расположены даром предоставлять России проход через проливы. Однако Грей по примеру французов любезно сообщил, что приветствует сближение России с Турцией. Не возражает он и против открытия проливов, но только не для одной России. Он придерживается того заявления, которое сделано им было осенью 1908 г. Принятие предложения Грея лишь ухудшило бы для России существующий режим проливов. Все попытки Извольского добиться от французского правительства письменного обязательства поддержать Россию в вопросе о проливах оказались тщетными.

Турецкое правительство, находившееся под влиянием Германии, отнеслось к русскому предложению отрицательно. Оно обратилось к германскому послу барону Маршаллю; тот посоветовал своему правительству немедленно выступить против России. Однако в Берлине рассудили иначе. Там рассчитывали, что русские планы сорвёт Англия. Немцы не ошиблись. Грей действительно сообщил турецкому послу, что считает русское предложение неприемлемым. Таким образом, царское правительство наткнулось на неодолимые дипломатические препятствия. На открытую борьбу оно не решалось. Сазонов не нашёл другого выхода, как дезавуировать выступление Чарыкова. В интервью сотруднику «Matin», известному французскому журналисту Стефану Лозанну, он заявил, что по вопросу о проливах «Россия ни о чём не просит, не начинала никаких переговоров, не предпринимает никаких дипломатических шагов». Был пущен слух, будто Чарыков вышел за пределы данных ему инструкций. Вскоре после этого, в марте 1912 г., Чарыков был отозван со своего константинопольского поста.

Смотреть карты

Миссия Холдена.

Хотя германский империализм и угрожал морскому первенству Англии, хотя он и посягал на её интересы на Ближнем и Среднем Востоке, тем не менее в Англии имелись сторонники сближения с Германией. Наибольшее влияние эти прогерманские элементы имели в либеральной партии, именно в её пацифистском крыле. Они были представлены и в кабинете Асквита. «В течение семи лет, — писал Грей 5 марта 1913 г., — некоторые пангерманцы обрабатывают наших прогерманцев. Пангерманцы — шовинисты, наши прогерманцы — пацифисты, но тем не менее они весьма подвержены влиянию первых». В числе пангерманцев Грей называл профессора Шимана. Этот балтийский немец известен был не только крайностями своего шовинизма, не только необузданностью захватнических вожделений, но и своей зоологической ненавистью к России. Спекуляция на англо-русских противоречиях, особенно из-за Персии, играла в этой обработке английских прогерманцев немаловажную роль.

Грей утверждал (не совсем точно), будто этим пронемецким влияниям никогда не удавалось воздействовать на внешнюю политику британского правительства. «Но, — тут же добавлял он, — это не является основанием для того, чтобы мы сами любезно доставляли им пищу для их интриг». Очевидно, считаясь с влиянием прогерманских элементов в кабинете, во главе которых находился лорд Мор лей, Грей старался создавать впечатление, что не упускает ни единого случая «примирить» англо-германские противоречия. «Я всегда ощущал, — говорит он в своих мемуарах,

— что прогерманский элемент страны был вправе требовать, чтобы наша внешняя политика до известного крайнего предела была направлена на дружбу с Германией. Этот предел оказался бы превзойдённым лишь в том случае, если бы нам предложили нечто такое, что привязало бы нас к Германии и нарушило бы согласие с Францией... Было важно, чтобы эта политика поддерживалась именно теми, кто придавал величайшую ценность Антанте. Это было единственным - средством сохранить в кабинете и в либеральной партии единство, необходимое для поддержания англо-французской Антанты». Грей добавляет, что именно поэтому он и не отверг предложения о поездке в Берлин одного из английских министров. Идея эта возникла в начале 1912 г.

Стало известно, что германское правительство имеет в виду новое увеличение судостроительной программы. Действительно, в Берлине было решено в течение 1912 г. внести в Рейхстаг закон о постройке трёх дополнительных дредноутов в период с 1912 по 1917 г.

Английское правительство готовилось ответить на это усилением собственных морских вооружений. Но оно считало тактически целесообразным предварительно произвести пацифистский маневр: ему важно было продемонстрировать, что ответственность за рост вооружений ложится на Германию.

Переговоры начались через частных лиц — двух влиятельных крупных капиталистов. Одним был директор Гамбургско-Американской компании Балли, поборник сближения с Англией, другим — банкир Эрнст Кассель, личный друг короля Эдуарда VII. При посредстве Баллина Кассель имел свидание с Бетман-Гольвегом.

Договорились о желательности приезда в Берлин Эдуарда Грея. Однако Грей ехать в Берлин отказался. Он лично не верил в возможность примирения с Германией и боялся, что поездка министра иностранных дел уж слишком напугает Париж. Кабинет решил вместо Грея послать в Берлин военного министра Холдена. Перед его отъездом Грей известил французское правительство о задуманных переговорах. Он заверил, что не подпишет с немцами никакого документа, который связал бы ему руки, и добавил, что поездка Холдена имеет чисто информационный характер.

8 февраля 1912 г. утром Холден прибыл в Берлин. В тот же день он встретился с Бетман-Гольвегом. Беседа коснулась прежде всего политического соглашения о нейтралитете. Это всего больше интересовало Бетмана, желавшего оторвать Англию от России и Франции. Бетман предложил следующую формулу: каждая держава обязуется соблюдать нейтралитет, если другая «окажется вовлечённой в войну». Согласие Англии на такого рода договор означало бы её прямой отказ от Антанты. Холден отклонил проект Бетмана, заявив, что Англия не может допустить разгрома Франции. Он выдвинул иную формулу: каждая из двух держав обязуется не участвовать в непро-воцированном нападении на другую. Бетман выразил сомнение к эффективности формулы Холдена. «Он ответил, — пишет Холден, — что очень трудно определить, что надо понимать под агрессией или непро-воцированным нападением. Я возразил, что нельзя определить количество зёрен, составляющих кучу, но всякий, кто видит кучу, знает, что это такое». Бетман кончил заявлением, что он ещё «подумает» над проблемой такого соглашения. После этого собеседники перешли к вопросу о флоте. Холден высказал мнение, что соглашение о нейтралитете осталось бы мёртвой буквой, если бы продолжалось соперничество в области морских вооружений. Бетман возразил, что Германия не может отказаться от нового морского закона. Тогда Холден поставил вопрос, нельзя ли хоть отложить срок закладки предусмотренных германским планом кораблей. На соответствующий намёк Бетмана Холден добавил, что в случае успешного разрешения обоих затронутых вопросов будет открыт путь для частичного удовлетворения колониальных требований Германии. При этом он дал понять, что можно будет вернуться к вопросу о разделе португальских колоний, а также обеспечить Германии и кое-какую другую добычу. Было упомянуто и о соглашении относительно строительства Багдадской дороги, финансирование которого попрежнему тормозилось Англией. Взамен Англия должна была бы получить контроль над последним участком дороги от Багдада до Персидского залива.

На другой день утром Холден встретился с кайзером и адмиралом Тирпицем. Разговор вращался вокруг морского вопроса. Тирпиц занимал непримиримую позицию. После долгой и бесплодной дискуссии Вильгельм предложил следующий выход: нужно сначала заключить договор о нейтралитете и соглашение по колониальным вопросам. В обмен за это его правительство отсрочит на один год выполнение нового морского закона, т. е. дополнительные линкоры будут закладываться не в 1912, 1914 и 1916 гг., а в 1913, 1915 и 1917 гг. Холден признал эту уступку совершенно недостаточной. После встречи с кайзером Холден снова беседовал с Бетманом. Холден заявил канцлеру, что вряд ли британский кабинет что-либо даст Германии в обмен за столь ничтожные уступки. Бетман-Гольвег имел подавленный вид. Но Тирпиц был явно доволен неудачей переговоров.

Холден и большинство английского кабинета тоже не были огорчены. Жест был сделан, и данные для демонстрации английского пацифизма были налицо. Кроме того, Холден привёз из Берлина ценную информацию о новом германском морском законе и вообще о германском флоте.

Вскоре Грей официально сообщил германскому послу, что соглашение о нейтралитете невозможно, раз продолжается соревнование в морских вооружениях. Бетман попытался добиться от Вильгельма и Тирпица более значительных уступок англичанам, но потерпел неудачу. После того как вопреки обычаю кайзер лично протелеграфировал послу в Лондоне весьма жёсткие инструкции, Бетман даже подал было в отставку, но по настоянию Вильгельма сейчас же взял её обратно. Всё же поездка Холдена не осталась безрезультатной: она послужила началом англо-германских переговоров по ряду колониальных вопросов и сдвинула с мёртвой точки переговоры о Багдадской железной дороге. Эти результаты, как и самый факт приезда Холдена, создавали в Берлине впечатление, что германская агрессия вовсе не обязательно должна встретить такое решительное противодействие Англии, как в дни «прыжка „Пантеры“».

Смотреть карты

Упрочение англо-французской Антанты.

Грей сообщил Камбону о результатах миссии Холдена и об отказе Англии подписать с Германией соглашение о нейтралитете. Но, повидимому, окончательно успокаивать французоз английская дипломатия не хотела. Некоторая неуверенность французского правительства в позиции Англии представлялась Грею отнюдь не излишней. Она должна была побудить Францию ещё больше заботиться о поддержании дружественных отношений с Англией. Впрочем, некоторые английские дипломаты не сочувствовали этой игре. Пуанкаре рассказывает в своих мемуарах следующий своеобразный эпизод. После того как он выразил в Лондоне удовлетворение по поводу того, что Англия отказалась гарантировать Германии свой нейтралитет, к нему 27 марта 1912 г. явился английский посол лорд Берти. Посол предупредил, что будет говорить в качестве частного лица; он просил «забыть на мгновение, что он посол». После этого Берти заявил президенту, что не совсем понимает, почему Пуанкаре успокоился. Правда, Англия отказала Германии в благожелательном нейтралитете, о котором просил Бетман. Но этот ответ, по мнению Берти, не следует рассматривать как отказ в нейтралитете в собственном смысле этого слова. Берти посоветовал президенту добиваться от Лондона более определённых заверений.

В марте 1912 г. в английский Парламент был внесён билль, предусматривавший закладку двух кораблей против каждого закладываемого в Германии. В мае была намечена переброска большей части базировавшегося на Гибралтар «атлантического флота» в отечественные воды. Это означало новый этап в сосредоточении военно-морских сил Великобритании в Северном море. Новая дислокация флота влекла за собой необходимость передать важнейшие коммуникационные линии Британской империи в Средиземном море под охрану французского флота. При этом приходилось позаботиться о том, чтобы совокупная морская мощь держав Антанты в Средиземном море не уменьшилась вследствие ухода английских кораблей. Для этого в августе английский кабинет решил приступить к переговорам между английским и французским адмиралтействами. Французам убеждали перевести в Средиземное море свою атлантическую эскадру, которая базировалась на Брест. Однако французское правительство не считало возможным обнажить побережье Ламанша в Атлантики до получения от Англии гарантий, что в случае войны Франция может быть уверена в её военной помощи.

Серьёзность этих военных соображений не подлежала сомнению. Но помимо них французская дипломатия руководилась желанием использовать потребность Англии во французском флоте, чтобы превратить Антанту в действительный союзный договор. Именно таковы были планы Пуанкаре, который вскоре после избрания его президентом республики стал подлинным руководителем французской внешней политики. Его роль во французской дипломатии оказалась несравненно значительнее той, которую предоставляла президенту прежняя французская государственная практика.

Руководящие чиновники Форейн офис Никольсон и Кроу также считали необходимым заключить с Францией союзный договор. Но Грей на это не пошёл. Он знал, что это вызовет кризис кабинета Асквита: в кабинете имелась сильная прогерманская группировка. Грей предпочёл своеобразную дипломатическую форму. Он обменялся письмами с французским послом в Лондоне Камбоном. Текст письма Грея, датированного 22 ноября 1912 г., гласил:

«Дорогой посол. За последние годы французские и британские морские и военные эксперты совещались время от времени. Всегда предполагалось, что такие совещания не ограничивают свободы каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может принудить какое-либо из правительств к выступлению при обстоятельствах, которые ещё не наступили и, возможно, никогда не наступят. Так, например, расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне. Вы, однако, отметили, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьёзные основания ожидать не вызванного им нападения со

стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого.

Я согласен, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьёзные основания ожидать невызванного нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира, и если так, то какие меры готовы они совместно принять. Если эти меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие.

Примите и пр. Э. Грей».

Характерно, что своё письмо Грей пометил: «Частное».

Ответ Камбона от 23 ноября подтверждал все положения, выдвинутые в письме английского министра.

Смысл обоих писем заключался в том, что Англия и Франция, подготавливаясь к войне с Германией, будут планировать все свои военные мероприятия в расчёте на совместное проведение этой борьбы. Но вопрос о том, будет ли эта борьба на самом деле совместной, оставался открытым; он предоставлялся свободному решению обоих правительств. Конечно, на деле письмо Грея в значительной мере превращало свободу этого решения в фикцию. Военная необходимость в решающую минуту, очевидно, должна была перевесить дипломатические оговорки английского министерства.

В духе писем Камбона — Грея между морскими штабами была заключена англо-французская военно-морская конвенция. Согласно ей, Англия брала на себя охрану Атлантического побережья Франции, французский флот — защиту английских интересов в Средиземном море.

Любопытно, что Парламент ничего не знал об этом акте. Кабинет в целом точно так же не был о нём осведомлён. Знали о конвенции лишь отдельные министры: Грей, Черчилль, Асквит, Холден.

В отношении военно-морской подготовки англичане делали всё, что требовалось для большой войны. Но на суше мероприятия Англии оставались мизерными: для перевозки на континент на помощь Франции подготавливалось всего 4 — 6 дивизий.

Чтобы оценить эту цифру, стоит только вспомнить, что в августе 1914 г. немцы развернули на Западе около 80 дивизий.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ (1912 - 1913 гг.)

Содержание

- **Балканский блок.**
- **Первая балканская война.**
- **Совещание послов в Лондоне.**
- **Вторая балканская война.**
- **Бухарестский мир.**
- **Балканский вопрос в конце 1913 - начале 1914 г.**

Балканский блок.

Итало-турецкая война ускорила наступление ещё одного, давно назревавшего кризиса. Она побудила балканские государства договориться между собой о союзе против Турции и начать против нее войну.

Русская дипломатия весьма деятельно способствовала образованию балканского блока. Но при этом она рассматривала его как орудие не столько против Турции, сколько против Австрии и Германии. Иначе говоря, создание балканского блока было в её глазах этапом подготовки к надвигавшейся мировой войне. Посол в Константинополе Чарыков предполагал даже пригласить Турцию войти в состав этого блока и гарантировать ей добрососедские отношения со стороны балканских государств. Таким образом, он рассчитывал парализовать австро-германское влияние на всём Ближнем Востоке и заострить намечавшийся блок против Австрии и Германии. План этот встречался с рядом препятствий. Турция была слишком закабалена Германией, чтобы согласиться на подобную комбинацию. Болгария, выигрывая многое от союза против Турции, ничего не могла бы получить от союза с её участием. В конце концов в Петербурге победила другая точка зрения: её сторонники высказывались за образование такого блока, который представлял бы собой объединение одних христианских государств Балканского полуострова. Главным поборником такого плана был посланник в Сербии Гартвиг.

Из числа балканских государств Сербия была больше всего заинтересована в подготовке к борьбе с Австрией. Её интересы, таким образом, целиком совпадали с интересами покровительницы балканских славян — России. Но ни Болгарию, ни Грецию нельзя было склонить к союзу, направленному только против Австрии. Их национальные чаяния могли осуществиться лишь после победы над Турцией.

Основная трудность в деле создания балканского союза заключалась в том, как достигнуть соглашения о разделе Македонии между Сербией, Болгарией и Грецией.

Будущий делёж турецкого наследства сулил и другие осложнения. В частности они должны были возникнуть из-за судеб Албании.

Сербия, захватив Албанию, получила бы выход к морю. Именно поэтому Австро-Венгрия и не допускала передачи Албании сербам. Против сербских притязаний Австро-Венгрия выступала вместе с Италией. Но интересы двух союзниц были противоположны. Стремясь к господству на Адриатике, Австрия и Италия оспаривали друг у друга преобладающее влияние в Албании.

Переговоры о создании балканского блока начались по инициативе Сербии. В апреле 1911 г. сербский премьер Милованович предложил болгарскому посланнику Тошеву заключить соглашение о «любимом разделе сфер влияния в Македонии». Это соглашение, по мысли Миловановича, могло послужить основой для совместного военного выступления против Турции. «Возможно наступление такого момента, — говорил он, — когда мы вынуждены будем ускорить события». Болгарское правительство первоначально отнеслось к сербскому предложению отрицательно. Однако переговоры возобновились в связи с итало-турецкой войной. Предполагая, что она может создать благоприятную обстановку для выступления против Турции, болгарский кабинет на этот раз сам решил обратиться к Сербии с предложением начать переговоры. Русское министерство иностранных дел одобрило идею сербо-болгарского соглашения.

В рядах русской дипломатии Гартвиг был едва ли не самым активным поборником сербо-болгарского сближения. Идея Гартвига имела больше шансов на осуществление, нежели план Чарыкова: Сербия, Болгария и Греция стремились к разделу Турции, а вовсе не к её сохранению. В частности русская дипломатия стремилась прекратить лавирование царя Фердинанда между Австрией и Россией, которое стало правилом со времени восстановления русско-болгарских отношений, т. е. с 1896 г. Но русское правительство высказалось за сербо-болгарское сближение лишь с оговоркой: оно заявило, что «самовольное выступление» славянских держав не встретит сочувствия России. Несвоевременно затеянный конфликт может вызвать вмешательство Австро-Венгрии и преждевременно развязать европейскую войну.

Образование балканского блока представляло для России большой интерес; однако оно таило в себе и немалый риск. В чём именно, — это ещё весной 1911 г. изложил в своём донесении секретарь русской миссии в Софии Урусов. «Непризнанная теперь благоприятной политической конъюнктура, — писал он, — может быть признана таковой балканскими деятелями через некоторое время». Если Сербия и Болгария договорятся друг с другом, они смогут начать против Турции войну, чреватую возможностью вмешательства Германии и Австро-Венгрии, раньше чем Россия закончит восстановление и реорганизацию своих вооружённых сил. «Прекрасно понимая, — продолжал Урусов, — что Россия на Ближнем Востоке имеет неистребимые великодержавные, исторические интересы, здешние политики учитывают то обстоятельство, что Россия от славянской политики никогда не сможет отказаться и не откажется и от защиты и поддержки своих славянских аванпостов на Балканах. Таким образом, Россия неизбежно будет вовлечена в войну, начатую помимо её желаний славянскими державами».

Однако выгоды балканского блока представлялись царской дипломатии настолько неоспоримыми, что перевешивали все опасения, связанные с его созданием. Ведь австрийская военная партия могла приступить к захвату западных Балкан и не дожидаясь завершения русских военных приготовлений. Посланник в Софии Неклюдов писал, что сербо-болгарское соглашение, «сплотив воедино до полумиллиона штыков и притом великолепного войска», «поставит несомненно серьёзную преграду всяким замыслам оккупации или захвата с северо-западной стороны полуострова», т. е. со стороны Австро-Венгрии.

Во время осенних переговоров 1911 г. царь болгарский Фердинанд находился в своём венгерском поместье. Для окончательных решений к нему выехал премьер-министр Гешов. Обратный путь Гешов совершал через Белград. Здесь к нему в вагон для личных переговоров должен был явиться Милованович. Когда Милованович поджидал болгарского коллегу, он был изумлён сообщением, что Гешов уже проехал через Белград. Но оказалось, что то была дипломатическая хитрость Ге-шова. Чтобы сохранить абсолютную тайну, он сначала отправил в Софию какого-то болгарина под своим именем. Через день под строжайшим инкогнито на станцию Белград прибыл сам Гешов. Милованович вошёл в его вагон и проводил болгарского министра на протяжении нескольких перегонов. Гешов сообщил, что Фердинанд одобрил соглашение с Сербией. После этого оба министра занялись размежеванием сербских и болгарских интересов в Македонии. Болгария требовала всю Македонию. Сербия настаивала на её разделе. Сговориться было нелегко. Гешов описал в своих мемуарах эти дипломатические переговоры в поезде. «Не будем проводить никакой разграничительной линии теперь, — сказал ему Милованович. — Таким образом вы не подвергнетесь в Болгарии упрекам в том, что согласились на предварительный раздел Македонии. Когда наступит момент и когда... вы получите львиную часть, никто не возразит против того, что маленькую часть Македонии русский император, под чьим покровительством и возвышенным чувством справедливости совершится это великое дело, отдаст Сербии. О да! Если

бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния — Трансильванию, и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией».

Пока, однако, приходилось довольствоваться разделом территорий Оттоманской империи. Гешов и Милованович приблизительно определили те зоны, которые бесспорно должны были отойти к Болгарии к Сербии. Судьба спорной зоны, по мысли Миловановича, должна была решиться после будущей войны с Турцией; вопрос предоставлялся третьей стороне России.

Во второй половине ноября 1911 г. сербский король и Милованович побывали в Париже; там они почерпнули уверенность, что и французское правительство горячо одобряет план блока балканских государств.

Выдвинутая Миловановичем идея спорной зоны и русского арбитража сначала не встретила одобрения в Софии. Там полагали, что Россия обязательно выскажется в пользу Сербии. Начались переговоры о непосредственном размежевании спорной зоны. В течение всего конца 1911 г. и в начале 1912 г. между сербами и болгарами вёлся ожесточённый торг. Главная трудность заключалась в решении судеб Ускюба (Скоплие), Белеса и Струги. Сербии этот район был нужен для прикрытия с юга будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии на Ускюб и Белее шли единственные удобные пути в долину Вар дара, к центру её будущих македонских владений. Спорили из-за каждой деревни, особенно в окрестностях Ускюба и Струги. Русская дипломатия и военный агент в Софии полковник Романовский усердно мирили сербов с болгарами. Впрочем, оба русских посланника, Неклюдов и Гартвиг, сами перессорились друг с другом: они обменивались раздражёнными письмами и телеграммами, минуя своё начальство. Министерство в Петербурге не знало, как разрешить спор между своими агентами: оно то требовало от болгар принятия сербского проекта разграничения, то навязывало сербам болгарские предложения. Гартвиг в ответ телеграфировал, что с обладанием Стругой связаны «жизненные интересы» Сербии и что уступить её болгарам никак невозможно. Кончилось тем, что болгары всё-таки согласились на установление «спорной зоны», судьбы которой подлежали арбитражу России.

13 марта 1912 г. был, наконец, подписан следующий сербо-болгарский союзный договор.

Статья 1: «Царство болгарское и королевство сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целостность их территории, обязуясь... прийти на помощь друг другу всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких держав».

Статья 2: «Обе договаривающиеся стороны обязуются точно так же прийти на помощь друг другу всеми своими силами в случае, если какая бы то ни было великая держава сделает попытку присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно, какую-либо часть балканских территорий, находящихся в настоящее время под властью турок, если одна из договаривающихся сторон найдёт подобный акт противным своим жизненным интересам и сочтёт его за *casus belli*».

Одна из последующих статей предусматривала заключение военной конвенции.

Обе изложенные статьи обеспечивали Сербии болгарскую помощь в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, либо в случае покушений австрийцев на Ново-Базарский санджак или другие турецкие области. Казалось, Болгария входила в фарватер общеславянской политики. Казалось, она повёртывала фронт против злейшего врага славянской свободы — германо-австрийского блока. Так оно и было. Но только не надолго.

Договор сопровождался особым секретным приложением, которое вносило в него ряд существенных дополнений.

Статья 1 этого приложения гласила:

«В случае, если в Турции наступят внутренние неурядицы, которые могли бы угрожать государственным и национальным интересам обеих договаривающихся сторон или одной из них, а равно и в том случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, могущих наступить для Турции, *status quo* на Балканском полуострове будет поколеблен, та из договаривающихся сторон, которая первая убедится в необходимости военных действий, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, обязанной в свою очередь немедленно вступить в обмен мыслей и, в случае несогласия со своей союзницей, дать последней обстоятельный ответ.

Если соглашение о действиях состоится, то о нём будет сообщено России, и, в случае отсутствия препятствий со стороны последней, союзники приступят к действиям согласно состоявшемуся уговору, руководствуясь во всём чувствами солидарности и соблюдая обоюдные интересы. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, вопрос будет представлен на усмотрение России, мнение которой, каковым бы оно ни было, явится обязательным для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не пожелает высказать своего мнения и если и после того соглашение между договаривающимися сторонами не будет достигнуто, то, в случае самостоятельного начала военных действий против Турции стороною, высказавшеюся за вооружённое вмешательство, другая сторона должна соблюдать по отношению к своей союзнице

дружественный нейтралитет, немедленно приступить к мобилизации в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и помочь всеми своими силами союзнице, если бы какая-либо третья держава стала на сторону Турции».

Суть этой пространной статьи была довольно проста. Она заключалась в том, что Сербия и Болгария в удобный для себя момент готовы напасть на Турцию. С точки зрения России, эта статья была наиболее опасной: она таила в себе риск ненужной для России и преждевременной войны. Однако обойтись без указанной статьи было невозможно: именно она и была той платой, за которую Болгария переходила в общеславянский лагерь и склонялась на сторону Антанты. Некоторую страховку против преждевременного выступления участников договора представляло их обязательство — перед тем как начинать войну, предварительно запросить согласие Петербурга. Однако нетрудно понять, что при наличии в Сербии и Болгарии национальной подоплёки отказать им в разрешении начать войну было бы для Петербурга политически невыносимо. Отказ был бы сопряжён с риском потерять свой престиж в обеих славянских странах.

Статья 2 приложения содержала условия того раздела будущей добычи, над которым так долго и упорно трудились сербские, болгарские и русские дипломаты.

«Вся территория, приобретённая совместными действиями согласно статьям 1 и 2 договора, равно и статье 1 сего секретного приложения, поступит в общее управление обоих союзников; ликвидация кондоминиума состоится не позже трёхмесячного срока со дня заключения мира на следующих основаниях:

Сербия признает права Болгарии на территории на восток от Родоп и реки Струмы, а Болгария — права Сербии на территории к северу и западу от Шар-Планины.

Что же касается территории, лежащей между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и Охридским озером, то, буде обе стороны удостоверятся в невозможности образования из неё... отдельной автономной области, с этой территорией будет поступлено на основании следующих постановлений: Сербия обязуется ничего не требовать за линией... которая начинается от турецко-болгарской границы у Голем-Верха (севернее Кривой-Паланки) и следует в юго-западном направлении... до Охридского озера у монастыря Губовцы. Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, к которому будет обращена просьба быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу означенной линии. Разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу в означенных пределах ту линию, которую его императорское величество русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон».

Статья 4 устанавливала, что «всякий спор, который мог бы возникнуть по поводу толкования и исполнения какой-либо статьи сего договора, секретного приложения и военной конвенции, представляется за окончательное решение России».

О подписании сербо-болгарского договора были извещены французское и английское правительства, которые тотчас же выразили своё полное одобрение. Договор открыл Болгарии путь к парижской бирже: французское правительство одобрило предоставление займа Болгарии.

12 мая 1912 г. мартовский союзный договор был дополнен подписанием сербо-болгарской военной конвенции. В случае войны против Турции или Австрии Сербия должна была выставить 150, а Болгария 200 тысяч человек. При этом было детально определено, сколько войск и в какие сроки выставляет каждая сторона в случае войны с Турцией, сколько — в случае войны с Австрией и т. д.

Оценку болгаро-сербского союза дал Урусов в донесении Министерству иностранных дел. «Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира, — писал он. — Соглашение это рождено войной и рождено для войны». Урусов указывал, что Болгария не станет ждать, пока договор понадобится для бесполезной ей защиты Сербии от Австрии. Она постарается использовать его скорее, форсируя войну против Турции.

Одновременно с сербо-болгарскими переговорами происходили и переговоры греко-болгарские, но уже без активного участия русской дипломатии. В мае 1912 г. Греция предложила Болгарии следующий проект союзного договора. Обе стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь при нападении Турции на одну из них, а также и в случае нарушения Турцией их прав, вытекающих из международных договоров или даже вообще «из международного права». Это звучало достаточно неопределённо: можно сказать, что договор допускал ничем не ограниченный выбор предлога для войны. Проект был сообщён болгарам русскому правительству. Царская дипломатия попыталась несколько ослабить агрессивность греческого проекта и воздействовать в этом духе на болгар. Это оказалось безуспешным: 29 мая греко-болгарский договор был подписан.

Смотреть карты

Первая балканская война.

Русская дипломатия, создавая балканский блок, ковала орудие для надвигавшейся мировой войны. Но она переоценила свое влияние. Орудие вышло из повиновения у мастера. Балканский блок начал действовать раньше, чем завершилась военная и дипломатическая подготовка России, необходимая для того, чтобы она могла использовать его в своих интересах. Если Россия отнюдь не торопилась с войной, то балканские правительства действовали иначе. Осенью они вызвали острый конфликт с Турцией. Русское правительство пыталось ускорить заключение итало-турецкого мира: он мог бы обеспечить свободу проливов для русской торговли и охладить военный пыл балканских союзников. Не хотела войны и Австро-Венгрия — главный соперник России в балканских странах. Но усилия России, поддерживаемые Францией, оказались тщетными; безуспешными остались и старания Австрии. Утром 9 октября 1912 г. Черногория открыла боевые действия. 17 октября Сербия и Болгария, а 18 октября — Греция также объявили войну Турции и приступили к военным действиям.

Турецкая армия потерпела быстрое и сокрушительное поражение. Войска балканских союзников захватили большую часть Европейской Турции. Болгарская армия двигалась прямо на турецкую столицу. Турции не оставалось ничего другого, как запросить мира. 3 ноября 1912 г. турецкое правительство обратилось к державам, прося их принять на себя мирное посредничество.

Обращение Порты нашло благоприятную почву. Две державы, наиболее заинтересованные в балканских делах, с нетерпением ожидали прекращения войны. То были два главных соперника — Россия и Австрия.

Царское правительство было встревожено. Оно боялось, как бы падение турецкого владычества над Константинополем не дало повода другим великим державам ввести в проливы свои военно-морские силы. Появление болгар в турецкой столице легко могло завершиться международным вмешательством. Да и могла ли доверять Россия Кобургской династии и лично царю Фердинанду? Из Петербурга в Софию направлялись настоятельные советы приостановить продвижение войск и вообще соблюдать умеренность. Совершенно неожиданно, в последнюю минуту, вопрос разрешился иначе: на чаталджинских позициях турецкие войска сумели задержать наступление болгар.

Австро-Венгрия не в меньшей мере была обеспокоена появлением сербов на берегах Адриатики. В ноябре Австро-Венгрия провела мобилизацию значительной части своей армии и сосредоточила крупные силы на сербской границе. Германия поддерживала Австро-Венгрию: подстрекая её на вооружённое выступление, она обещала ей свою помощь. Вильгельм II заявил Францу-Фердинанду, что отступить в сербском вопросе нельзя. Он дал понять, что, если понадобится, он не побоится развязать войну европейского масштаба. Очевидно, в Берлине пришли к выводу, что наступает подходящий момент для решительной борьбы за передел мира. 22 ноября Франц-Фердинанд и генерал Шемуа, который в 1911 г. заменил Конрада на посту начальника генерального штаба, прибыли в Берлин. Там они вели переговоры с кайзером, Мольтке и Бетманом. Все трое заверили гостей в неизменной союзнической верности. Мольтке подробно изложил Шемуа свои стратегические планы на случай европейской войны.

Русское правительство поддерживало сербские притязания. Однако, не чувствуя себя подготовленным, оно стремилось избежать войны. Сазонов настойчиво советовал белградскому правительству уступить и не доводить дела до вооружённого столкновения.

В отличие от России и от своей собственной недавней позиции французское правительство, руководимое Пуанкаре, осенью 1912 г. проявляло воинственное настроение. Ещё в августе Пуанкаре был в Петербурге. Он предупредил своего русского союзника, что из-за чисто балканских дел Франция не может начать войну. Но вместе с тем он заверил, что если в войну вмешается Германия, то Франция полностью выполнит все — свои союзнические обязательства. Всё же Пуанкаре содействовал России в её попытках предотвратить балканскую войну. Но после того, как на деле выявились высокие боевые качества болгарской и сербской армий, Пуанкаре склонился к более агрессивной политике. Он уже был крайне недоволен той уступчивостью, которую проявляла царская дипломатия. Французы довольно бесцеремонно нажимали на своего русского союзника. Характерный разговор произошёл в критические дни австрийской мобилизации между военным министром Мильераном к русским военным агентом полковником Игнатьевым:

«Мильеран. Какая же, по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?»

Игнатьев. Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильеран. Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым для вас вызовом на войну?»

Игнатьев. На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран. Следовательно, вам придётся предоставить Сербии своей участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине: мы готовы, и необходимо учесть это. А не можете вы по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?»

Игнатьев. Славянский вопрос остаётся близким нашему сердцу, но история научила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлечённых идей.

Мильеран. Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албании, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всём Балканском полуострове».

«Но вы всё-таки кое-что да делаете по военной части?» — таким саркастическим вопросом закончил Мильеран свою нотацию

Чтобы принудить Россию форсировать свои вооружения, французская дипломатия использовала и финансовый нажим. Предоставление очередного займа России (выпуск его последовал в 1913 г.) было обусловлено рядом обязательств, относившихся к улучшению русской подготовки к войне. Речь шла о сооружении нескольких стратегических железных дорог и о значительном увеличении численного состава русской армии.

Что касается Англии, то сначала её дипломатия заняла в австро-сербском конфликте уклончивую позицию: ей явно хотелось сохранить за собой роль арбитра между своими союзниками и австро-германским блоком. К тому же открытое выступление в пользу балканского блока против Турции было в этот момент неудобно для Англии по соображениям колониальной политики: это лишило бы англо-индийское правительство поддержки влиятельных мусульманских элементов Индии.

Мир был спасён благодаря неподготовленности и уступчивости России. Под воздействием русской дипломатии Сербия капитулировала и отказалась от выхода к Адриатическому морю. Было, однако, неясно, удовольствуются ли Австрия и Германия тем, что не допустили Сербию к морю. Не исключённой казалась возможность, что австрийская военная партия с благословения Берлина начнёт войну в целях полной ликвидации сербского государства.

Русское правительство выступило с предложением разрешить спорные вопросы путём совместного их обсуждения представителями всех великих держав.

Английское правительство поддержало эту инициативу. Иначе повела себя Германия. Она ответила, что её точка зрения находится в зависимости от позиции, которую займёт Австро-Венгрия. Последняя же медлила изъявить своё согласие.

2 декабря 1912 г. германский канцлер публично заявил, что в случае «нападения» на Австрию Германия выполнит свои союзнические обязательства. «При той нервности, — комментировал эту речь французский посол в Вене, — до которой доведено общественное мнение в Австро-Венгерской монархии, всякая манифестация, каковы бы ни были намерения её виновника, усиливает беспокойство; такое впечатление производит теперь в Вене и речь германского канцлера. Многие усматривают провокацию по адресу тройственной Антанты в том, что для г. Бетмая-Гольвега, может быть, является лишь демонстрацией мощи Германской империи и выражением желания, чтобы её престиж господствовал над ходом событий... Многим австрийцам, — продолжал посол, — война, к которой здесь готовятся с лихорадочной поспешностью... к несчастью, представляется желанным выходом из нестерпимых болезней Габсбургской монархии». 12 декабря один из лидеров австрийской военной партии, Конрад фон Гетцендорф, был возвращён на пост начальника генерального штаба, покинутый было им в 1911 г.

Об агрессивных замыслах руководящих австрийских кругов Конрад фон Гетцендорф сам достаточно откровенно рассказывает в своих мемуарах.

«2 января 1913 г., — вспоминает он, — я передавал наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду годовой доклад; при этом после обсуждения общего положения между нами произошёл следующий диалог:

Я. Ясно, что ни у кого нет охоты впутываться в осложнения. Но следует видеть вещи такими, каковы они на самом деле. В 1909 г. мы упустили благоприятный момент, и вследствие этого положение изменилось для нас к худшему. Я. обращаю внимание на то, что теперь мы должны считаться с опасностью не только пансербской, но и панрумьинской пропаганды...

Эрцгерцог. Армия в своём развитии *никогда* не бывает готова. То, что у неё теперь меньше шансов, чем в 1909 г., верно, но в конечном счёте с тем, что у нас есть, мы и *теперь* ещё можем рисковать. Это, безусловно, нелёгкое решение, но, раз положение этого требует, его надо принять, пока не стало поздно».

В ответ на выступление Бетмана Грей дал понять в Берлине, что и Англия, возможно, не останется нейтральной, если дело дойдёт до европейской войны с участием Германии и Франции. В начале декабря в Лондон приезжал брат Вильгельма принц Генрих. Ему пришлось услышать то же самое из уст английского короля. Заявление Грея произвело совершенно то же действие, какое в своё время оказало выступление Ллойд Джорджа по поводу «прыжка „Пантеры“». Германия изменила свою позицию. Она оказала воздействие и на Вену. Вместе с Германией Австрия поспешила изъявить согласие передать разрешение спорных вопросов совещанию послов великих держав в Лондоне. Она потребовала, однако, чтобы ей заранее было обещано, что Сербия не получит территориального доступа к морю.

Смотреть карты

Совещание послов в Лондоне.

В середине декабря 1912 г. в британской столице приступили к работе одновременно две международные конференции. На одной встретились друг с другом представители воюющих сторон — Турции и держав балканского блока. На другой заседали представители шести великих европейских держав. Председателем этой конференции был Грей, делегатами — послы великих держав в Лондоне. Решения требовали единогласия; по принятии их они передавались послами на утверждение своим правительствам. И Турция и её балканские противники имели своих покровителей среди империалистических государств, Турция — в лице Германии и Австрии, государства балканского блока — в лице Антанты и прежде всего России.

На первом же совещании послов, 27 декабря, в угоду Австрии и Италии было принято постановление создать автономную Албанию под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. Албания должна была преградить Сербии выход к морю.

Невзирая на это решение, Австрия отказалась демобилизоваться, пока Сербия фактически не очистит албанских областей. По совету России, Сербия заявила, что эвакуирует свои войска тотчас по заключении мира. Лондонское совещание послов вынесло, однако, постановление, что Сербия должна вывести свои войска из Албании, как только этого потребуют великие державы.

Вопрос о выходе Сербии к Адриатике был, таким образом, ликвидирован. Но этим далеко не исчерпывался бесконечный ряд спорных проблем, которые всплыли на поверхность, едва лишь закипел балканский котёл. Целая сеть интриг сплелась вокруг «мирных» переговоров. Прежде всего на конференции развернулась борьба между Турцией и её противниками. Победители требовали, чтобы границей Европейской Турции стала линия Мидия — Родосто; они настаивали на сдаче всё ещё сопротивлявшегося Адрианополя и на отказе от островов Эгейского моря. По этим двум последним вопросам Турция не шла ни на какие уступки. По вопросу об Адрианополе Россия и Австрия оказались на одинаковой позиции. Странно, но такое единство взглядов было порождено ожесточённейшим соперничеством. Обе державы ратовали за интересы Болгарии, претендовавшей на Адрианополь. Россия поддерживала болгарские притязания, дабы предотвратить переход Болгарии в австро-германский лагерь; не менее энергично выступала за Болгарию и Австро-Венгрия, чтобы оторвать её от России. Таким образом, русская и австрийская дипломатия, преследуя противоположные цели, заняли одинаковые позиции. В дальнейшем развитии балканского кризиса встретятся и другие примеры подобного дипломатического «сотрудничества» между злейшими врагами.

Царское правительство сообщило Порте, что если Турция не уступит и возобновятся военные действия, то Россия не гарантирует сохранения своего нейтралитета. На кавказской границе уже сосредоточивались русские войска. Турецкое правительство было склонно уступить, не полагаясь на силу своей армии.

Но 23 января 1913 г. в Турции произошёл государственный переворот: к власти пришёл младотурецкий кабинет Махмуд-Шевкет-паши. Германское правительство многозначительно предупредило Петербург, что военное выступление России против Турции оно сочтёт за угрозу для европейского мира. Поощряемый Германией, новый турецкий кабинет собирался занять непримиримую позицию. Ввиду этого 3 февраля балканские союзники возобновили военные действия. Турок снова преследовала одна неудача за другой. В марте пали крепости Адрианополь и Янина. Турки были вынуждены вторично запросить мира.

Помогли Турции ссоры между её противниками: Болгарией, Сербией и Грецией. Назревала грызня за раздел добычи. К тому же Румыния за свой нейтралитет требовала от Болгарии территориальных компенсаций в Добрудже. Когда же после падения Адрианополя болгары стали перебрасывать войска к Чаталдже, вновь встревожилась Россия. Опять создавалась угроза появления болгарской армии на побережье проливов и в Константинополе. Черноморский флот уже готовился к отплытию в Босфор. Царское правительство предприняло в Софии дипломатические шаги, требуя немедленного перемирия. За это оно обещало помочь болгарам в предстоящем торге с Сербией за делёж добычи.

16 апреля 1913 г. было, наконец, заключено перемирие между Болгарией и Турцией. 20 апреля перемирие было заключено и другими союзниками. Только Черногория продолжала осаду Скутари. Переговоры возобновились и вновь происходили в Лондоне. И во время этого второго тура мирных переговоров в конфликтах не было недостатка. Греция стремилась провести свою границу с Албанией у Химарры; Италия — всемерно урезать греческие приобретения. Грецию энергично поддерживала Франция; как всегда, она видела в ней противовес Италии в восточном Средиземноморье. Греция требовала себе, кроме того, все Эгейские острова; однако и это её требование наталкивалось на сопротивление, притом уже не одной лишь Турции. Россия опасалась отдать грекам Имброс, Лемнос, Тенедос и Самофракию, прикрывающие выход из

Дарданелл. Она боялась, что, владея этими островами, Греция или её покровители смогут запереть проливы. Германия, поддерживая Турцию, естественно, не шла на удовлетворение греческих притязаний. Вопрос об островах Эгейского моря осложнялся позицией Италии. По Лозаннскому мирному договору от 18 октября 1912 г., завершившему итало-турецкую войну, Италия обещала вернуть Турции оккупированный ею Додеканез. Но теперь она уже не думала о выполнении своего обязательства и вовсе не собиралась отдавать острова — ни туркам, ни грекам.

Переговоры грозили затянуться до бесконечности. Наконец, Грей заявил их участникам, что желающие приглашаются немедленно подписать мирный договор; тем же, кто на это не согласен, лучше «покинуть Лондон». Угроза подействовала, и мирный договор был, наконец, подписан. Это произошло 30 мая 1913 г.

Согласно Лондонскому договору, почти вся территория Европейской Турции переходила в распоряжение победителей. Константинополь и побережье проливов с небольшим хинтерландом по линии Энос — Мидия, вместо линии Родосто — Мидия, которой добивались болгары, — вот всё, что осталось в Европе от когда-то могучей Османской империи. Вопросы о границах и о внутреннем устройстве Албании и об участии Эгейских островов остались нерешёнными: они передавались на рассмотрение великих держав.

Пока, между Турцией и балканскими союзниками происходила вся эта борьба, на крайнем западе Балкан из-за небольшого городка разыгрывался новый конфликт, тоже поднявший на ноги всю европейскую дипломатию. Дело шло о северной границе Албании и о судьбе города Скутари, осаждённого черногорскими войсками. Австрия категорически настаивала, чтобы он перешёл к Албании. Черногория отказывалась снять осаду. Россия её поддерживала. Между Россией и Австрией снова стал назревать острый конфликт. Под давлением Англии Австрия в марте 1913 г., наконец, вынуждена была демобилизоваться. Одновременно и Россия распустила запасных, призванных в ответ на военные приготовления Австро-Венгрии. Но самый вопрос о Скутари конференция решила в согласии с австрийскими пожеланиями. Впрочем, Австрия согласилась предоставить Черногории некоторые компенсации за отказ от злополучного городка.

Вскоре, однако, выяснилось, что постановление великих держав, достигнутое после упорной борьбы, ещё не решало судьбы Скутари. Черногорские войска продолжали осаду турецкого гарнизона. Чтобы обуздать черногорцев, Лондонская конференция постановила провести против Черногории военно-морскую демонстрацию соединёнными силами европейских великих держав. Однако на блокаду своего побережья Черногория обратила столь же мало внимания, как и на дипломатические увещания. Черногорский князь даже заключил сделку об уступке Скутари Черногории с начальником осаждённого турецкого гарнизона Эссадом-пашой, который вместе с тем являлся одним из албанских феодальных вождей. За это Черногория признавала этого пашу королём Албании.

Лишь после долгих проволочек, под дипломатическим давлением России черногорцы, наконец, ушли из-под Скутари. К 14 мая город был занят международным отрядом, высаженным с соединённой эскадры, которая блокировала Черногорию. Известно выражение Сазонова, что черногорский князь готов был «разжечь пожар мировой войны, чтобы на нём зажарить для себя яичницу».

Смотреть карты

Вторая балканская война.

Первая балканская война ослабила позиции австро-германской группировки. Усиление Сербии вынуждало Австро-Венгрию в случае европейской войны отвлекать большее количество сил из Галиции на балканский фронт. Турция, на которую Германия и Австрия рассчитывали в случае войны с Россией, была ослаблена поражением: теперь она могла сковать уже меньшее число русских дивизий. Усилия Австро-Венгрии сосредоточивались на том, чтобы оторвать Болгарию от Сербии. Таким путём австрийская дипломатия рассчитывала разбить балканский блок и создать для Сербии угрозу с тыла в лице враждебной ей Болгарии. Правительство царя Фердинанда должно было вернуться к австрийской ориентации.

В лице балканского союза на стороне Антанты стояла немалая военная сила. Задача австро-германской дипломатии заключалась в том, чтобы парализовать эту силу. Сделать это было не так уж трудно ввиду непрекращающейся борьбы между балканскими странами.

Не получив выхода к морю, Сербия решила компенсировать себя в Македонии. В феврале 1913 г. она обратилась к Болгарии с предложением пересмотреть территориальные условия сербоболгарского союзного договора от 13 марта минувшего года. Серьёзные трения возникли также между Болгарией и Грецией. Не получив всего того, чего она хотела в северном Эпире, Греция намеревалась вознаградить себя за счёт Болгарии в южной Македонии и во Фракии. С самого начала войны между Болгарией и Грецией шла борьба из-за судьбы Салоник. Невзирая на то, что

Сербия и Греция ещё продолжали совместно с Болгарией вести войну против Турции, они начали между собой переговоры о действиях против Болгарии. Через день после заключения Лондонского мира с Турцией, т. е. 1 июня 1913 г., был подписан греко-сербский союз. К нему примкнула и Румыния.

В течение войны с Турцией Румыния требовала от Болгарии южной Добруджи в качестве компенсации за свой нейтралитет. Сначала румыны добивались границы по линии Туртукай — Балчик, затем, несколько умерив свои притязания, — по линии Силистрия — Балчик. Вмешательство России спасло Болгарию от потери большей части этой области; дело ограничилось передачей Румынии города Силистрии. Но Румынии было мало этого. Теперь она охотно откликнулась на приглашение Сербии и Греции совместно добиваться от Болгарии больших уступок.

Стремясь сохранить балканский блок, русская дипломатия прилагала все усилия, чтобы побудить Сербию и Грецию умерить свои притязания, а Болгарию — проявить уступчивость.

Наоборот, Австро-Венгрия всячески подталкивала Болгарию на войну. Австрийцы обещали предоставить ей заём и дать гарантию её территориальной целостности. Они обещали также организовать в Албании банды, которые беспокоили бы сербов с тыла.

Болгарское правительство сначала пыталось склонить Россию занять в болгаро-сербском споре решительную антисербскую позицию. На это русская дипломатия не шла. В Петербурге сознавали, что из всех балканских государств Сербия всего теснее связана с Россией. Сазонов отверг болгарские предложения. Он заявил болгарам, что, пока они не договорятся в Сербией, никакие переговоры с Россией для них невозможны. Он предложил лишь русский арбитраж в соответствии с сербо-болгарским договором 13 марта 1912 г.

Усилия русской дипломатии сохранить единство славянских государств успехом не увенчались. Болгария, руководимая военной партией во главе с царём Фердинандом и генералом Савовым, решительно повернула к сближению с Австро-Венгрией. 29 июня 1913 г. болгарские войска открыли военные действия против сербов и греков. Началась вторая балканская война.

Совершая нападение на своих прежних союзников, болгарское правительство рассчитывало, что Германия и Австрия сумеют удержать Румынию от вступления в войну. Этот расчёт оказался ошибочным. 3 июля 1913 г. Румыния объявила мобилизацию, а 10 июля начала войну против Болгарии.

Австрийское правительство было готово к вмешательству во вторую балканскую войну. Сначала, пока ждала победы Болгарии, Австрия собиралась воспрепятствовать русским попыткам заступиться за Сербию. Но скоро стало ясно, что болгары будут разбиты. Теперь Австрия уже готовилась выступить на их защиту, напад на Сербию с тыла, хотя бы такое выступление и вызвало отпор со стороны России. При этом она надеялась на поддержку Германии. Германский посол сообщал из Вены нижеследующее:

«Граф Берхтольд пригласил меня сегодня к себе. Министр заявил, что считает своим долгом не оставлять германского правительства в неясности относительно серьёзности положения монархии (Австро-Венгерской). Югославский вопрос, т. е. беспрепятственное владение провинциями, населёнными южными славянами, является для монархии, как и для Тройственного союза, вопросом жизни. Югославские провинции для монархии будет невозможно удержать при наличии на Балканах мощной Сербии, — в этом согласны все авторитетные круги. Поэтому в случае, если бы Сербия в союзе с Румынией и Грецией сокрушила Болгарию и получила территориальные приобретения, выходящие за пределы старой Сербии, Австрия, возможно, была бы вынуждена вмешаться. Монастир ни в каком случае не может быть оставлен в руках Сербии.

На мой вопрос, в какой момент и какого рода вмешательство он себе представляет, министр заметил, что психологический момент, без сомнения, можно было бы найти. Относительно способа и рода вмешательства он, конечно, ещё ничего не может сказать: это будет зависеть от обстоятельств. Он думает, что вмешательство должно будет начаться с дипломатического представления в Белграде; в случае безрезультатности оно будет подкреплено военным давлением. Если при этом выступит Россия, акция будет перенесена в Петербург. Министр ещё раз подчеркнул, что в Берлине — он надеется — понимают затруднительное положение монархии... Маленькая, разгромленная противником Сербия явилась бы для него, естественно, наиболее приятным разрешением вопроса; он безусловно предпочёл бы его оккупации Сербии Австрией. Но если первая альтернатива не будет иметь места, монархия будет вынуждена действовать, чтобы обеспечить свои владения».

На этот раз германское правительство отказало Австро-Венгрии в поддержке. После того как в декабре 1912 г. прозвучал предостерегающий голос Англии, оно, так же как и в дни агадирского кризиса, предпочло воздержаться от войны. Большое влияние на решение Германии оказал военный фактор. Как раз в 1913 г. были начаты чрезвычайные мероприятия по усилению германской армии. Они должны были дать эффект уже к концу 1913 г., но не ранее. Учитывало германское правительство и то обстоятельство, что Румыния стояла на стороне Сербии. Русская

дипломатия усиленно работала над тем, чтобы окончательно перетянуть Румынию в лагерь Антанты; всего больше содействовала этому румынско-венгерская борьба из-за Трансальвании.

5 июля 1913 г. кайзер решил предостеречь австрийцев. Вильгельм II поручил сообщить в Вену, что он «считает серьёзной ошибкой графа Берхтольда его решение занять в отношении Монастира ту же позицию, которая была в своё время занята им в отношении Дураццо», т. е. доступа Сербии к Адриатическому морю. Австрийцы подчинились указаниям Германии, тем более что немцев энергично поддерживала Италия.

Тяжёлым положением болгар воспользовалась Турция. 16 июля она напала на Болгарию вместе с двумя балканскими державами, с которыми только что воевала. 20 июля турки отняли, у болгар Адрианополь.

После предостережений со стороны Германии Австрия не оказала Болгарии ожидаемой поддержки. Поэтому в Софии были, естественно, разочарованы в австрийцах.

Для русской дипломатии как будто намечалась возможность вернуть болгар в лагерь Антанты. Ради этого она попыталась возратить Болгарии Адрианополь. В Лондоне снова началось совещание послов. Оно напомнило Турции об условиях Лондонского мирного договора касательно границы по линии Энос — Мидия. Но без применения реальной силы оказалось невозможным заставить Турцию признать нерушимость Лондонского мира. Вернуть Болгарии Адрианополь России не удалось. Всё же Россия спасла её от многих потерь в той войне, на которую Болгарию толкнула Австро-Венгрия.

В конце июля разбитая Болгария запросила мира. 30 июля в Бухаресте открылась мирная конференция. Во время мирных переговоров самая острая борьба развернулась между Болгарией и Грецией из-за порта Каваллы. Россия и Австрия, наперебой зазывая Болгарию на свою сторону, поддерживали болгарские притязания на эту гавань. Германия была гораздо сдержаннее, чем её союзница; покровительством Болгарии она опасалась окончательно оттолкнуть Румынию. Из вопроса о Кавалле германская дипломатия сделала средство привлечь на свою сторону Грецию. Франция также поддерживала Грецию, не желая дать ей ускользнуть в германский лагерь и учитывая её стратегическое значение в Средиземном море в качестве противовеса Италии. Итальянская дипломатия, естественно, поддерживала Болгарию. Кончилось дело победой Греции, на сторону которой стала и Англия.

Смотреть карты

Бухарестский мир.

Мир был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Сербия получила не только «спорную», но и почти всю «беспорную» болгарскую зону в Македонии; Греция — кроме южной Македонии с Салониками часть западной Фракии; часть восточной Фракии с Адрианополем вернулась к Турции; Румыния приобрела южную Добруджу. Таким образом, Болгария потеряла не только большую часть своих завоеваний, но и некоторые давние свои владения.

Вторая балканская война означала новую расстановку сил на Балканах. Вместо единого балканского блока под эгидой России теперь наметились две группировки: Сербия, Греция и Румыния, с одной стороны, Болгария, вскоре завязавшая переговоры с Турцией, — с другой. Самый факт распада блока был чрезвычайно выгоден для Германии и Австрии. Однако этот выигрыш уменьшался отходом Румынии в лагерь Антанты. После Бухарестского мира державы повели лихорадочную работу, стремясь закрепить своё влияние на каждую группировку. Одним из главных средств этой борьбы было предоставление займов балканским странам.

Смотреть карты

Балканский вопрос в конце 1913 — начале 1914 г.

Вскоре на Балканах вспыхнул новый международный конфликт. Сербия, чрезвычайно усилившаяся после второй войны, решила ещё раз попытаться добиться выхода к Адриатике, заняв часть Албании. Между тем летом 1913 г. Лондонская конференция послов приняла «органический статут албанского государства». Албания объявлялась независимым княжеством «под гарантией шести держав». Выбор монарха предоставлялось произвести великим державам в шестимесячный срок. «Контроль над гражданским управлением и финансами Албании», согласно статуту, поручался «международной комиссии, составленной из делегатов шести держав и делегата Албании». В нескончаемых спорах и интригах конференция послов устанавливала границы албанского государства, вопрос о которых был оставлен открытым в Лондонском мирном договоре от 30 мая и передан на усмотрение великих держав. Россия и Франция при проведении границы поддерживали Сербию и Грецию; Германия, Австрия и Италия — Албанию. Англия

изменила свою позицию по сравнению с минувшей зимой. Она теперь становилась на сторону Германии, Австрии и Италии. 11 августа конференция вынесла решение об основном направлении границ. Были созданы две разграничительные комиссии; они выехали на место, чтобы реализовать постановления международной конференции. Это означало, что дипломатическая борьба из здания Форейн офис, где заседала Лондонская конференция, переносится в палатки международных комиссий в Албанских горах. Там царили весьма своеобразные нравы. Русский уполномоченный генерал-майор Потапов перехватил письма германского уполномоченного майора Лафферта; они дают некоторое понятие о приёмах работы разграничительных комиссий.

- октября Лафферт писал: «Теперь Союз (Тройственный) стоит сплочённо против Согласия. Француз так обозлился, что уже грозил отъездом. Союз сегодня днём обработал англичанина, и мы должны были перетянуть его к себе».
- октября: «Мы переубедили англичанина. Большой конфликт. Правительства запрашивают информации... На обратном пути я прогалопировал мимо француза, чтобы испугать его лошадь, которая несколько упряма. Результат был великолепен сверх ожиданий. Теперь он хромает и на здоровую ногу тоже... В общем Союз хочет видеть Албанию елико возможно большей, Согласие — елико возможно меньшей. Затем, как Италия, так и Австрия считают Албанию сферой своего влияния и благодаря этому ежеминутно ссорятся. Англию... мы перетягиваем на свою сторону».

Пока тянулась работа комиссий, между сербами и албанцами происходили непрерывные конфликты. В октябре, после одного нападения албанцев, сербское правительство провело частичную мобилизацию и оккупировало часть албанской территории. При этом оно заявило, что не освободит её, пока в Албании не будет установлен порядок. Тогда австрийское правительство решило, что нужно воспользоваться, наконец, сербским выступлением для превентивной войны и полного разгрома Сербии.

14 октября Берхтольд телеграфировал австрийской миссии в Белграде: «Мы должны поставить сербскому правительству вопрос, намерено ли оно прекратить военную подготовку к вторжению в Албанию, — вернее, готово ли оно отозвать в определённый краткий срок находящиеся на албанской территории войска. От ответа на этот вопрос и от выполнения прежних сербских заявлений должно будет зависеть дальнейшее отношение монархии к Сербии, так как мы решились обеспечить всеми способами, которые найдём подходящими, безусловное соблюдение лондонских решений». Берлин на этот раз снова заверял Вену в своей полной поддержке. Инструкция, посланная заместителем статс-секретаря ведомства иностранных дел послу в Вене, гласила: «Вам следует сказать графу Берхтольду, что в стремлении к обеспечению жизнеспособной Албании мы твёрдо стоим на стороне Австро-Венгрии и предписали императорскому поверенному в делах в Белграде решительно поддерживать австрийский демарш. Кроме того, мы пригласили к сотрудничеству Англию, под председательством которой выносились поставленные под угрозу лондонские решения». Это было передано по телеграфу в Вену 16 октября. А в ночь с 17 на 18 октября 1913 г. австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд отправил австрийскому посланнику в Белграде предписание вручить сербскому правительству ультиматум. Австрия требовала немедленного очищения Албании. В противном случае она грозила войной. Сербское правительство, посоветовавшись с русским правительством, приняло ультиматум: оно вывело войска на 24 часа раньше срока, к великому огорчению австрийских империалистов. Ещё раз Россия и Сербия отступили под австро-германским нажимом.

Едва прошёл месяц после австрийского ультиматума Сербии, как на Ближнем Востоке уже возник новый международный конфликт. В ноябре 1913 г. между Германией и Турцией было заключено соглашение об отправке в Турцию германской военной миссии из 42 офицеров. Во главе миссии был поставлен генерал Лиман фон Сандерс. Миссия должна была заняться реорганизацией турецкой армии. При этом Лиман фон Сандерс был назначен на должность командующего корпусом, расположенным на берегах проливов. 14 декабря Лиман прибыл в Константинополь.

Миссия Лимана вызвала в Петербурге негодование. Получалось так, что на берегах Босфора оказывалась военная сила, которой командовали немцы. Председатель Совета министров Коковцев проездом из Парижа остановился в Берлине и лично вёл с германским канцлером и с самим Вильгельмом переговоры о миссии Лимана. Он требовал по крайней мере отказа Лимана от командного поста в столице. Германское правительство как будто соглашалось, что германский генерал может командовать корпусом, расположенным и в другом месте. Но, повидимому, по тайному внушению тех же немцев, Порты решительно отвергла вмешательство России в функции германского генерала в Турции. Царское правительство обратилось за поддержкой в Париж и Лондон. Франция, хотя и не особенно охотно, но всё-таки выразила готовность поддержать Россию. Англия заняла более уклончивую позицию. После довольно острых переговоров русская дипломатия добилась от немцев и турок некоторой уступки. Лимана произвели в следующий чин; это давало формальное основание освободить его от должности командира корпуса. Таким

образом, от командного поста в столице Лиман отказался. Но фактически германская миссия всё-таки продолжала играть в турецкой армии руководящую роль. Усиление германского влияния в Турции грозило сделать Германию хозяйкой проливов.

Дело Лимана фон Сандерса совпало с подготовкой к переговорам о новом русско-германском торговом договоре. Он должен был заменить договор 1904 г., по которому Россия в трудную минуту сделала Германии очень большие уступки, дабы обеспечить её благожелательный нейтралитет в войне на Дальнем Востоке. Предстоявшие переговоры вызывали ожесточённую полемику между русской и германской печатью.

Дело Лимана фон Сандерса было новой провокацией германского империализма. Она дополнила длинный перечень тех испытаний, которым Германия подвергла международный мир. Открылся этот перечень танжерским выступлением кайзера. Он продолжался провокацией в Касабланке и ультиматумом Бюлова в дни боснийского кризиса, «прыжком „Пантеры”» и двукратными угрозами Сербии: в конце 1912 г. и, наконец, спустя ровно год после этого.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Содержание

- **Международное положение к лету 1914 г. Ближний Восток.**
- **Дальневосточный вопрос в 1908 - 1914 гг.**
- **Англо-германские отношения в 1913 и начале 1914 г.**
- **Германский империализм решает начать войну.**
- **Сараевское убийство.**
- **Переговоры в Потсдаме.**
- **Эдуард Грей как дипломат.**
- **Приезд Пуанкаре в Петербург. Австро-венгерский ультиматум Сербии.**
- **Грей раскрывает позицию Англии.**
- **Германский ультиматум России.**
- **Начало русско-германской войны.**
- **Борьба в английском кабинете.**
- **Объявление Германией войны Франции.**
- **Вторжение германских войск в Бельгию.**

Международное положение к лету 1914 г. Ближний Восток.

Балканские войны привели к ещё большему обострению международной ситуации. Правда они завершили освобождение балканских славян от гнёта Турции. Но они же усилили противоречия между балканскими государствами. Турецкий гнёт был свергнут не революцией, а войной балканских монархических правительств; это привело к ожесточённой борьбе между победителями Турции. Болгария жаждала реванша за вторую балканскую войну; Турция ждала благоприятного момента, чтобы отнять у Греции Эгейские острова; Италия не очищала занятого ею Додеканеза; Греция и Сербия не хотели примириться с новыми границами Албании. Но это не всё. За балканскими монархиями стояли великие империалистические державы, которые оспаривали друг у друга влияние на Ближнем Востоке. Россия и Англия стремились вырвать Турцию из-под германского влияния. В Софии, Бухаресте и Афинах шла ожесточённая борьба между Антантой и австро-германским блоком за политическую ориентацию балканских правительств, за их военные силы, необходимые ввиду надвигающейся мировой войны. Австрия ждала случая расправиться с Сербией; Сербия стремилась освободить югославян Австро-Венгрии; Россия покровительствовала сербам. Венское правительство видело в Сербии и южнославянской пропаганде опасность для самого существования Австро-Венгерской империи. Россия усматривала в Сербии лучшую свою опору против Австрии на балканском плацдарме. Стоило ещё раз вспыхнуть австро-сербскому конфликту, достаточно было России не отступить перед центральными державами, — и могла начаться австро-русская война. А тогда уже неизбежно заработал бы механизм союзов. Австрия не решилась бы начать войну с Сербией без санкции Германии. Если бы такая война возникла, это означало бы, что Германия признаёт момент подходящим для решительного боя за передел мира. Франция не могла бы не поддержать России, ибо разгром Российской империи не только уничтожил бы шансы на реванш, но и оставил бы Францию беззащитной перед лицом германского империализма. Наконец, и Англия не могла бы не оказать помощи Франции против своего опаснейшего германского соперника. Таким образом, Балканы превратились в пороховой погреб Европы. Стоило бросить в него спичку, чтобы произошёл общеевропейский взрыв.

Весной 1914 г. дипломатия обеих группировок продолжала спешно работать над укреплением своих позиций в ожидании неизбежной схватки. В июне 1914 г., во время свидания Николая II с румынским королём в Констанце, Сазонов приложил все старания, чтобы окончательно склонить Румынию на сторону Антанты. В свою очередь и австро-германский блок продолжал свою работу по привлечению Болгарии. При этом предполагалось добиться её сближения с Турцией, чтобы

объединёнными болгаро-турецкими силами парализовать антантофильскую группу балканских государств и прежде всего — Сербию.

Румыно-венгерские противоречия в Трансильвании приобрели настолько острый характер, что венгры уже считали безнадежным делом добиваться соблюдения Румынией союзных обязательств по отношению к центральным державам. Германское правительство, напротив, полагало, что необходимо во что бы то ни стало удержать Румынию на своей стороне; поэтому оно требовало от венгров уступок трансильванским румынам. На этой же точке зрения стоял и эрцгерцог Франц-Фердинанд. Он не питал симпатии к венграм; они платили ему той же монетой. Во время свидания в Конопишт.; (в июне 1914 г.) Вильгельм II договорился с Францем-Фердинандом о следующей дипломатической программе: укрепление союза с Румынией; поощрение болгаро-турецкого сближения; наконец, примирение Румынии с Болгарией.

Смотреть карты

Дальневосточный вопрос в 1908 - 1914 гг.

Подготовка к войне против Германии требовала от Антанты обеспечения своих интересов и тыла на Дальнем Востоке. Особенно повелительно стояла эта задача перед Россией и Англией. России было необходимо оградить себя от опасности возникновения второго фронта на Дальнем Востоке, Англии — обеспечить неприкосновенность своих гигантских колониальных владений и своих экономических интересов в Китае и во всём бассейне Тихого океана.

После заключения русско-японского соглашения в 1907 г. Россия и Япония продолжали таить взаимную вражду. У царского правительства не могло быть прочной уверенности, что Япония не предпримет каких-либо агрессивных действий против России в Северной Манчжурии. Но вместе с тем Россия и Япония в известном смысле являлись и союзниками. По соглашению 1907 г. они поделили Манчжурию. Поэтому, при всём взаимном недоверии, они оказывались солидарными, когда третьи державы пытались нарушить их монополию в этой части Китая. Такие попытки имели место преимущественно с американской стороны. Если Англия и после русско-японской войны всё-таки осталась союзницей Японии, то США всё больше рассматривали её как своего опаснейшего врага.

Правда, ещё до заключения Портсмутского мира, в июле 1905 г., Рузвельт дал согласие на японский контроль над Кореей. В обмен японское правительство обязалось не покушаться на захват Филиппинских островов. 30 ноября 1908 г. последовало так называемое соглашение Рут — Такахири. По этому соглашению, заключённому в форме обмена нотами, США и Япония заявляли, что «политика обоих правительств, не руководимая никакими агрессивными тенденциями, имеет целью сохранение существующего status quo в вышеуказанной области (т. е. в бассейне Тихого океана) и защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае». Иначе говоря, Япония как бы подтверждала своё согласие с американской доктриной «открытых дверей». Далее, Япония и США заявляли, что «они... питают твёрдое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области». Соглашение предусматривало взаимную консультацию на случай каких-либо потрясений status quo в бассейне Тихого океана: «Если бы какое-либо обстоятельство стало угрожать вышеописанному status quo или вышеустановленному принципу равных возможностей, два правительства вступят в сношения друг с другом с целью прийти к соглашению насчёт мер, которые они сочтут нужным принять».

Невзирая на дипломатические соглашения, американско-японский антагонизм постепенно углублялся. Достаточно ярко проявился он, например, в тех попытках интернационализации манчжурских железных дорог, которые уже давно исходили от американских деловых кругов при прямой и официальной поддержке правительства США. В 1908 г. царское правительство, подумывая о ликвидации своих североманчжурских интересов, обратилось к группе американских капиталистов с предложением организовать досрочный выкуп КВЖД китайским правительством. Американское правительство заинтересовалось этим планом. В 1909 г. оно повело переговоры с Россией, прямо указывая, что осуществление подобного проекта может стать орудием против дальнейших захватов со стороны Японии. Предполагалось образование международного банковского синдиката, который реализовал бы Китаю заём для выкупа всех железных дорог в Манчжурии. После этого эксплуатация дорог была бы поручена Китаю тому же синдикату. 8 января 1910 г. царская Россия, уже несколько оправившаяся от потрясений 1904 — 1905 гг., отклонила этот проект. Вместо ликвидации КВЖД она стала на путь дальнейшего соглашения с Японией.

Японское правительство относилось к проекту выкупа КВЖД резко враждебно, так же как и к американским попыткам купить ЮМЖД. Почти одновременно с предложением США об интернационализации манчжурских дорог Япония предложила царскому правительству дипломатическое соглашение и даже союз для совместной охраны их обоюдной монополии в Манчжурии. 4 июля 1910 г. было подписано новое русско-японское соглашение, шедшее ещё

дальше договора от 30 июля 1907 г. Оно состояло из публичных и секретных статей. В публичной части провозглашалось: «Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются оказывать друг другу дружественное содействие для улучшения их железнодорожных линий в Манчжурии и для усовершенствования соединительной службы вышеуказанных железных дорог, воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели». Далее следовали пункты о поддержании в Манчжурии status quo и о взаимной консультации в случае, если он окажется под угрозой нарушения.

В секретных статьях подтверждался раздел Манчжурии на сферы влияния, установленный договором 1907 г. При этом, однако, добавлялось (статья 2): «Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах. Они признают, следовательно, за каждой из них право свободно принимать в её сфере все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов».

Это последнее положение, по существу, представляло обоюдное признание права почти неограниченного вмешательства России и Японии в манчжурские дела в пределах соответствующих сфер влияния.

В том же 1910 г. Япония формально аннексировала Корею.

В 1911 г. в Китае произошла буржуазно-демократическая революция. Японское правительство, опасавшееся, что этот переворот поведёт к национальному сплочению Китая и к усилению борьбы против иноземных империалистов, попыталось склонить Россию к интервенции для восстановления власти богдыхана.

Первыми заговорили с русскими об интервенции тогдашний лидер японской военщины Кацура и военный министр Исимото. Последний заявил русскому военному агенту, что для переговоров об интервенции он выделяет известного генерала Танака (в ту пору начальника департамента). На другой день Танака предложил русским детально разработанный план совместной вооружённой интервенции России и Японии. Танака перечислял, какие воинские части и каким путём будут отправлены в Китай, предлагал России использовать Южно-Манчжурскую железную дорогу и т. д. «Целью посылки отряда генерал-майор Танака выставлял поддержку с согласия России и Англии китайского императора». Ближайшей территориальной сферой интервенции он называл Пекин, Тяньцзинь и железную дорогу от этих пунктов до Шанхайгуаня. Через несколько дней генро Кацура, считавшийся закулисным руководителем японской политики, дал понять русскому посланнику, что Танака действовал по его указанию. Японское Министерство иностранных дел (в лице министра Уцида) было, однако, враждебно этим планам «военной партии», возглавлявшейся Кацура и Ямагата. Организовать интервенцию не удалось, и в конце концов Япония согласилась консолидировать режим Юань Шикая посредством предоставления ему займа.

Обширные коммерческие и финансовые интересы Англии в Китае не могли не порождать англо-японских противоречий. Однако борьба против Германии делала для Англии желательным сотрудничество с Японией. 13 июля 1911 г. состоялось возобновление англо-японского союза.

В 1912 г. Англия воспользовалась внутренней борьбой в Китае для превращения Тибета в свою сферу влияния.

Крупные перемены произошли и в Монголии. После падения в Китае монархии правитель Монголии (хутухта) отказался повиноваться республике и отложился от Китая. 3 ноября 1912 г. им было заключено соглашение с Россией.

Россия фактически согласилась считать Тибет сферой влияния Англии. Велись переговоры об изменении в этом смысле соглашения 1907 г. Со своей стороны Англия признала русские интересы во Внешней Монголии. То же самое сделала и Япония. Восточная Внутренняя Монголия с согласия России становилась сферой влияния Японии. По соглашению от 5 ноября 1913 г., Россия добилась от Китая признания национальной автономии Монголии.

Таким образом, на Дальнем Востоке нарастал японо-американский антагонизм, в то время как англо-японские и русско-японские противоречия притуплялись тем, что Россия и Англия были заняты подготовкой к борьбе с Германией. С началом первой мировой войны зависимость этих держав от Японии на Дальнем Востоке ещё увеличилась. Теперь Япония могла в полной мере использовать те особые «удобства грабить Китай», о которых писал Ленин и которые обеспечивались ей географическим положением.

Смотреть карты

Англо-германские отношения в 1913 и начале 1914 г.

В напряжённой международной борьбе главными противниками оставались Германия и Англия. Англо-германский антагонизм и был основным фактором в империалистической борьбе, приведшей к войне 1914 г. Однако в 1913 и в начале 1914 г. усилия британской дипломатии были направлены на то, чтобы замаскировать остроту англо-германского антагонизма. В эти годы Англия, во-первых, заигрывала с Тройственным союзом при определении границ Албании, во-

вторых, как бы в продолжение миссии Холдена, она вела с Германией переговоры касательно возобновления известного договора 1898 г. о разделе португальских колоний. Наконец, английская дипломатия перестала чинить Германии препятствия по финансированию Багдадской дороги.

Договор 30 августа 1898 г. о разделе португальских колоний был извлечён из пыли архивов и даже несколько изменен в пользу Германии. Теперь ей должна была достаться уже вся Ангола, в то время как в 1898 г. ей отводилась только часть этой области. Переговоры об этом соглашении в основном были завершены во время пребывания короля Георга V в Берлине, в мае 1913 г. Визит этот и сам по себе имел значение как манифестация англо-германского «сближения». В августе 1913 г. соглашение о португальских колониях было парафировано. Впрочем, Грей затянул подписание и опубликование уже парафированного документа. Окончательная договорённость была достигнута только в конце июля 1914 г., всего за несколько дней до начала мировой войны.

Вопрос о Багдадской дороге разрешался параллельно с судьбой португальских колоний. Ещё в 1906 г. Англия дала согласие на 3-процентную надбавку турецких пошлин, но с тем, чтобы полученный благодаря этому излишек государственного дохода в большей своей части пошёл на улучшение администрации в Македонии. Таким образом, финансирование Багдадской дороги от этого ничего не выиграло. Скорее, оно даже осложнилось, так как теперь его источником могло стать лишь новое увеличение пошлин. Так встал вопрос о дальнейшей, 4-процентной надбавке к таможенному обложению, с тем чтобы довести его до 15% стоимости товара. Так как для Англии особенную важность представляли земли, прилегающие к Персидскому заливу, то явилась мысль получить согласие Англии на повышение пошлин ценой уступки ей последнего участка Багдадской железной дороги, простирающегося от Багдада до побережья Персидского залива.

Осенью 1912 г. Англия выразила готовность согласиться на 4-процентное повышение пошлин, в случае если Турция признает Персидский залив сферой английского влияния. Кроме того, Англия требовала, чтобы Багдадскую дорогу не продолжали за Басру без специального на то разрешения Англии. Она добивалась, далее, контроля над портом Басра и подтверждения Турцией британских привилегий в вопросе о навигации по Тигру и по Шат-эль-Арабу. Наконец, в правление Багдадской дороги должны были войти два английских представителя.

После первой балканской войны великий визирь приезжал в Лондон. Здесь, стремясь завоевать благоволение Англии для предстоявших мирных переговоров, он изъявил согласие на удовлетворение английских пожеланий. В свою очередь и Германия, соблазнённая к тому же предложенной ей добычей в португальских колониях, обещала Англии без её соизволения не продолжать железной дороги за Басру, к побережью залива. Признав наличие у Англии «специальных интересов» на Шат-эль-Арабе, немцы удовлетворили и другие пожелания, выполнением которых английская дипломатия обусловила своё согласие на завершение Багдадской дороги. Между прочим создавались акционерные общества для эксплуатации мосульской нефти и судоходства по Шат-эль-Арабу, в которых доля английского капитала равнялась 50 %. Другая половина акций нефтяной компании делилась поровну между немцами и голландцами. При тесных связях голландского нефтяного капитала с английским это соглашение означало, что экономически мосульская нефть достанется Англии. Таково было содержание англо-германской конвенции, которая была совсем готова для подписи к 15 июня 1914 г. Но акт подписания был несколько отложен; разразившаяся вслед за тем война застала неподписанным также и этот документ. Известно, что Грей искал смягчения англо-германских отношений прежде всего потому, что боялся прогерманской оппозиции в кабинете. Эта его слабость, а быть может и лицемерие, повлекла тяжёлые последствия. В Берлине никогда не страдали избытком скромности. А в результате пацифистских жестов и маневров английской дипломатии в Берлине и в Вене укрепилась надежда на то, что Англия и не собирается участвовать в войне против Германии. Подобные иллюзии не делали чести проницательности австрийских и германских политиков; тем не менее они остаются историческим фактом.

Симптомы англо-германского сближения начали сильно беспокоить и Париж и Петербург. Английские дипломаты ничего не имели против того, чтобы посредством переговоров с Германией поднять себе цену у своих партнёров по Антанте. Но они вовсе не хотели отталкивать их от себя. Поэтому для некоторого успокоения французов весной 1914 г. был организован визит английского короля в Париж. Вместе с Георгом V отправился туда и Грей.

В Париже Пуанкаре стал убеждать Грея установить более близкие отношения с Россией. Ради этого французы уговаривали англичан заключить с Россией военно-морскую конвенцию. Вопрос о ней был поставлен Сазоновым ещё в 1912 г., во время его пребывания в Англии, в замке Бальмораль. Теперь по просьбе Сазонова Пуанкаре возобновил разговор на эту тему. Грей выразил готовность обсудить вопрос. Вскоре действительно начались англо-русские переговоры. Они немедленно стали известны немцам, которые имели своего агента среди персонала царского посольства в Лондоне. В немецкой печати появились сенсационные разоблачения. Раздосадованные англичане прервали переговоры. 11 июня Грей категорически отрицал в Парламенте факт каких-либо переговоров о конвенции с Россией.

Смотреть карты

Германский империализм решаете начать войну.

Обе враждовавшие друг с другом группировки держав, и Антанта и Тройственный союз, вели империалистическую политику и подготовляли захватническую войну. Поэтому в войне 1914 — 1918 г. «её виновники — империалисты всех стран». Но непосредственно начала войну летом 1914 г. Германия. Она была самой агрессивной державой, вооружалась наиболее поспешно и успела лучше и быстрее всех подготовиться к войне.

По состоянию военной подготовки на суше Германии в 1914 г. было выгодно форсировать давно подготовлявшуюся обеими сторонами войну за передел мира. Расчёты германского империализма достаточно ясно изложил в июле 1914 г. статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов. «В основном, — писал он послу в Лондоне, — Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; её Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа, между тем, всё более слабеет», Этими последними словами Ягов намекал на прогрессирующее разложение Австро-Венгрии.

«В России, — продолжал Ягов, — это хорошо знают и поэтому безусловно хотят ещё на несколько лет покоя. Я охотно верю вашему кузену Бенкендорфу, что Россия сейчас не хочет войны с нами». Вряд ли кто другой доказал более убедительно, что именно Германия начала войну в августе 1914 г., чем это сделал сам германский министр иностранных дел.

Соображения военного порядка и определили позицию германской дипломатии, когда в конце июня 1914 г. возник очередной австро-сербский конфликт. Разыгралось это столкновение в связи с убийством наследника австрийского престола.

Смотреть карты

Сараевское убийство.

В Сербии имелся ряд националистических организаций, которые ставили своей задачей объединение южных славян и создание «Великой Сербии». Среди офицеров сербской армии существовала тайная организация под наименованием «Чёрная рука». Целью её было освобождение сербов, находившихся под властью Австро-Венгрии. «Чёрная рука» была построена на основе строжайшей конспирации. Имена её членов были известны только центральному комитету. Рядовые участники не знали друг друга. Каждый член общества был обязан привлечь в него нового члена и отвечал своей жизнью за его верность. Вождём «Чёрной руки» был полковник Драгутин Дмитриевич, по кличке «Апис», начальник сербской контрразведки. Правительство Пашича его побаивалось.

Старый австрийский император Франц-Иосиф доживал свои последние годы. По мере того как он дряхлел, в политической жизни Австро-Венгрии всё большее значение приобретал его племянник, наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, глава военной партии, подготовлявшей войну против Сербии. Планы эрцгерцога были известны «Чёрной руке». Эта организация задумала убийство австрийского наследника. Сербское правительство догадывалось о заговоре и не одобряло его. Оно опасалось его последствий в момент, когда ещё не была закончена программа реконструкции русской армии, а сербская армия ещё не залечила ран, нанесённых балканскими войнами. Но сербское правительство не мешало «Чёрной руке», которая держала его в страхе.

28 июня 1914 г. Франц-Фердинанд был убит в населённом сербами боснийском городке Сараево, куда он приехал, чтобы присутствовать на происходивших там манёврах австро-венгерской армии.

Смотреть карты

Переговоры в Потсдаме.

На другой день после убийства эрцгерцога в Вене царил полная растерянность. Начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф требовал войны против Сербии. Его поддерживал и министр иностранных дел, легкомысленный аристократ граф Берхтольд. Однако премьер Венгрии граф Тисса выступал против «военной партии», — а этот государственный деятель пользовался не малым влиянием. Престарелый император колебался. Весь опыт его долгой жизни научил его

одному: высшая политическая мудрость, по его мнению, заключалась в том, чтобы, по возможности, никогда не принимать никаких ответственных решений.

В этой обстановке колебаний и нерешительности, вполне понятных ввиду внутренней непрочности Габсбургской монархии, было, конечно, совершенно естественным запросить мнение союзника. Даже Конрад фон Гетцендорф полагал, что без помощи со стороны Германии нельзя идти на риск войны. На этом первом этапе кризиса вопрос о войне и мире фактически решался в Берлине. Вильгельму II было послано личное письмо Франца-Иосифа и меморандум венского правительства по поводу балканской политики Австро-Венгрии. Эти документы повёз секретарь Берхтольда граф Голос. В своём письме Франц-Иосиф допускал, что в сараевском деле «будет невозможно доказать соучастие сербского правительства. Тем не менее, — продолжал император, — по существу нельзя сомневаться, что политика сербского правительства направлена на объединение южного славянства и, следовательно, против владений габсбургского дома». И старый император приходил к заключению, что Сербия должна быть «устранена с Балкан в качестве политического фактора».

Австро-сербский конфликт не был новостью. Столкновений между Австрией и Сербией было немало в последние годы. Много раз мир висел на волоске, но войны удавалось избежать: либо Россия из-за своей военной неподготовленности убеждала Сербию уступить, либо сама Германия, считая момент не подходящим, удерживала своего австрийского союзника.

На этот раз германское правительство считало положение благоприятным. В Берлине знали, что, с одной стороны, Россия ещё не готова к войне, а с другой, — что эта неподготовленность скоро отойдёт в область прошлого. «Вооружаясь из всех сил в расчёте на войну, Россия не замышляет её в настоящий момент или, лучше сказать, сейчас она ещё недостаточно подготовилась к ней». Если Россия и решится выступить на защиту Сербии, которая является главной опорой её политики на Балканах, то «она сейчас ещё далеко не готова в военном отношении и ещё не так сильна, как она предположительно будет через несколько лет». Так доносил своему правительству австро-венгерский посол в Берлине граф Сегени. Русская большая военная программа должна была завершиться только в 1917 г. Итак, если Россия не вмешается в австро-сербскую распрю, Австрия уничтожит Сербию; это будет серьёзным выигрышем для австро-германского блока. Если же Россия всё-таки решится воевать, то развернётся большая война в условиях, выгодных для Германии. Дальше эти условия грозят измениться в худшую сторону. Саксонский военный агент 2 июля 1914 г. также доносил из Берлина в Дрезден, что германское военное руководство стремится начать войну. «У меня создалось впечатление, что большой генеральный штаб считал бы желательным возникновение войны сейчас», — писал он. Позиция германской военщины и германской дипломатии была совершенно ясно разоблачена Лениным. «Немецкая буржуазия, — писал Ленин осенью 1914 г., — распространяя сказки об оборонительной войне с её стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с её точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предreshённые Россией и Францией».

5 июля 1914 г. Вильгельм II принял в Потсдамском дворце австрийского посла Сегени и дал ему ясный ответ: «не мешкать с этим выступлением» (против Сербии). Так передавал Сегени слова германского императора. «Позиция России будет во всяком случае враждебной, но он (кайзер) к этому уже давно подготовлен, и если даже дело дойдёт до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены в том, что Германия с обычной своей союзнической верностью будет стоять на нашей стороне».

Сегени и Гойос встретились также с Бетманом и помощником статс-секретаря иностранных дел Циммерманом. Бетман заявил австрийцам, что в конфликте из-за Сербии Австрия «может с уверенностью рассчитывать на то, что Германия будет стоять за нею в качестве союзника и друга». Таким образом, Вильгельм II обеспечил победу военной партии в Вене; решающий шаг к мировой войне был сделан.

Одобрив план австрийской расправы с Сербией, Вильгельм II тут же вызвал к себе в Потсдам представителей военного и морского командования. Он предупредил их о вероятности войны. В ответ ему было заявлено, что всё готово. «Мне нечего было делать после этой аудиенции, — сообщает генерал-квартирмейстер германского генерального штаба. — План мобилизации был закончен 31 марта 1914 г. Как всегда, армия была готова».

Написавший эти строки генерал не хвастался понапрасну. Летом 1914 г. Германия превосходила своей военной подготовкой и царскую Россию и Францию. Это превосходство относилось к скорости мобилизации, точности работы железных дорог, обилию офицерских кадров, предварительной подготовке широкого боевого использования резервных формирований, к насыщенности армии артиллерией, в особенности к наличию полевой тяжёлой артиллерии.

После потсдамских бесед были приняты меры довольно примитивной дипломатической маскировки: руководящие германские политики отправились отдыхать, как будто на международной арене ничего чрезвычайного не происходило. Официозная пресса получила задание — заметки об австро-сербских отношениях редактировать «нарочито мягко». Так гласила

директива, данная в середине июля ведомством иностранных дел газете «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». «Высоко официальный орган, — писал Ягов об этой директиве, — не должен преждевременно бить тревогу».

7 июля 1914 г., по получении ответа из Берлина, в Вене состоялось заседание Совета министров. «Все присутствующие, — гласит протокол этого совещания, — за исключением королевского венгерского председателя Совета министров (Тисы), придерживаются мнения, что чисто дипломатический успех, даже в том случае, если бы он закончился полнейшим унижением Сербии, не имел бы ценности. Поэтому нужно предъявить к Сербии настолько радикальные требования, чтобы можно было заранее предвидеть их отклонение, дабы приступить к радикальному же разрешению вопроса путём военного вмешательства»

Однако в Вене к делу приступили не сразу. Пока Тисса возражал против войны, начинать её было немыслимо. Нельзя было воевать, когда глава правительства одной из двух составных частей государства заявлял, что он на это не согласен. Позиция Тиссы объяснялась тем, что в случае победы он опасался аннексии славянских областей, замены австро-венгерского дуализма австро-венгерско-славянским триализмом и умаления роли Венгрии. В случае поражения он ждал гибели старой Габсбургской монархии. Лишь с большим трудом сторонникам войны удалось переубедить графа Тиссу. Когда этого достигли, наступила уже середина июля.

Эти проволочки вызывали недовольство в Берлине. Оттуда торопили, опасаясь, как бы Австро-Венгрия не стала бить отбой. Вильгельму казалось, что «дело тянется слишком долго». На донесении германского посла в Вене, что Берхтольд ломает себе голову над тем, какие требования предъявить сербам, Вильгельм сделал следующую пометку: «Очистить санджак! Тогда немедленно последует свалка!» — такого рода советы летели в Вену.

Пока австро-венгерское правительство раздумывало над выступлением против Сербии, дипломатия держав Антанты не теряла времени даром. Наиболее сложной была дипломатическая игра английского правительства.

Смотреть карты

Эдуард Грей как дипломат.

Во главе британского Министерства иностранных дел с конца 1905 и по декабрь 1916 г. стоял сэр Эдуард Грей. Историки немало спорили о том, что за человек скрывался под безукоризненной внешностью этого прекрасно воспитанного, изысканно вежливого, спокойного, сдержанного джентльмена, возглавлявшего Форейн офис. Сэр Эдуард не любил говорить много; то же немногое, что он говорил, он предпочитал выражать неясно. Собеседник Грея часто не знал, как, собственно, надо понимать речи британского министра: усматривать ли в них многозначительный намёк, либо же полную бессодержательность, т. е. желание уклониться от выражения собственных мыслей.

Некоторые представители новейшей историографии стремятся изобразить Эдуарда Грея как человека, который старался не раздражать германского соперника и тем надеялся спасти Англию и весь мир от надвигавшейся страшной войны. Но факты несколько иначе рисуют политику Грея.

Британское Министерство иностранных дел было прекрасно информировано о положении вещей. Уже очень скоро после сараевского убийства Грей знал, что этот террористический акт будет использован венским правительством для агрессивного выступления против Сербии и что со стороны Германии Вена встретит поощрение. Несколько позже Грею стало известно, что и Россия не намерена ещё раз отступить перед австро-германским блоком. Как же должен был действовать Грей, если он хотел спасти мир? Ответ на этот вопрос мог дать его собственный практический опыт. Когда в 1911 г., в момент агадирского кризиса, возникла угроза общеевропейской войны, английское правительство публично — устами канцлера казначейства Ллойд Джорджа — ив секретно-дипломатическом порядке — через самого Грея — предупредило Германию, что Англия выступит на стороне Франции. И Германия ретировалась. Совершенно так же обстояло дело и в конце 1912 г.: заявление Англии, что она не останется нейтральной, вызвало умеряющее воздействие Германии на Австро-Венгрию.

Этот опыт подсказывал, что именно следовало сделать летом 1914 г., если Грей хотел спасти мир. Надо было рассеять в Берлине иллюзию, что Англия останется нейтральной в надвигавшейся европейской войне. Сделать это было тем более необходимо, что английская дипломатия в течение 1913 — 1914 гг. поддерживала в Берлине надежду на британский нейтралитет.

Как же повёл себя сэр Эдуард Грей? 29 июня 1914 г. он публично выразил в Парламенте сочувствие горю императора Франца-Иосифа. Это было актом вежливости. Дальше, в первые дни после сараевского убийства, Грей не предпринимал почти ничего. Он только собирал информацию...

6 июля 1914 г., на другой день после свидания Вильгельма с Сегени в Потсдаме, Грей виделся с германским послом князем Лихновским. Посол сообщил Грею о глубоком удовлетворении,

которое испытывает император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в Кильскую гавань. Поговорив немного о пустяках, Лихновский принялся зондировать Грея насчёт позиции, которую займёт Англия в надвигающихся международных осложнениях. С этой целью он заявил Грею, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии. «Они, конечно, при этом не думают захватить какую-либо территорию?» — спросил Лихновского Грей. Лихновский заверил, будто цель Австрии заключается вовсе не в территориальных аннексиях. Затем он довольно откровенно разъяснил позицию Германии. Если Германия откажет Австрии в помощи, Австрия будет недовольна. Если она поддержит Австрию, — возможны серьёзные осложнения с Россией. Посла особенно беспокоило, что если между Англией и Россией ведутся какие-то переговоры о морской конвенции, это может поощрить Россию на сопротивление Австрии. Грей убеждал Лихновского в миролюбии России. Если же осложнения всё-таки надвинутся, то он обещал сделать всё, чтобы «предотвратить грозу». Грей подтвердил предположение, высказанное Лихновским, что Англия «не может допустить уничтожения Франции». Дальше этого Грей не пошёл. Через два дня, 8 июля, Грей беседовал с русским послом Бенкендорфом. Он обрисовал ему всю серьёзность положения. Когда Бенкендорф попробовал изобразить ситуацию в менее тревожном свете, Грей возражал. Он настаивал на вероятности австрийского выступления и всячески подчёркивал враждебность Германии к России.

9 июля состоялась новая встреча Грея с Лихновским, вторая после убийства эрцгерцога. Английский министр снова говорил о миролюбивом настроении России и заверил, что Англия, не связанная с Россией и Францией какими-либо союзными обязательствами, располагает полной свободой действий. Германский посол старался узнать, согласится ли Англия в случае австро-сербского конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Петербург. «Я сказал, — сообщает Грей, — что если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определённых рамках, то будет, конечно, сравнительно легко склонить Петербург к терпимости». Австрия не должна, однако, преступать определённый предел. Иначе славянские симпатии могут побудить Россию обратиться к Австрии с чем-либо вроде ультиматума. Грей снова заверил Лихновского, что сделает «всё возможное, чтобы предотвратить войну между великими державами».

Любопытно, что если в беседах с Бенкендорфом Грей выдерживал пессимистический тон, то в те же дни, при встречах с Лихновским, он был уже оптимистом. Лихновский сообщал в Берлин, что Грей «был настроен весьма уверенно и в бодром тоне заявил, что не имеет оснований оценивать положение пессимистически». Накануне же царскому послу Бенкендорфу тот же Грей говорил, что «известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся». «Я ответил, — сообщал Бенкендорф, — что если Австрия попытается использовать содеянное убийство, общественное мнение в России не останется равнодушным». «Вот почему, — сказал Грей, — положение мне представляется очень серьёзным». «Его впечатления относительно намерений Берлина, — заключал Бенкендорф, — почерпнутые из многих источников, являются в общем не особенно благоприятными».

Достоин внимания, что, предупреждая Петербург, Грей не сделал предостерегающего заявления в Берлине. Он не попытался осадить германских империалистов, хотя и видел, что они берут курс на войну. Почему он не повторил опыта 1911 и 1912 гг.? Быть может, Грей боялся «пацифистского» крыла кабинета, которое подняло бы шум по поводу угроз по адресу Германии? Возможно, что именно эти соображения заставили его медлить с предостережением по адресу Берлина. Во всяком случае, каковы бы ни были мотивы Грея, избранная им линия поведения отнюдь не способствовала сохранению мира. Напротив, политика Грея поощряла немецкую агрессию.

Впрочем, с английской точки зрения, момент для войны был не так уж неблагоприятен. «Ни разу в течение трёх последних лет мы не были так хорошо подготовлены», — заявляет Черчилль, занимавший в кабинете Асквита пост первого лорда адмиралтейства. Во всяком случае на море Англия была ещё несравненно сильнее Германии.

Незадолго до вручения австрийского ультиматума Сербии Грей отклонил предложение Сазонова, чтобы Россия, Англия и Франция коллективно воздействовали на венское правительство. 23 июля, в день вручения ультиматума, в первый раз за всё время кризиса, английский министр встретился с австрийским послом. В Лондоне довольно хорошо знали, какой провокационный документ заготовили австрийцы для Сербии. Накануне вручения ультиматума, 22 июля, «Times» довольно точно изложил его содержание. Конечно, не хуже редакции газеты знал его и Грей. Да и Менсдорф сообщил Грею основные пункты австрийской ноты. И тем не менее при встрече с графом Менсдорфом Грей удовлетворялся сожалением, что предьявляется нота с ограниченным сроком для ответа; он отказался обсуждать её по существу, пока не увидит документ воочию. Затем он стал распространяться об ущербе, который нанесёт торговле война между *четырьмя* великими державами: Россией, Австрией, Францией и Германией. О возможности участия пятой державы, Англии, Грей не обмолвился ни словом. Донесение о беседе с Греем Менсдорф заключал следующими словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружелюбно и не без симпатии по отношению к нам». Это ли не было поощрением агрессии?

Смотреть карты

Приезд Пуанкаре в Петербург. Австро-венгерский ультиматум Сербии.

В первые дни после убийства эрцгерцога в Петербурге царило безмятежное спокойствие. Русская дипломатическая машина продолжала работать обычным своим ходом. От посла в Вене поступили успокоительные сообщения, и в министерстве были заняты такими предметами, как вопрос о 4-процентном повышении турецких пошлин, о предоставлении России места в Совете оттоманского государственного долга, о займе для Монголии и т. п. Первый сигнал тревоги пришёл в Петербург от Бенкендорфа из Лондона. Затем итальянское посольство информировало Петербург об угрожающей позиции своих союзников-австрийцев. 20 июля в Россию приехал Пуанкаре. Он заверил, что в случае войны с Германией Франция выполнит свои союзнические обязательства. Царское правительство решило на этот раз не отступать перед опасностью войны, как оно трижды делало это прежде: в 1909, 1912 и 1913 гг.

Между тем в Вене было решено с вручением ультиматума обождать, пока президент Французской республики не покинет русской столицы. Венские политики полагали, что без личного воздействия Пуанкаре царь и его министры легче примирятся с австрийским ультиматумом и, быть может, позволят Австро-Венгрии без помехи расправиться с Сербией. Дождавшись отъезда Пуанкаре из Петербурга, венское правительство поручило своему посланнику в Белграде передать 23 июля сербскому правительству ультиматум с 48-часовым сроком.

Ультиматум начинался с указания на попустительство со стороны сербского правительства антиавстрийскому движению и даже террористическим актам, вопреки обязательству, принятому Сербией в 1909 г. после аннексии Боснии. «Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, — гласил ультиматум, — что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками... и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлён начальствующими лицами сербской пограничной службы». Ввиду этого Австро-Венгрия требовала торжественного публичного осуждения сербским правительством всякой пропаганды и агитации против Австрии в официальном органе и особо — в приказе короля по армии. Далее следовали 10 требований более конкретного характера. В числе их были следующие: недопущение враждебной Австро-Венгрии пропаганды в сербской печати; закрытие антиавстрийских организаций; увольнение офицеров, чиновников и учителей, замешанных в антиавстрийской деятельности и пропаганде, причём списки этих лиц составлялись австро-венгерским правительством; устранение из школьного обучения всех элементов антиавстрийской пропаганды; участие австрийских властей в подавлении антиавстрийского движения на территории Сербии и в частности в следствии по сараевскому делу; строгое наказание лиц, замешанных в сараевском убийстве.

Текст австрийского ультиматума нарочито был средактирован так, чтобы государство, дорожащее своей честью, не могло его принять. Вручая ноту, австро-венгерский посланник барон Гизль заявил, что, если в установленный срок нота не будет принята целиком, он потребует свои паспорта. Сербское правительство тотчас же обратилось к России с просьбой о защите; оно заявляло, что ни одно правительство не может принять эти требования, которые равносильны отказу от суверенитета.

24 июля, утром, Сазонов срочно прибыл в Петербург из Царского Села. Ему ораву же подали свежую телеграмму из Белграда с сообщением об ультиматуме. Прочитав её, он воскликнул: «Это европейская война!» В тот же день состоялось заседание Совета министров. Совет решил предложить Сербии, если она своими силами не сможет защищаться, не оказывать сопротивления, но заявить, что она уступает силе и вручает свою судьбу великим державам. Далее, было решено, «в зависимости от хода дел», объявить мобилизацию четырёх военных округов. После заседания Сазонов дал сербскому посланнику совет отвести войска и рекомендовал проявить всяческую умеренность в ответе на австрийскую ноту. Наоборот, с германским послом Сазонов говорил весьма твёрдым тоном. Если он рассчитывал этим побудить Германию воздействовать на Австрию, то он ошибся: в Берлине были готовы идти не только на локализованную австро-сербскую войну, но и на вооружённую борьбу с Россией и Францией. Вильгельм II всецело одобрял текст австрийского ультиматума. «Браво, — заметил он по поводу „энергичного тона“ этого документа. — Признаться, от венцев этого уже не ожидали».

25-го, в назначенный срок, сербский премьер Пашич привёз барону Гизлю ответ сербского правительства. Сербская нота была составлена весьма дипломатично. Сербия не отклоняла наотрез провокационных требований Вены. Хотя и с оговорками, она принимала девять пунктов австрийского ультиматума. Только на одно Сербия отказывалась дать своё согласие: она не желала допустить австрийских представителей к расследованию заговора на жизнь эрцгерцога, считая, что это «было бы нарушением конституции и закона об уголовном судопроизводстве».

Барон Гизль бегло просмотрел ответ. Убедившись, что сербы чего-то не принимают, он немедленно затребовал паспорта. В тот же вечер австро-венгерская миссия покинула Белград; оказалось, что Гизль заранее приказал упаковать архивы и прочее имущество.

25 июля Сазонов обратился к Грею с просьбой «ясно и твёрдо» осудить перед австрийцами их политику. «К сожалению, — писал он Бенкендорфу, — по имеющимся сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что её требования не встретят возражений со стороны Англии; этим расчётом до известной степени и было обусловлено её решение». Аналогичная просьба поступила в Лондон и со стороны французского правительства.

Смотреть карты

Грей раскрывает позицию Англии.

24 июля австрийский посол в Лондоне Менсдорф привез Грею копию ультиматума. Грей выразил отчаяние. Он заявил, что это «самый страшный документ из всех когда-либо порождённых дипломатией». В тот же день, 24 июля, Грей принял и Лихновского. Он заявил ему, что, пока дело идёт о локализованном столкновении между Австрией и Сербией, его, сэра Эдуарда Грея, это не касается. Иначе обстоял бы вопрос, если бы общественное мнение России заставило, русское правительство выступить против Австрии. «В случае вступления Австрии на сербскую территорию, — продолжал Грей, — опасность европейской войны надвинется вплотную». «Всех последствий подобной войны четырёх держав, — Грей определённо подчеркнул число четыре, подразумевая Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию, — совершенно нельзя предвидеть». Затем Грей пустился в рассуждения об обнищании и истощении, которое вызовет война, о возможности революционного взрыва и об ущербе, грозящем мировой торговле. Что в войну может вмешаться пятая великая держава, Англия, об этом Грей снова не упомянул ни словом.

Наконец, 26 июля король Георг V беседовал с братом кайзера принцем Генрихом Прусским. «Отдавая себе совершенно ясный отчёт в серьёзности настоящего положения, — сообщал принц, — король уверял меня, что он и его правительство ничего не упустят для того, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией». «Он сказал дальше, — продолжает Генрих, — дословно следующее: „Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлечёнными в войну и остаться нейтральными“. Я убеждён в том, что эти слова были сказаны всерьёз, как и в том, что Англия сначала действительно останется нейтральной. Но сможет ли она остаться нейтральной долго, об этом, — заключал принц, — я не могу судить». Впрочем, длительного нейтралитета Англии для Берлина и не требовалось. Германская дипломатия исходила из планов своего генштаба, а так называемый план Шлиффена, как известно, предполагал, что разгром Франции произойдёт в течение нескольких недель. Следовательно, даже кратковременный нейтралитет Англии представлялся уже достаточным для целей германского империализма.

25 июля Бенкендорф в упомянутом донесении сообщал в Петербург о своих впечатлениях от позиции английской дипломатии. «Хотя я не могу представить вам, — писал он Сазонову, — никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьёзно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определённому впечатлению обратного порядка». Очевидно, не связывая себя окончательно, английская дипломатия стремилась внушить смелость России и Франции.

Грей предлагал через Лихновского, чтобы Германия воздействовала на Вену в духе умеренности. Он настаивал, чтобы Австро-Венгрия удовлетворилась сербским ответом на австрийский ультиматум. Но Грей не говорил немцам напрямик, что Англия будет воевать против Германии. Правда, Лихновский уже 27 июля почувствовал, что, повидимому, дело обстоит именно так. Быть может, получив телеграмму Лихновского 28-го, это почувал и кайзер. Всё же с Берлином Грею следовало говорить более твёрдым и ясным языком: тогда, быть может, ещё были бы шансы, что поджигатели войны образуются. Грей предложил организовать посредничество четырёх держав (Англии, Франции, Германии и Италии) для обсуждения способов разрешения кризиса. Мотивы, которыми при этом руководствовалось Министерство иностранных дел, раскрывает в своих мемуарах сам Грей. Он полагал, что обсуждение создавшейся обстановки за зелёным столом даёт некоторый шанс спасти мир. Но если бы это и не удалось, то и тогда конференция не принесла бы вреда Антанте. «Я полагал, — пишет он, — что германские приготовления к войне были продвинуты много дальше, нежели приготовления России и Франции; конференция дала бы возможность этим двум державам подготовиться и изменить ситуацию к невыгоде для Германии, которая сейчас имеет явное преимущество». Германское правительство без церемоний отвергло предложения Грея.

28 июля австро-венгерское правительство по телеграфу послало сербскому правительству объявление войны и начало военные действия. В Петербурге и Париже настойчиво требовали, чтобы Англия, наконец, определила свою позицию. В ночь с 28 на 29 июля, по приказу адмиралтейства, британский флот вышел из Портленда и, с потушенными огнями пройдя канал, направился на свою боевую базу в Скапа-Флоу.

29 июля Грей встретился с Лихновским дважды. Во время первой беседы он не сказал послу ничего существенного. Он лишь продолжал говорить о посредничестве четырёх держав. Через некоторое время Грей известил Лихновского, что хотел бы его повидать ещё раз. Министр встретил посла словами: «Положение всё более обостряется». Затем он заявил Лихновскому, что вынужден в дружественном и частном порядке сделать ему некоторое сообщение. Тут Грей, наконец, впервые изложил германскому послу свою истинную позицию. «Британское правительство, — сказал министр, — желает и впредь поддержать прежнюю дружбу с Германией и может остаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. Но, если бы в него втянулись мы и Франция, положение тотчас бы изменилось, и британское правительство, при известных условиях, было бы вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать».

Заявление Грея произвело в Берлине потрясающее впечатление. Чувства германской дипломатии, вызванные этой телеграммой Лихновского, выразила колоритная заметка кайзера. «Англия открывает свои карты, — писал Вильгельм, — в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом являются адресованные мне слова короля в разговоре с Генрихом: „Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне сколь возможно дольше“». Грей «определённо знает, — продолжал кайзер, — что стоит ему только произнести одно серьёзное предостерегающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!» — так неистовствовал взбешённый Вильгельм II.

В эти же дни Берлину стало известно, что Италия не собирается воевать на стороне своих союзников. Итальянская дипломатия высказывала обиду, что Австрия не посоветовалась с ней по поводу выступления, предпринимаемого против Сербии, как того требовал один из пунктов Тройственного союза.

Все эти известия действовали на германское правительство, как холодный душ. Давно ли в Берлине досадовали на колебания Вены? Давно ли там возмущались медлительностью австрийцев в предъявлении ультиматума? Картина разом изменилась: в Берлине были близки к панике. В 3 часа ночи с 29 на 30 июля, несмотря на поздний час, предупреждения Грея были переданы в Вену. Ещё раньше, 28 июля, когда кайзер осмыслил позицию Италии, австрийцев начали уговаривать удовольствоваться занятием Белграда как залогом и принять посредничество, предложенное Греем. В течение всего дня 30 июля Берлин бомбардировал Вену телеграммами. Однако венское правительство отклонило немецкие предложения. Единственно чего удалось добиться германской дипломатии? Это того, чтобы Вена облекла ответ Грею в вежливые формы.

Смотреть карты

Германский ультиматум России.

Трудно сказать, как бы в конце концов повели себя австрийцы, если бы германское правительство продолжало свой нажим. Но 30 июля, поздно вечером, он уже был прекращён. Воздействие генерального штаба вернуло кайзера на прежний путь.

Стратегические плацы Германии строились в расчёте на молниеносный разгром Франции, облегчаемый медленностью мобилизации и сосредоточения русской армии, завершение которых требовало свыше 40 дней. До истечения этого времени Россия, по немецким предположениям, не могла оказать своей союзнице действенной помощи. Покончив с Францией, предполагалось бросить все силы на Россию и, таким образом, разгромить, противников порознь. Каждый лишний день русских военных приготовлений рассматривался как чрезвычайно важный для Германии. Ясно было, что Германия должна была во что бы то ни стало задержать русские мобилизационные мероприятия.

Решив поддержать Сербию, русское правительство всё же чувствовало себя неуверенно. Это и неудивительно. Реорганизация русских вооружённых сил ещё далеко не была закончена, а позиция Англии оставалась не вполне ясной. Сазонов нервничал. То он предлагал, чтобы державы коллективно побудили Австрию продлить Сербии срок для ответа, то настаивал, чтобы Англия и Италия взяли на себя посредничество в австро-сербском конфликте. Наконец, 28 июля царь обратился к Вильгельму с просьбой успокоить Австрию. Всё было бесполезно. Война надвигалась неотвратимо, ибо этого хотели немцы. Тогда русское правительство решило, что надо возможно скорее мобилизоваться.

Германская дипломатия попыталась оттянуть русские военные приготовления. Вильгельм 11 в тот же день, 28 июля, поздно вечером послал Николаю 11 телеграмму, в которой обещал воздействовать на Вену. 29 июля германский посол Пурталес пришёл к Сазонову и прочёл ему телеграмму Бетмана; тот требовал, чтобы Россия прекратила всякие военные приготовления, иначе Германии придётся объявить мобилизацию, а это может легко привести к войне. «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости», — бросил Сазонов Пурталесу, выслушав телеграмму канцлера. «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения», — вскричал Пурталес. Собеседники расстались весьма холодно. Так гласит запись их беседы, сделанная в русском Министерстве иностранных дел.

В тот же день, 29 июля, по настоянию начальника генерального штаба Янушкевича, Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. Вечером начальник мобилизационного отдела генерального штаба генерал Добророльский прибыл в здание петербургского главного телеграфа и лично привёз туда текст указа о мобилизации для сообщения во все концы империи. Оставалось буквально несколько минут до того, как аппараты должны были начать передачу телеграммы. И вдруг Добророльскому было передано распоряжение царя приостановить передачу указа. Оказалось, царь получил новую телеграмму Вильгельма. В своей телеграмме кайзер опять заверял, что будет стараться достигнуть соглашения между Россией и Австрией, и просил царя не затруднять ему этого военными приготовлениями. Ознакомившись с телеграммой, Николай сообщил Сухомлинову, что отменяет указ о всеобщей мобилизации. Царь решил ограничиться частичной мобилизацией, направленной только против Австрии.

Сазонов, Янушкевич и Сухомлинов были крайне обеспокоены тем, что Николай поддался влиянию Вильгельма. Они боялись, что Германия опередит Россию в сосредоточении и развёртывании армии. Они встретились 30 июля утром и решили попытаться переубедить царя. Янушкевич и Сухомлинов попробовали было сделать это по телефону. Однако Николай сухо объявил Янушкевичу, что прекращает разговор. Генерал успел всё же сообщить царю, что в комнате присутствует Сазонов, который тоже хотел бы сказать ему несколько слов. Помолчав немного, царь согласился выслушать министра. Сазонов попросил аудиенции для неотложного доклада. Николай снова помолчал, а затем предложил приехать к нему в 3 часа. Сазонов условился со своими собеседниками, что если он убедит царя, то тотчас из Петергофского дворца позвонит Янушкевичу, а тот отдаст приказ на главный телеграф дежурному офицеру для сообщения указа во все военные округа. «После этого, — заявил Янушкевич, — я уйду из дома, сломаю телефон, вообще сделаю так, чтобы меня уже нельзя было разыскать для новой отмены общей мобилизации».

В течение почти целого часа Сазонов доказывал Николаю, что война всё равно неизбежна, так как Германия к ней стремится, и что при этих условиях мешкать со всеобщей мобилизацией крайне опасно. В конце концов Николай согласился. Он обычно соглашался с тем, кто говорил с ним последний. Из вестибюля Сазонов позвонил Янушкевичу и сообщил о полученной санкции царя. «Теперь вы можете сломать свой телефон», — добавил он. В 5 часов вечера 30 июля застучали все аппараты главного петербургского телеграфа. Они разослали по всем военным округам указ царя о всеобщей мобилизации. 31 июля, утром, он стал достоянием гласности.

В полночь 31 июля германский посол явился к Сазонову с сообщением, что если 1 августа к 12 часам дня Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию. Сазонов спросил, означает ли это войну. «Нет, — ответил Пурталес, — но мы к ней чрезвычайно близки». Россия не приостановила мобилизационных мероприятий. В тот же день, 1 августа, и Германия приступила к всеобщей мобилизации.

Смотреть карты

Начало русско-германской войны.

1 августа, вечером, германский посол снова пришёл к Сазонову. Он спросил, намерено ли русское правительство дать благоприятный ответ на вчерашнюю ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отрицательно. Граф Пурталес выказывал признаки всё возрастающего волнения. Он вынул из кармана сложенную бумагу и ещё раз повторил свой вопрос. Сазонов снова ответил отказом. Пурталес в третий раз задал тот же самый вопрос. «Я не могу дать вам иной ответ», — снова повторил Сазонов. «В таком случае, — произнёс Пурталес, задыхаясь от волнения, — я должен вручить вам эту ноту». С этими словами он передал Сазонову бумагу. Это была нота, или, точнее, целых две ноты, с объявлением войны. Бетман прислал два варианта объявления войны, в зависимости от возможных вариантов ответа Сазонова, а Пурталес, разволновавшись, отдал Сазонову оба документа зараз. Началась русско-германская война. Военные соображения германского генштаба требовали только задержки русской мобилизации. Никакой особой надобности в столь поспешном объявлении войны России немецкий план войны

не вызывал. Он требовал лишь скорейшего открытия военных действий против Франции. Всякая отсрочка их на востоке могла принести немцам одну только выгоду. Для чего же понадобилось Бетману торопиться с актом объявления войны России? На этот вопрос ответ даёт Бюлов в своих мемуарах. По его мнению, этот ход Бетмана диктовался внутривластной обстановкой. Альберт Баллин передал Бюлову яркое описание сцены, разыгравшейся в его присутствии во дворце канцлера утром, в день объявления войны России.

«Когда Баллин вошёл в салон, где были тогда приняты столь потрясающие решения, то он увидел рейхсканцлера, который большими шагами, в сильном возбуждении ходил взад и вперёд по комнате. Перед ним, за столом, заваленным толстыми книгами, сидел тайный советник Криге. Криге был прилежным, честным и усердным чиновником... Бетман от времени до времени обращал к Криге нетерпеливый вопрос: „Объявление войны России всё ещё не готово? Я должен сейчас же иметь объявление войны России!“ Совершенно растерянный Криге копался, между тем, в крупнейших руководствах по международному и государственному праву, начиная с Гуго Гроция и вплоть до Блюнчли, Геффтера и Мартенса, выискивая прецеденты. Баллин позволил себе спросить канцлера: „Почему, собственно, ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?“ Бетман ответил: „Иначе я не получу социал-демократов“. Он думал достигнуть этого, — заключает Бюлов, — заострив войну... против русского царизма». Бетман решил, что германскому правительству выгоднее начать войну под лозунгом борьбы с царизмом. Он был уверен, что германские социал-демократы ухватятся за этот лозунг и это облегчит им поддержку немецкого империализма в мировой войне. С точки зрения внутренней политики канцлер не ошибся: «Каутский и Ко, — писал Ленин, — прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для неё из области исторических примеров не империалистских войн». Таким оправданием и должна была служить идея «народной» войны против царизма, взятая из давно минувшей эпохи 1848 г.

Смотреть карты

Борьба в английском кабинете.

Только 27 июля 1914 г. британский кабинет в первый и раз после начала кризиса занялся обсуждением международного положения. Грей начал свой доклад с изложения телеграммы посла в Петербурге Бьюкенена, в которой сообщалось, что в случае войны Сазонов рассчитывает на военную поддержку со стороны Англии. Наступила минута, — заключил Грей, — когда кабинет должен вынести определённое решение, примет ли Англия активное участие в общеевропейском вопросе рядом с двумя другими державами Антанты, или же останется в стороне и сохранит абсолютный нейтралитет. Англия не может дольше откладывать решение. События надвигаются с большой быстротой. Грей предупредил, что в случае, если кабинет выскажется за нейтралитет, он подаст в отставку. Воцарилось молчание.

Первым нарушил его лорд Морлей. Он высказался против вступления Англии в войну. Таковую же позицию заняло подавляющее большинство членов кабинета — одиннадцать, считая самого Морлея. Грея поддерживали только трое: премьер Асквит, Холден и Черчилль; Ллойд Джордж и ещё несколько министров заняли выжидательную позицию.

Положение Грея было не из лёгких, Россия и Франция настаивали на недвусмысленном ответе, желая знать, поможет ли им Англия в надвигающейся войне. Чиновники Форейн офис, особенно Никольсон и Кроу, а также генеральный штаб тоже торопили министра. А группа Морлея, наоборот, требовала мира с Германией. Дискуссия в кабинете возобновилась на следующий день и продолжалась ежедневно. Соотношение сил в правительстве заставляло Грея соблюдать осторожность. Ему надо было, по выражению Бенкендорфа, повлиять на «медлительное сознание» англичан и переубедить своих коллег по кабинету.

Грею помогала сама же германская дипломатия, проявив необузданность своих требований. Ещё 29 июля, в разговоре с английским послом Гошеном, Бетман со свойственной ему неуклюжестью затронул вопрос о войне против Франции и о вторжении германских войск через Бельгию. Если в таком случае Англия обяжется соблюдать нейтралитет, Бетман обещал гарантировать неприкосновенность французской и бельгийской территории в Европе после войны. Отвечая на вопрос посла, канцлер, однако, тут же пояснил, что не может распространить эту гарантию и на французские колонии.

Телеграмма Гошена о разговоре с Бетманом пришла в Лондон 30-го утром. Грей заготовил отрицательный ответ на это «неприемлемое» и «бесчестное» предложение. Ответ был выдержан в возмущённом тоне.

31 июля Грей запросил Берлин и Париж, будут ли они уважать нейтралитет Бельгии. Камбон дал самые категорические заверения, а Лихновский попытался парировать вопрос Грея, в свою

очередь спросив его, обязуется ли Англия соблюдать нейтралитет в случае, если Германия обещает не нарушать нейтралитета Бельгии. Грей отказался дать такое обязательство. Но он добавил, что для самой Германии было бы крайне важно дать Англии гарантию нейтралитета Бельгии: это оказало бы влияние на английское общественное мнение в благоприятном для Германии смысле.

Тем временем Россия и Франция всё настойчивее требовали от Англии ясных обязательств. Британский кабинет попережнему откладывал решение.

Группа Морлея грозила расколом кабинета, и 1 августа 1914г. Грей поддался давлению прогерманцев. В этот день, в противоречие с тем, что он говорил немцам начиная с 29 июля, Грей предложил Лихновскому обсудить следующий проект: он гарантирует нейтралитет Англии и Франции, при условии, что немцы обещают не нападать на эту последнюю. Таким образом, Грей задумывал прямое предательство России. Явный смысл его плана заключался в том, чтобы, бросив Германию на Россию, самому остаться в стороне. Конечно, кайзер пришёл в восторг от проекта Грея. Но осуществить его не удалось.

Прежде всего помешали французы. Камбон без стеснения разъяснил Грею, что если Англия предаст своих друзей, то после войны ей самой придётся плохо, независимо от того, кто бы ни предстал перед ней в роли победителя: Германия или Россия и Франция. Грей не мог не понять, что замысел его не только вероломен, но и недостаточно дальновиден.

Смотреть карты

Объявление Германией войны Франции.

Французские правящие круги в лице таких политиков, как Пуанкаре, давно решились на войну с Германией. Но при этом французское правительство желало переложить ответственность за неё на самих немцев. Сделать это было нетрудно. Стремясь к быстрейшему разгрому Франции, германский империализм торопился с началом военных действий на Западном фронте. Значит стоило только французскому правительству проявить терпение и выдержку, и германское правительство само взяло бы на себя всю тяжесть ответственности за объявление войны. 30 июля 1914 г. французское правительство отвело войска на 10 километров от границы, тщательно стараясь предупредить пограничные инциденты, которые могли бы дать немцам повод для открытия военных действий.

Уже 31 июля, одновременно с предъявлением в Петербурге требования прекратить мобилизацию, германским послом в Париже была вручена нота французскому министру иностранных дел. Этой нотой германское правительство ставило Францию в известность о требованиях, предъявленных им России. Далее, оно задавало вопрос, готова ли Франция дать обязательство соблюдать нейтралитет. Для ответа был дан срок 18 часов. Бетман предусмотрительно сообщил послу Шёну инструкции, как ему поступить, если бы французы дали удовлетворительный ответ. В этом случае посол должен был предъявить французам добавочное, заведомо неприемлемое требование и, таким образом, вынудить их воевать. Франции предлагалось передать Германии крепости Туль и Верден для оккупации их в качестве залога, что обещанный нейтралитет в самом деле будет соблюдаться. Так нагло провоцировали немцы войну.

Но Бетман напрасно измышлял свои ухищрения. Французы ответили, что ничего не могут заранее сказать о своём поведении и сохраняют свободу действий. 1 августа Пуанкаре отдал приказ о мобилизации. Придраться к этому немцам было трудно: в этот день мобилизовалась и сама Германия.

Начальник германского генштаба требовал скорейшего открытия военных действий на Западном фронте. Уже 1 августа Бетман составил текст объявления войны Франции. Для обоснования этого акта германский канцлер использовал непроверенные слухи о пограничных инцидентах и мнимых налётах французской авиации на территорию Германии. Позже и сами немцы признали, что, объявляя войну Франции, они ссылались на такие данные, которые оказались ложными. Так «обосновывался» акт величайшего международного значения: объявление войны Франции. Иота была вручена французскому правительству под вечер 3 августа 1914 г.

Смотреть карты

Вторжение германских войск в Бельгию.

Бетману оставался ещё один последний труд: дипломатическое «оформление» германского вторжения в Бельгию. Это было сделано очень просто и столь же аляповато, как и объявление войны Франции. Ещё 29 июля Мольтке прислал в ведомство иностранных дел проект заявления

бельгийскому правительству. В нём говорилось, что германское правительство имеет сведения, будто Франция концентрирует войска на Маасе для удара на Намюр. Бельгия, утверждалось далее, явно не сможет своими силами отразить это нападение; ввиду этого германские войска вынуждены будут вступить на бельгийскую территорию. Однако германское правительство предлагает не усматривать в этом враждебного Бельгии акта; оно просит отвести бельгийские войска к Антверпену и не мешать продвижению германских войск. За это Бельгии гарантируются её целостность и независимость и даже территориальные компенсации за счёт Франции. Германское иностранное ведомство вычеркнуло лишь фразу о компенсациях; в остальном оно ограничилось ролью переписчика текста, присланного Мольтке. Срок для ответа давался Бельгии суточный. В берлинских дипломатических канцеляриях всем было, конечно, ясно, что никакого удара французов на Намюр не ожидается. Тем не менее 2 августа ультиматум был вручён бельгийскому правительству.

Бельгия мобилизовалась ещё 31 июля. Получив ультиматум, брюссельское правительство отклонило его и обратилось к Англии за помощью.

Теперь Грей победил своих коллег-пацифистов. Значение бельгийского побережья для безопасности Англии истари известно было каждому англичанину. Вторжение немцев в Бельгию давало Грею и его единомышленникам самый популярный предлог для вмешательства в войну. 2 августа лидеры консерваторов обещали Асквиту полную поддержку в том случае, если он решится на войну. С этого момента Морлей уже не представлял опасности для Асквита и Грея.

2 августа Грей дал Камбону письменное заверение, что английский флот будет защищать французское побережье Канала и Атлантики в соответствии с условиями морской конвенции. Вечером этого дня Джон Берне, один из министров — противников войны, подал в отставку. На заседании кабинета утром 3 августа было решено вступить в войну. Вслед за Бернсом подал в отставку лорд Морлей и с ним ещё два члена кабинета. Ллойд Джордж решительно перешёл на сторону военной партии.

Днём Грей выступил в Парламенте. Весь мир с нетерпением ждал его речи. Особенно беспокоилось, конечно, германское правительство.

Грей начал свою речь заявлением, что к несчастью «европейский мир не может быть сохранён». Он заверил, что вся его политика была направлена на сохранение мира. Однако все усилия спасти мир остались безуспешными, ибо «некоторые страны» стремились к войне. Огласив своё письмо к Камбону от ноября 1912 г., Грей обосновал необходимость вмешательства Англии в войну на защиту Франции.

Конец своего выступления Грей посвятил Бельгии. Он доказывал, что Англия не может сохранить нейтралитет, если Бельгия подвергнется иноземному нашествию. Грей закончил просьбой, чтобы палата предоставила кабинету неограниченные полномочия для использования всех морских и сухопутных сил Великобритании. И консерваторы и даже ирландцы выразили доверие правительству.

На следующий день, 4 августа 1914 г., британское правительство предъявило Германии ультиматум, требуя безоговорочного соблюдения нейтралитета Бельгии. Ответ предлагалось дать до 11 часов ночи по лондонскому времени.

Вечером этого дня, 4 августа, кабинет собрался па Даунинг-стрит. Грей был уверен, что ответа не последует. И всё же министры с волнением ожидали, не явится ли кто из германского посольства, дабы вручить ответную ноту. Стрелка часов приближалась к назначенному часу. Срок истёк, ответа не поступило. Грей послал в германское посольство Лихновскому письмо следующего содержания: «Правительство его величества считает, что между обеими странами с 11 часов вечера 4 августа существует состояние войны». К письму были приложены паспорта чинов посольства.

Виртуальная книга "История дипломатии" XV в. до н.э. - 1940 г. н.э.
Электронная версия одноименной книги
под редакцией В.П. Потемкина
<http://www.diphis.ru>